

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 2(62), 2023

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС 77 – 35710 от 23.03.2009
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Краснова О.Н.</i> Текстовая когезия как способ раскрытия глубинных художественно-психологических свойств повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина	5
<i>Кудрицкая С.В.</i> Мотив душевной болезни в творчестве Михаила Пантюхова (1880–1910) и Александры Мирэ (1874–1913)	15
<i>Андреев С.Н.</i> Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Манделъштама	28
<i>Королева И.А.</i> Региональная историческая лексикография: проблемы и перспектива развития	39
<i>Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Компаративные конструкции с образами цветов в современной русской прозе	48
<i>Ли Л.</i> Сопоставительный анализ «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и китайского «Словаря Канси».....	59
<i>Воронцова Т.И., Воронцова А.А.</i> К вопросу о корреляции категорий эвиденциальности и эпистемической модальности.....	73
<i>Белютин Р.В.</i> Прагмасемантика высказываний футбольных фанатов в баннерной коммуникации (на материале немецкого языка).....	84
<i>Гришаева Л.И.</i> «Детские» анекдоты как средство и способ поддержания коллективной идентичности носителей языка и культуры (часть 1).....	96
<i>Балакина Л.В.</i> О множестве метафорических смыслов в репрезентации феномена «язык» в книге А. Тальмайера «Heraus mit der Sprache»	113

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Познахирев В.В.</i> Продовольственное обеспечение пленных унтер-офицеров и рядовых в России и странах Запада в XVIII веке	123
<i>Суменкова М.В.</i> Флагманская роль Русской православной церкви в антиалкогольной борьбе начала XX века в России (на примере Пензенской епархии).....	138
<i>Кобец О.В., Козин Е.В.</i> Белорусизация на Смоленщине со страниц газеты «Рабочий путь», 1920–1930-е годы.....	150
<i>Штацкая А.М.</i> Жизнь на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны (по материалам автобиографий выпускников гуманитарных факультетов Псковского государственного педагогического института 1948–1953 годов).....	170
<i>Кулаков В.И.</i> Легенды о прусских городищах	183

<i>Величко Е.О.</i> К становлению практики королевских визитов в колониальные владения Великобритании: предыстория первого официального тура принца Уэльского в Канаду в 1860 году.....	197
<i>Бойко О.О.</i> Германская угроза и дискуссии о европейских союзах: особенности либеральной политико-идеологической преемственности лидеров либеральной партии от У. Гладстона до Г. Асквита в конце XIX – начале XX века.....	211
Сведения об авторах	223

О.Н. Краснова

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

УДК 82.0

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-5-14

**ТЕКСТОВАЯ КОГЕЗИЯ КАК СПОСОБ РАСКРЫТИЯ
ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
СВОЙСТВ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ»
Н.М. КАРАМЗИНА**

Ключевые слова: *когезия; повествователь; имплицитная информация; сюжетно-композиционный уровень; художественно-психологические свойства; маркер; читатель; мотивационные установки.*

На материале повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» с позиций междисциплинарного подхода на стыке теории текста, литературоведения, психолингвистики рассматриваются возможности текстовой когезии с целью выявления глубинных художественно-психологических свойств образа повествователя. Исследование ведется в аспекте анализа процесса художественно-психологического смыслопорождения, связанного с глубинными чертами героя.

Названный подход позволяет обнаружить закономерности функционирования имплицитной информации, ведущей к указанным свойствам. Рассматриваются проявления когезии, имеющие потенциал для извлечения имплицитной текстовой информации о художественно-психологических свойствах повествователя 1) на сюжетно-композиционном уровне (текстовый монтаж – соположение реплик, сюжетное воплощение ранее названной возможной ситуации (реализация предчувствий)); 2) на уровне выразительных средств (интонация, эмоциональная окрашенность, фонетическое наполнение ритмических групп, ключевые элементы). Выявляются приемы эмоционального воздействия на читателя и способы привлечения его внимания.

Делаются выводы об эстетических возможностях когезии в обнаружении художественно-психологических свойств героя 1) в диалоге, художественно-психологическим фоном которого являются невербализированные пресуппозиции, связанные со сферой взаимоотношений; 2) при контрасте когнитивного и эмоционального содержания реплик участников диалога.

Перекрестная связанность средствами когезии выступает в качестве текстового сигнала имплицитной информации.

Материалы статьи могут быть применены в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, курсах литературы XVIII века, спецкурсах.

Во второй половине XX века объектом пристального научного рассмотрения стал художественный текст с внутренне присущими ему признаками (категориями). Одним из «текстовых качеств, важнейших признаков текста, имеющих типизированный и обобщающий характер» [Болотнова, 2009, 161], является когезия.

И.Р. Гальперин понимал под когезией «особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, темпоральную и пространственную, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин, 1981, 74]. Рассматривая когезию в художественных текстах, он отмечал тесную связь «логических, психологических и формально-структурных» ее видов [Гальперин, 1981, 74–75].

В.В. Виноградов видел текстообразующее значение «принципов расположения слов, их организацию в синтаксические ряды, приемы сцепления и сопоставление синтаксических целых» [Виноградов, 1980, 7].

Разработка понятия когезии также связана с именами Ю.М. Лотмана, Н.Ю. Шведовой, С.И. Гиндина, Ю.Н. Караулова, Л.И. Кручининой, В.А. Лукина, К.В. Кожевниковой, Л.В. Сахарного, У. Эко.

В настоящее время исследования когезии в основном сосредотачиваются в области стилистики текста (А.В. Флоря, Н.В. Зайцева, О.А. Витрук, А.Н. Цветкова, Е.А. Давыдова, О.А. Богданова, Н.Н. Дюмон, Е.В. Падучева), коммуникативистики (Т.В. Милевская, Н.Я. Якшимбетова, Р.А. Иванова), психолингвистики (А.В. Кинцель, Ю.А. Власова, Г.Ф. Юсимова), лингвистики (Н.Б. Боева, М.А. Величко, В.Н. Ибишова, С.А. Соловьева, С.А. Хуссайн, О.М. Вербицкая), в частности логико-семантического подхода (Д.Р. Копосов, Е.А. Бобко, М.А. Ананьина), коммуникативно-когнитивного (М.А. Голованева).

Изучаются возможности когезии в области филологического анализа художественного текста. А.В. Флоря разрабатывает систему средств формальных и имплицитных связей (интеграции, кооперации / конкуренции, партитурности, проспекции / ретроспекции), анализирует их функционирование и роль в интерпретации образов и их взаимоотношений [Флоря, 2013].

О.М. Вербицкая рассматривает когезию как «основной принцип построения текста, как синтезирующее начало произведения в зависимости от авторской интенции», исследует функции когезии в тексте и роль в развитии образа персонажа и сюжета произведения [Вербицкая, 2001].

Тем не менее потенциал когезии для литературоведческих изысканий остается раскрытым недостаточно.

Наше междисциплинарное исследование на стыке теории текста, литературоведения, психолингвистики имеет целью через приемы текстовой когезии проследить процесс смыслопорождения, связанный с глубинными художественно-психологическими свойствами повествователя; выявить способы извлечения имплицитной текстовой информации, рассмотреть соответствующие проявления когезии на уровнях текста – сюжетно-композиционном, выразительных средств, а также определить возможности воздействия на читателя.

В соответствии с целями проанализируем проявления когезии, отраженные в характере текстового монтажа – соположения реплик на примере ситуации прощания Эраста с матерью Лизы перед уходом на войну.

Слова повествователя вводят речь героя: «Он принудил ее взять у него несколько денег, сказав: “Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне”. Старушка осыпала его благословениями. “Дай господи, – говорила она, – чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя еще раз увидела в здешней жизни!”»¹ [Карамзин, 1984, 515].

Обращенная к матери Лизы сухая, деловая речь Эраста, содержащая распоряжения, контрастирует с приподнятой, имеющей хвалебный характер в отношении Эраста речью собеседницы. Высказывание повествователя «старушка осыпала его благословениями», вводящее реплику матери и контрастирующее с ней нейтральностью формы, подчеркивает высокую эмоциональность, связанную с заботой о другом человеке ничего не подозревающей матери, создавая художественно-психологический эффект ее незащитности.

Текстовое соположение слов повествователя «Он принудил ее [мать] взять у него несколько денег» и слов Эраста «Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне» [Карамзин, 1984, 515] выделяет образующие фон разговора событие соблазнения Лизы и намерение Эраста ее покинуть. Так проявляется фокусирующая внимание читателя апелляция повествователя к человеческой нравственности, совести, составляющая, в свою очередь, контраст с действиями Эраста.

Заметим, что на протяжении повести Эраст несколько раз безуспешно пытался дать Лизе и ее матери денег больше положенного («мне не надобно лишнего»; «старушка никогда не брала лишнего»), но сумел это осуществить лишь в анализируемой ситуации, когда не только «работа» Лизы, но и она сама уже «принадлежала» ему.

Текстовый факт передачи «лишних» денег матери Лизы, во-первых, является индикатором информации об особенной убедительности Эраста в последнем «деловом» разговоре («принудил ее взять у него несколько денег»), во-вторых, позволяет проследить художественно-психологическую динамику «денежных» побуждений Эраста в отношении Лизы: от не вполне осознанного,

¹ Здесь и далее ссылки на произведение Н.М. Карамзина даются по источнику: Карамзин Н.М. Собр. соч. В 2 т. Л., 1984. Т. 1. 672 с.

тем не менее выражаемого в стремлении к материальным «авансам» до маскируемого мотивированным объяснением стремления «откупиться».

Сочетание слов матери: «Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их!» и реакции на них не участвующей в разговоре дочери («стояла подле матери и не смела взглянуть на нее» [Карамзин, 1984, 515]) дополняет художественно-психологическую палитру сцены эмоциями растерянности, стыда и чувством вины героини перед матерью.

Повествователь, не вербализуя эту информацию, в завершение сцены обращается к читателю, чтобы тот, будучи «свидетелем» происходящего и используя личный психологический опыт, расшифровал чувства героини: «Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту» [Карамзин, 1984, 515].

Стимулирование читателя к рефлексии является способом вычленения имплицитной информации относительно не только Лизы, но и повествователя, которому необходимо в оценке людей и событий иметь единомышленника, причем мыслящего на эти темы «естественно», самостоятельно². Кроме того, обращение повествователя к читателю маркирует текстовую позицию, в которой оно происходит: рассуждение матери о будущих детях Лизы, которых «должен крестить» Эраст.

Проявление имплицитной информации связано с обращением ничего не подозревающей матери, привыкшей доверять «доброму, пригожему барину», к самому виновнику, не собирающемуся раскрывать содеянное. Ситуация углубляется тем, что если на данный момент говорить о детях Лизы, то их отцом мог бы являться Эраст, а не гипотетический жених. Отсюда реакции смущения и стыда героини, выражаемые ее молчанием и боязнью взглянуть на мать, вслух мечтающую об устройстве судьбы дочери.

Итак, сложное сочетание в анализируемой сцене информации, связанной с художественно-психологическими позициями Эраста, Лизы и ее матери, обнаруживает также ценностно-мировоззренческие характеристики повествователя. Проявляющиеся в характере текстового монтажа и определяющие его, они складываются из особенностей интерпретации повествователем мыслей, слов и действий героев.

Другим проявлением когезии на сюжетно-композиционном уровне, которое обладает, по нашей гипотезе, потенциалом для извлечения имплицитной текстовой информации о художественно-психологических свойствах повествователя, является сюжетная реализация ранее названной возможной ситуации.

² Возникает ситуация, когда читатель, «полагаясь на собственную концептуальную систему, способен декодировать скрытые смыслы» [Голякова, 2006, 5].

Примером может служить завершение сцены первого объяснения в любви Эраста и Лизы, которая занимает центральное место в структуре повести, что композиционно и эстетически выделяет ее.

Средством когезии является испытываемое Лизой предчувствие³ возможного обмана со стороны Эраста: «Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» [Карамзин, 1984, 512].

Художественно-психологически значимо, что предчувствие возникает непосредственно после счастливого объяснения на берегу, которое изображено как воплощение мечты героини.

Эраст в своем ответе апеллирует не к собственному опыту, воззрениям и этическому чувству⁴ («Для меня этого нельзя, нельзя, милая Лиза!»), а к надличностному побуждающему началу, супер-Эго высказанного им морального утверждения. Тем не менее формально-семантически оно соответствует эмоциональному послылу героини, которая принимает слова Эраста в качестве его личной позиции и, в свою очередь, выражает отношение к ней («Как я счастлива»).

Реплики Лизы и Эраста связаны перекрестными средствами когезии.

Таблица 1

Выразительные средства в тексте Лизы и Эраста

Выразительные средства	Текст Лизы	Текст Эраста
Интонация	Вопросительная	Восклицательная
Эмоциональная окрашенность	Тревожное предчувствие	Выражение симпатии; отраженная эмоция Лизы
Фонетическое наполнение ритмических групп	э, ы-а, е, и, е-э, ја-ы (ударные)	ја, ја, и, и (ударные)
Ключевые элементы	Ключевое понятие «бедная»	Ключевое слово «милая»

Две фразы Лизы, содержащие тревожные эмоциональные сигналы, грамматически развернуты, семантически насыщены, составляют художественно-психологический контраст с ответом Эраста. Он краток (содержит только три слова по сравнению с девятью у Лизы), грамматически свернут, укладывается в одну фразу, в которой два слова («нельзя, нельзя») являются повтором текста Лизы.

То есть собственно Эрасту принадлежит лишь обращение «милая Лиза», где «милая» – ключевое слово, когезийно связанное с ключевым понятием «бедная» из словосочетания «бедная Лиза», применяемого героиней

³ А.В. Кинцель считает эмоцию «единственным представителем процессов мотивации» в тексте как результате речевой деятельности [Кинцель, 2000, 30].

⁴ Сравним с понятиями «интеллектуальной» и «моральной совести», введенными Д.Н. Овсяннико-Куликовским, который считал оба вида совести естественным, внутренне присущим психологическим свойством человека («внутренне свободны») [Овсяннико-Куликовский, 1907, 290].

к самой себе. Таким образом, героиня предстает в самоназвании как «бедная Лиза», в названии Эраста – «милая Лиза».

При этом слово «бедная» употребляется в значении «несчастный, пробуждающий жалость, сострадание» [Словарь русского языка, 1985–1988, I, 68], а «милая» приобретает контекстуальное значение, осциллирующее от «близкий сердцу; родной, дорогой» до «возлюбленный; возлюбленная» [Словарь русского языка, 1985–1988, II, 270].

Результатом указанной когезии является актуализация художественно-психологической взаимосвязанности любви, «близости сердцу» и состояния несчастья, «пробуждающей жалость, сострадание».

Названному эстетическому эффекту соответствует и фонетическое наполнение ударных ритмических групп текста героев. Так, у Лизы это э, ы-а, е, и, е-э, ја-ы; у Эраста – ја, ја, и, и. В соответствии с фоносемантической концепцией А.П. Журавлева сочетание звуков в тексте Лизы вызвано переданной эмоцией тоски, ужаса, страха, одиночества [Журавлев, 1991, 10, 121–123]. Кроме того, звуки «а» отвечают семантике наполненности, «и» – уменьшения. То есть «отраженная» эмоция наполненности чувством Лизы в устах Эраста приобретает характеристику уменьшения качества.

Текст Лизы представляет концентрат мотивов повести⁵: он включает в себя маркеры оценки («бедная»); возможности («ужели»); запрета («нельзя»); указания на лицо («ты»). Кроме того, в тексте имеются этические маркеры: лексический («обманешь»), относящийся к сфере моральных девиаций; синтаксический («Ведь этому нельзя быть?»), содержащий оформленную в виде вопроса обобщенную этическую оценку ситуации возможного обмана.

В диалоге вопрос адресован Лизой Эрасту, но одновременно это и вопрос повествователя читателю. На это указывают этические маркеры, также вступающие в отношения когезии, создавая эффект вбирающего «взгляд» Лизы «взгляда» повествователя.

Вопросительная интонация Лизы и восклицательная в ответе Эраста связывают реплики их диалога, представляющего художественно-психологический и эстетический «узел», создающий ситуацию выбора для героев и требующий сюжетного разрешения⁶.

Исходом этой ситуации является сцена «грехопадения». Рассмотрим ее завершающий этап. «Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал – искал слов и не находил их. “Ах, я боюсь, – говорила Лиза, – боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю,

⁵ У В.Е. Хализева мотив определяется как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). <...> Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [Хализев, 2004, 280].

⁶ Сравним с «микроструктурными развилками вероятностей» в терминологии У. Эко [Эко, 2016].

что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?"» [Карамзин, 1984, 515].

Удивление героини когезийно связывает сцены объяснения и «грехопадения», но в первой из них названная эмоция проявляется подспудно, как реакция на немислимое, «безбожное» предательство, и сочетается с предчувствием, а во второй выражена открыто и сочетается со смятением чувств героини вследствие переживаемого момента.

Прием когезии соединяет обе сцены и в отношении Эраста: отрицание возможности предчувствуемого Лизой обмана и, соответственно, «грехопадения» как его следствия («Нельзя, нельзя, милая Лиза!») и молчание героя после случившегося⁷. Указанное сочетание, отражая «взгляд» повествователя, делает явственным для читателя феноменологическую цельность картины мира Лизы, а также неустойчивость, раздробленность Эраста, не отдающего себе отчета в словах и поступках. Кроме того, видение «взгляда» повествователя позволяет говорить об устойчивости, упорядоченности его этического мировоззрения и ценности для него веры в добро и чистоту мира.

Молчанием Эраст художественно-психологически отъединяет Лизу, она остается перед лицом стихии: «<...> блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. “Эраст, Эраст! – сказала она. – Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!”» [Карамзин, 1984, 515].

Следует заметить, что в «Словаре символов» Д. Тресиддера гром означает голос бога, молния – божественный гнев, а также гром – звучащее слово бога, молния – написанное. Кроме того, молния – «символ, несущий двойное, созидательное и разрушительное, значение, ассоциировался с оплодотворяющей силой, а также с воздаянием и правосудием» [Тресиддер, 1999].

Таким образом, когезия эстетически проявляет неизбежный уход Эраста из жизни Лизы уже на исходе сцены «грехопадения». Художественно-психологически оставшись одна, Лиза в этической рефлексии случившегося возлагает ответственность на себя, что не может не вызвать уважение повествователя. В этом одна из разгадок нисколько не изменившегося отношения повествователя к Лизе после «грехопадения».

Подведем итог.

В диалоге, художественно-психологический фон которого образуют невербализированные пресуппозиции, связанные со сферой взаимоотношений, текстовая когезия обнаруживает мотивационные установки и цели героев и повествователя.

Текстовая когезия обладает свойством эстетического проявления художественно-психологических свойств героя и их аккумуляции, благодаря чему реализует потенциал сюжетостроения.

⁷ Подробнее о молчании Эраста см.: [Краснова, 2021, 21].

Контраст когнитивного и эмоционального содержания реплик участников диалога способствует вычленению имплицитной информации, касающейся художественно-психологических позиций героев, интерпретация которых связана с мировоззрением повествователя. Кроме того, прием обладает высоким художественно-психологическим потенциалом привлечения внимания читателя и его эмоциональной включенности в происходящее.

Перекрытая связанность средствами когезии является текстовым сигналом имплицитной информации, а также фиксирует внимание читателя, готовя его к восприятию разворачивающегося текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта; Наука, 2009. 520 с.
- Вербицкая О.М. Textoобразующий потенциал когезии в структурно-смысловой организации текста: На материале текстов произведений англоязычных авторов: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 162 с. URL: <https://www.disscat.com/content/tekstoobrazuyushchii-potentsial-kogezii-v-strukturno-smyslovoi-organizatsii-teksta-na-materi> (дата обращения: 14.11.2022).
- Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 142 с.
- Голякова Л.А. Онтология подтекста и его объективация в художественном произведении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2006. 32 с.
- Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
- Карамзин Н.М. Собр. соч. В 2 т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 672 с.
- Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 151 с.
- Краснова О.Н. Ассоциаты «натура» и «природа»: текстовые связи с глубинными художественно-психологическими характеристиками образа повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 14–23.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. Из лекций об основах художественного творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907. Т. 1. 330 с.
- Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.
- Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 1999. 448 с. URL: <https://booksee.org/book/632945> (дата обращения: 14.11.2022).
- Флоря А.В. Анализ большого текста через когезию // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 2. С. 63–70.
- Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: АСТ, 2016. 640 с. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-linguistic/1148669-143-umberto-eko-rol-chitatelja-issledovaniya-po-semiotike-teksta-litres.html> (дата обращения: 14.11.2022).

O.N. Krasnova
*Postgraduate Student,
Chair of General and Applied Philology,
Literature and Russian Language,
Humanitarian Institute,
Altaj State University
Barnaul, Russia*

**Textual Cohesion as a Way of Revealing the Deep Artistic
and Psychological Properties
of N.M. Karamzin's «Poor Lisa»'s the Narrator**

Based on the material of N.M. Karamzin's novel «Poor Liza» from the standpoint of an interdisciplinary approach at the intersection of text theory, literary studies, and psycholinguistics, the possibilities of textual cohesion are considered in order to identify the deep artistic and psychological properties of the narrator's image. The research is conducted in the aspect of analyzing the process of artistic and psychological meaning generation associated with the deep features of the hero.

This approach makes it possible to detect patterns of functioning of implicit information leading to the specified properties. The manifestations of cohesion that have the potential to extract implicit textual information about the artistic and psychological properties of the narrator are considered 1) at the plot-compositional level: text editing – the juxtaposition of replicas, the plot embodiment of the previously named possible situation (realization of premonitions; 2) at the level of expressive means (intonation, emotional colouring, phonetic filling of rhythmic groups, key elements). Techniques of emotional influence on the reader and ways of attracting his attention are revealed.

Conclusions are drawn about the aesthetic possibilities of cohesion in detecting the artistic and psychological properties of the hero 1) in a dialogue, the artistic and psychological background of which is non-verbalized presuppositions associated with the sphere of relationships; 2) within the contrast of the cognitive and emotional content of the dialogue participants' replicas.

Cross-connectivity by means of cohesion acts as a textual signal of implicit information.

The materials of the article can be used in research and teaching activities, literature courses of the XVIII century, special courses.

Key words: cohesion; narrator; implicit information; plot-compositional level; artistic and psychological properties; marker; reader; motivational attitudes.

REFERENCES

Bolotnova N.S. Philological analysis of the text [Filologicheskij analiz teksta]. Moscow: Flinta; Nauka, 2009. 520 p. (in Russian).

Verbickaya O.M. The text-forming potential of cohesion in the structural and semantic organization of the text: Based on the texts of the works of English-speaking authors [Tekstobrazuyushchij potencial kogezi v strukturno-smyslovoj organizacii teksta. Na materiale tekstov proizvedenij angloyazychnyh avtorov]. Dissertation ... candidate of philolog. sciences. Irkutsk, 2001. 162 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/tekstobrazuyushchii-potentsial-kogezi-v-strukturno-smyslovoi-organizatsii-teksta-na-materi> (accessed on November 14, 2022) (in Russian).

Vinogradov V.V. Selected works. About the language of fiction [Izbrannye trudy. O yazyke hudozhestvennoj prozy]. Moscow: Nauka, 1980. 360 p. (in Russian).

Galperin I.R. Text as an object of linguistic research [Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya]. Moscow: Nauka, 1981. 142 p. (in Russian).

Golyakova L.A. Ontology subtext and ego objectification in artistic works [Ontologiya podteksta i ego ob'ektivaciya v hudozhestvennom proizvedenii]. Abstract of dissertation ... doctor of philolog. sciences. Perm: Perm Goss. UN-t, 2006. 32 p. (in Russian).

Zhuravlyov A.P. Sound and meaning [Zvuk i smysl]. Moscow: Enlightenment, 1991. 160 p. (in Russian).

Karamzin N.M. Coll. Works: in 2 vols. Vol. 1 [Sobr. soch.: v 2 t]. Leningrad: Khud. lit., 1984. 672 p. (in Russian).

Kincel A.V. Psycholinguistic study of the emotional and semantic dominant as a text-forming factor [Psiholingvisticheskoe issledovanie emocional'no-smyslovoj dominanty kak tekstobrazuyushchego faktora]. Barnaul: Altaj University, 2000. 151 p. (in Russian).

Krasnova O.N. Associates «character» and «nature»: text links with deep artistic and psychological characteristics of the narrator's image in «Poor Lisa» by N.M. Karamzin [Associaty «natura» i «priroda»: tekstovye svyazi s glubinnymi hudozhestvenno-psihologicheskimi harakteristikami obraza povestvovatelya «Bednoj Lizy» N.M. Karamzina]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2021, no. 4(56), pp. 14–23 (in Russian).

Ovsyaniko-Kulikovskij D.N. From lectures on the basics of artistic creativity [Iz lekcij ob osnovah hudozhestvennogo tvorchestva]. *Questions of the theory and psychology of creativity*. Vol. 1. Kharkiv, 1907. 330 p. (in Russian).

Dictionary of the Russian language. USSR Academy of sciences [Slovar' russkogo yazyka. AN SSSR]. In 4 vols. Ed. by A.P. Evgenieva. 3rd ed., stereotype. Moscow: Russian language, 1985–1988 (in Russian).

Tresidder D. Dictionary of Symbols [Slovar' simvolov]. Moscow: Fair-press, 1999. 448 p. Available at: <http://booksee.org/book/632945> (accessed on November 14, 2022) (in Russian).

Florya A.V. Analiz bol'shogo teksta cherez kogeziyu. [Analysis of a large text through cohesion]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 63–70 (in Russian).

Halizev V.E. Theory of literature [Teoriya literatury]. Moscow: Vyssh. shk., 2004. 405 p. (in Russian).

Eko U. The role of the reader. Studies on the semiotics of the text [Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta]. Moscow: AST, 2016. 640 p. Available at: <http://libking.ru/books/sci-/sci-linguistic/1148669-143-umberto-eko-rol-chitatelya-issledovaniya-po-semiotike-teksta-litres.html> (accessed on November 14, 2022) (in Russian).

С.В. Кудрицкая

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-15-27

МОТИВ ДУШЕВНОЙ БОЛЕЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ПАНТЮХОВА (1880–1910) И АЛЕКСАНДРЫ МИРЭ (1874–1913)

Ключевые слова: Михаил Пантюхов; А. Мирэ; мотив душевной болезни; герои-безумцы; символистская проза.

Предметом исследования в статье стал мотив душевной болезни в творчестве двух малоизвестных писателей рубежа XIX–XX веков – М.И. Пантюхова (1880–1910) и А. Мирэ (1874–1913). В качестве материала для анализа взяты повесть Пантюхова «Тишина и старик» и рассказы Мирэ «Сумасшедшие», «В Бисетрэ», а также драма «Побежденные». Основным критерием отбора произведений явился объединяющий их мотив душевного нездоровья, психического «разлада». Целью работы стало изучение образов персонажей, имеющих симптомы психических заболеваний, и выявление их функциональной роли в повествовании. Тип героя-безумца, имеющий давнюю историю, оказался особенно востребован в русской литературе указанного периода, поскольку она отразила потрясения переломной эпохи и ставшие их следствием кризисные состояния духа.

К проблеме безумия обращались и литераторы «первого ряда», и писатели, находившиеся на периферии литературной жизни. Творческий интерес к этой теме у исследуемых авторов мог быть обусловлен и их биографиями: оба писателя страдали душевными расстройствами, что в определенный момент привело их в стены лечебниц. Персонажи, возникающие на страницах произведений М. Пантюхова и А. Мирэ, парадоксальным образом, вопреки пограничному сознанию, прозревают истины, которые оказываются недоступны носителям «здорового» разума, благодаря чему становятся обличителями социального зла, а подчас и поборниками подлинной морали. Наряду со специфическим, «болезненным» восприятием мира героев-безумцев отличает чрезвычайная уязвимость, что делает их в то же время и жертвами, не способными противостоять жестокости жизни.

1

Михаила Ивановича Пантюхова (1880–1910) смело можно назвать ныне «забытым» автором отечественной литературы. О нем осталось небольшое количество воспоминаний современников. В литературоведении его фигура также освещена скудно. Один из немногочисленных портретов писателя дает в «Воспоминаниях» Н.И. Петровская: «Начинающий беллетрист – сту-

дент М. Пантюхов, тоже трагически погибший¹, бледный старообразный блондин – давил тяжестью грузного крупного тела и почти смущал напряженностью свинцового буравящего взгляда. Он мало говорил и мало же писал. Напечатал несколько рассказов и выпустил повесть² “Старик и тишина”³ – очень характерное для эпохи произведение. Пантюхов был, несомненно, талантлив, но все, что он говорил и писал, носило уже тогда явные признаки психического разложения» [Петровская, 2014, 413]. Петровская знала Пантюхова, поскольку и он, и она печатались в символистском издательстве «Гриф», которым владел ее муж С.А. Соколов. Лично знал Пантюхова и критик А.К. Закржевский⁴ (оба проживали в Киеве), оставивший характеристику его творчества: «Это писатель, может быть, единственный, кому понятна *мертвечина жизни*. В нем все носит отпечаток этой мертвечины – и слог, и язык, и лирика настроения» [Закржевский, 1911, 97]. Общим местом в воспоминаниях становится указание на мрачность натуры Пантюхова и вместе с тем – на его литературную одаренность⁵. Современных научных публикаций о Пантюхове немного: помимо работ, где имя писателя упоминается вскользь⁶, существует заметка в биографическом словаре «Русские писатели (1800–1917)» [Лавров, 1999б, 529–530] и

¹ Непосредственно перед этим Петровская ведет речь о поэте Викторе Гофмане [Петровская, 2014, 413], покончившем с собой в двадцать семь лет «в состоянии внезапного психического расстройства» [Лавров, 1992, 660]. По свидетельству Б. Садовского, В. Гофман посвятил Пантюхову стихотворение «Сын города», в котором есть строки: «Ты *обессилен и недужен* / В превозможаньях и борьбе...» (курсив наш. – С. К.) [Могильнер, 2012].

² Думается, что «Тишину и старика» можно считать и романом, так как в произведении имеется несколько переплетающихся сюжетных линий и определенное «панорамное» видение эпохи. Однако далее все же будем именовать эту вещь повестью, как это обозначено автором.

³ Отметим, что Петровская здесь ошибается в названии произведения, поскольку верное название его – «Тишина и старик». Писательница выступила как один из немногочисленных критиков этой повести. Двойственное впечатление от творчества Пантюхова Петровская фиксирует в рецензии: «Оно всегда отмечено печатью внутренней безысходности, и это жаль, потому что в книге, странно дисгармонируя с ее содержанием, встречается много прекрасных чисто художественных образов» [Петровская, 2014, 573].

⁴ А.К. Закржевский известен как автор работ «Сверхчеловек над бездной» (1911), где затронут вопрос о психологии самоубийства, и «Рыцари безумия» (1914) – очерка о русском футуризме. По мысли Закржевского, футуристы, «рыцари безумия», совершили творческий подвиг, проложив дорогу своими эпатажными экзерсисами новой литературе. Интересна в связи с темой настоящей статьи характеристика эпохи, данная Закржевским: футуризм он считает безусловно полезным «в настоящее время в России, где мертвый флер почил на всем, где уж не знают, что такое жизнь, где задыхаются в кошмарных объятьях смерти» [Закржевский, 1914, 57]. Это суждение критика перекликается с его мыслью о «мертвечине» существования, которую прочувствовал и отразил в своей повести Пантюхов. Анализ «Тишины и старика» Закржевский предложил в другом очерке «Подполье» (1911), поместив Пантюхова в один ряд с такими крупными художниками, как Достоевский, Андреев, Сологуб и др., на том основании, что все они стали писателями, «для которых уже погасло солнце и черным, зловещим пламенем вспыхнула родная и понятная тьма» [Закржевский, 1911, 3], то есть проявили себя как творцы, познавшие мрачное «подполье» души и бытия.

⁵ Положительную характеристику дал Пантюхову критик «Весов» Б.А. Садовской: «Изредка бывали в “Вессах” беллетрист Михаил Пантюхов, плотный, в студенческом сюртуке, блондин, автор замечательной повести “Тишина и старик” <...>» [Садовской, URL].

⁶ Кроме вышеобозначенной статьи М.Б. Могильнер см., например: [Булатов, 2017, 51–54].

работа автора настоящей статьи [Кудрицкая, 2021, 161–165]. Прожив короткую жизнь, Пантюхов оставил, кроме нескольких рассказов⁷, единственную загадочную повесть «Тишина и старик» (1907). Позже он отверг мысль о какой бы то ни было деятельности, виной чему, очевидно, и был душевный недуг.

В предисловии к своему произведению Пантюхов подчеркнул обличительный характер текста: «Повесть по форме, “Тишина и старик” по своему внутреннему содержанию является *мировой* (курсив автора. – С. К.) сатирой⁸. Для правильности понимания моей повести этот второй смысл ее следует иметь в виду» [Пантюхов, 1907, *предисловие*]. Под вторым смыслом, вероятно, подразумевается скепсис по отношению к описанному, развенчание законов мироздания, открывающееся героям и автору. Вместе с тем представляется справедливым замечание И.Е. Сироткиной, предостерегающей от соблазна приравнять творческий процесс и конечный его художественный результат к проявлениям душевной болезни: «Литературное произведение, имеющее свои законы организации, недопустимо рассматривать как симптом. Роман, стихотворение или картину нельзя превратить в нарратив, подобный тексту клинической беседы» [Сироткина, 2009, 232].

⁷ В биографическом словаре «Русские писатели (1800–1917)» можно найти указание на два опубликованных рассказа Пантюхова: «Вечером в девять» (альм. кн-ва «Гриф». М., 1903) и «Сказка о тумане» (альм. «Северные цветы. Ассирийские». М., 1905).

⁸ Здесь уместно вспомнить о *мениппее* – понятии, которое использовал М. Бахтин, имея в виду жанр, уходящий корнями в Античность (так называемая *мениппова сатира*). Мениппея, по утверждению Бахтина, имеет целый ряд свойств, важнейшее из которых – испытание фантастическими событиями философской идеи. Наряду с этим упоминаются широта сюжетного и философского вымысла; переплетение фантастики и «мистико-религиозного элемента» с «трусобным натурализмом»; «изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека – безумий всякого рода (“маниакальная тематика”), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, самоубийств и т.п.»; сцены, изображающие скандалы; яркие контрасты, оксюмороны; злободневность самого произведения [Бахтин, 2017, 480–489] и др. Перечисленные признаки (хотя и не все из присущих мениппее в понимании Бахтина) имеет и повесть Пантюхова. Особенно показателен в этом отношении финал повести, изображающий апофеоз безумия и агонию героя после совершенного убийства: Юрию чудится, что его поглощает ВСЕ – Тишина, боровшаяся с ужасным НИКЕМ и не сумевшая его одолеть. Таким образом, преступление Юрия, как и царящее повсюду в мире зло, олицетворением которого является старик, растворяется в Небытии, в смерти, которая уготована всему сущему на земле: «И со страшным, все затопляющим ревом бросилась на него Тишина вместе с Юрием... И Никто опрокинул его и ее. И в непостижимом ужасе слилось тогда все» [Пантюхов, 1907, 213]. Материя оказывается уничтожена Небытием. И потому герой испытывает в последние секунды жизни умиротворение, уходя в забвенье: «Ни к кому и ни к чему не чувствовал он злобы... И даже *этот* (курсив автора. – С. К.) <...> не был ненавистен ему – в одно и то же время убийца-вор и – мученик, в одно и то же время жалкий и страшный» [Там же, 214]. Таким образом, можно подтвердить мысль Закржевского о том, что Пантюхов стоит в одном ряду с Достоевским, поскольку Бахтин, говоря о мениппее, обращался к творчеству Достоевского. Сатирический характер повести оспаривала Н. Петровская, утверждая, что «руки (автора. – С. К.) <...> слишком слабы для того, чтобы держать сатирический бич» [Петровская, 2014, 572].

Учитывая это, мы воздерживаемся от «патографического» подхода к исследуемому материалу.

Мотивы бреда, сумасшествия, тоски и смерти доминируют в повести. М.В. Михайлова и Л. Чэн отмечают: «В русской литературе изображение болезней и больных всегда занимало значительное место. Ранее других метафорически было освоено сумасшествие» [Михайлова, Чэн, 2021, 227]. Безусловно, предшествующая литературная традиция богата образами душевнобольных и тех, кто к ним близок: достаточно вспомнить гоголевского Поприщина, персонажей Достоевского (Голядкин, князь Мышкин, Катерина Ивановна), чеховских Коврина и Рагина... В русле традиции действует и Пантюхов, так как основные сюжетные линии романа можно рассмотреть как две *historia morbi*: Жени и Юрия, главных героев повести.

Помимо Жени, подруги жизни молодого человека по имени Юрий, в романе присутствует зловещий мистический старик, на протяжении всего повествования плетущий интриги и подталкивающий Юрия к дурным деяниям, направленным на уничтожение личности Жени. Поначалу старик выступает в сюжетном действии как отец девушки (вызывая, однако, у героини страх и подавленность):

«– Твой отец не любит тебя?

– Не знаю.

– А ты его любишь?

– Я боюсь его.

– Почему?

– Не знаю» [Пантюхов, 1907, 21].

Однако кем на самом деле является старик, так и остается неясным. Юрий даже делает предположение, что он не что иное, как его воспаленное и бредящее сознание: «Это, кажется, просто мой ум» [Там же, 161]. С переселением старика в дом молодой пары начинается отдаление Юрия от Жени. Старик постоянно повторяет, что Женя сумасшедшая и имеет дурную наследственность, и под его влиянием Юрий отправляет девушку в клинику для душевнобольных, где она и проводит долгое время. Вопрос о том, действительно ли она была больна до пребывания в лечебнице, не получает ответа, однако когда Юрий возвращается, чтобы забрать несчастную, то видит, что она сильно изменилась: ее натура стала «плоской» и «одеревеневшей». Облик Жени доказывает, что она перенесла душевную болезнь: отныне у нее «тупо смотрящие глаза», «разинутый рот», «мертвое лицо», «громыхающий безобразный» и «раскатистый жирный» смех, «бессмысленное, молчащее выражение глаз» [Там же, 179–183]. Изменения во внешности и поведении Жени воспроизводят типичную картину развития шизофрении, характеризующуюся «уплощением» эмоциональности: «Обеднение эмоциональных реакций возникает уже в дебюте заболевания и неуклонно прогрессирует. <...> В тяжелых случаях прогрессирующее эмоциональное опустошение приводит к состоянию

бытовой апатии⁹. Нередко больные <...> обнаруживают бурные неадекватные реакции» [Руководство по психиатрии, 1999, 419]. Деградация Жени настолько потрясает Юрия, что у него зарождается отвращение к ней и он выгоняет бывшую возлюбленную на улицу, восклицая: «Может быть, кто-нибудь купит тебя!» [Пантюхов, 1907, 110].

Враждебность к девушке нарастает и далее: «Так неприятен ему был вид Жени, что на мгновение мелькнула мысль запереть дверь и не пустить ее этой ночью к себе...» [Там же, 183]. Кульминацией становится гибель Жени по вине Юрия. Убийство героини оказывается изощренным: неизвестно откуда на столе оказывается емкость с серной кислотой. Нечто «тупое и животное» [Там же, 191] в лице Жени в какой-то момент кажется Юрию особенно «омерзительным и распутным» [Там же], и он в порыве отвращения, схожего с безумием, выплескивает на нее яд. Юрий совершает это действие как бы в забытьи, безотчетно, будто «кто-то толкнул его руку» [Там же]. Женя медленно умирает, и тело ее долго разлагается в комнате Юрия, наблюдающего за процессом тления: «Боюсь, Женя, что скоро останется от тебя лишь один скелет» [Там же, 207], – *со смехом* (курсив наш. – С. К.) произносит герой. Таким образом, убийство, а потом и наслаждение от распада тела становятся следствием окончательного помутнения рассудка героя.

«Индикатором» действий Юрия оказывается старик, причем его творческому влиянию герой не в силах противостоять, несмотря на несколько попыток бунта (Юрий хочет уйти от старика, с которым начинает жить по соседству, но все равно возвращается к нему). Не кажется ошибкой утверждение, что старик становится лишь «пусковым механизмом», приводящим к расцвету зла в душе Юрия. Спустя некоторое время герой начинает чувствовать, что теряет собственный облик, становясь похожим на старика: «– Женя! <...> Я забыл, какое у меня лицо... черты... выражение...» [Там же, 118].

«Сливаясь» со стариком, Юрий окончательно утрачивает волю, погружаясь в апатию, а исчезновение лица считает следствием совершаемых им преступлений, что может восприниматься как бред¹⁰. Вместе с тем Юрию кажется, что и старик перенимает чужие личины и черты окружающих, то есть зло начинает проникать всюду, пронизывать бытие. Так, в тексте романа появляется странный, порочный человек в картузе, водящий Юрия по злчным местам. Он тоже обвиняет Женю в сумасшествии: «Уходя, человек в картузе с негодова-

⁹ Бездействует, отказываясь от службы, и Юрий, постоянно пребывающий в меланхолии, что подтверждается множеством романских сцен: «Юрий ответил, что он пока нигде не служит, но – собирается» [Там же, 9]; «Юрий, как и раньше, все собирался приняться за какую-нибудь работу, но по-прежнему ничего не делал» [Там же, 40]; «– Я решил не поступать ни на какую службу и вообще ничем не заниматься, – сказал он, разваливаясь на диване» [Там же]; «Не спасет меня от снов даже тасканье десятипудовых камней...» [Там же, 211].

¹⁰ Можно предположить, что это бред самообвинения – один из симптомов депрессии.

нием сказал: «Вон во что может обратить порядочного человека больная женщина!» [Там же, 119–120]. Носителями «бациллы» безумия оказываются сумасшедшая на кладбище, дядя Обморок и ряд других персонажей. Дробление личности может указывать на шизофренический схизис, овладевший сознанием Юрия. Мучительные переживания героя оттеняются пейзажем: в тексте постоянно упоминается туман, сквозь который трудно различить что-либо. Бредущий во мгле человек сбивается с пути и теряет истинное направление, и потому туман в повести можно интерпретировать как символ зла.

Образ безумца Юрия осмысляет Закржевский, признавая его жертвой, которую источила тоска по гнущему миру и которая бессильна оказать сопротивление злему началу: «...Выхода нет, нет такого места, такой бездны, такого подвига, где можно было бы спрятаться от жизни <...>. Каждый день увеличивает тяжелую болезнь, называемую жизнью» [Закржевский, 1911, 94].

Почему же гнетущее и подавленное настроение, которым пронизано произведение и которое, вероятно, объясняется, психическим состоянием автора, преследуемого, как и герой, галлюцинациями, сопряжено с утверждением, что он создал сатиру? Сатирическое заключено, по мнению Пантюхова, в образе старика: «Мой старик нечто вроде Бога земной жизни... В его лице я осмеиваю опошление мысли во всех областях, между прочим и социализм, словом, всю жизнь в ее целом» [Пантюхов, 1907, 6–7]. Это напоминает образ «Некоего в сером», который предложил почти одновременно с Пантюховым Л. Андреев¹¹. Андреевский персонаж еще в прологе пьесы предрекает неизбежную смерть Человеку: вся земная юдоль, весь скоротечный земной путь, от рождения до гробовой доски, со всеми его «этапами» – любовью, надеждами, богатством, скорбями – оказываются пылью и прахом. Финал «Жизни человека», в котором все затмевает «черный непроглядный мрак» [Андреев, 1907, 77], также перекликается с финалом повести Пантюхова, где во власть вступает Небытие – символ разума, погружающегося во мрак безумия и смерти. В целом повесть Пантюхова отличает тотальная сюрреалистичность происходящего. Кроме того, налицо и модернистский характер произведения, воспроизводящего мир как абсурд.

Пантюхов закончил свои дни в Киевской психиатрической лечебнице, поступив туда добровольно¹². Даже в начале XX века, когда «болезнь становится уже не эпизодическим элементом, а одним из ведущих факторов

¹¹ Пьеса «Жизнь человека», в которой возникает «Некто в сером», вышла в свет, как и «Тишина и старик», в 1907 году. Отзвуки «Мысли» Андреева (1902) – тема помешательства, мотив бреда – также различимы в этой повести Пантюхова. О сходстве художественного мировосприятия писателей говорит и Петровская [Петровская, 2014, 572–573].

¹² М.Б. Могильнер упоминает, что литературовед В.Л. Скуратовский считает Пантюхова прототипом Мастера в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Могильнер, 2012].

развития сюжета» [Трубецкова, 2019, 285], «Тишину и старика» по достоинству оценили немногие¹³. «Повесть прошла незамеченной, никто не понял ее», – сетовал Закржевский [Закржевский, 1911, 90]. Однако тип героя-безумца получил дальнейшее развитие в литературе на протяжении всего XX столетия¹⁴.

2

Трагически сложилась и жизнь Александры Михайловны Моисеевой (псевдоним – А. Мирэ) (1874–1913), чью душевную нестабильность отмечали ее знакомые¹⁵. Жизнь не баловала Шурочку, как ласково звал ее Георгий Чулков, с которым она дружила: скитания¹⁶, вредные привычки, мучительно пережитый разрыв любовных отношений морально истощили писательницу. Невротическое состояние Мирэ, по-видимому, отражалось в ее творчестве: героями ее произведений становились люди, болезненно переживающие жизненные коллизии, а то и вовсе впавшие в безумие (рассказы «Сумасшедшие», «В Бисетрэ», драма «Побежденные»).

Шесть сошедших с ума женщин («Сумасшедшие», 1903), будучи запертыми в стенах больницы, обречены на заточение до конца своих дней. Но происходит чудо: четверым из них удастся выбраться наружу и в последний раз насладиться и великолепием природы, и дыханием вольной жизни. Две же, будучи смертельно больными, остаются прикованными к постели. Кульминация рассказа звучит фантазмагорично: чтобы согреться, сумасшедшие начинают танцевать. Даже природа в этот момент сочувствует страдальцам: «Лес, растроганный, тихо покачивал ветками, словно хотел их скрыть и защитить» [Мирэ, 1903, 2]. Таким образом, несчастным достаются крохи радости, когда они отваживаются на отчаянный шаг, заключавшийся всего лишь в том, чтобы открыть окно и оказаться на свободе. Однако Мирэ чужды сентиментальные иллюзии и оптимизм. Неутешительно звучит финал произведения: «К утру две утонули, а

¹³ В основном положительную оценку дали критики, вращавшиеся в околосимволистских кругах. Подробнее отклики рецензентов см.: [Лавров, 1999б, 530].

¹⁴ См., например: [Сконечная, 2015; Безумное искусство, 2019]. О предшествующей литературной традиции рубежа XIX–XX веков, обращавшейся к проблеме вырождения (в медицинском смысле этого слова), см.: [Николози, 2019].

¹⁵ Например, друг Мирэ Г. Чулков вспоминает о ней, уже в зрелом возрасте обратившейся к нему за помощью, так: «В водочном чаду Шурочку не так беспокоили страшные голоса каких-то незримых существ, которые преследовали ее в Париже. <...>. Александра Михайловна была, должно быть, отравлена каким-то ядом, и ее больная душа тщетно искала себе утешения. <...>. Несчастливая, по-видимому, была обречена на тяжелую душевную болезнь, с которою тщетно боролась. В этих муках она прожила еще лет восемь. <...>. В Москве Александра Михайловна сблизилась с весьма сомнительными оккультистами, и эти маги окончательно свели с ума бедняжку. <...>. Александра Михайловна Моисеева одиноко ушла из этого мира, замученная своим бредом» [Чулков, 1930, 46–47].

¹⁶ Достаточно сказать, что за границей она была продана в публичный дом любовником и долго нищенствовала, прежде чем вернуться на Родину. Подробнее о судьбе Мирэ см.: [Лавров, 1999а, 90–91; Михайлова, 1993, 119–130].

двух поймали сторожа. В то же утро на другое место тех двух утонувших привели двух других» [Там же]. Трагизму существования ничто не может противостоять; таков удел человека на земле. И все же свой странный танец сумасшедшие именуют «оркестром мировой гармонии, которая должна звучать в сердцах людских, и не звучит...» [Там же]. Передать «симфонию» жизни «доверено» тому, кто пребывает в разладе со своим рассудком, и только безумцы могут уловить особенное счастье, которое недоступно «здоровым» и «разумным».

Иной разворот темы психической болезни обозначен в рассказе «В Бисетре» (1904). Проститутку убивает сумасшедший, который вследствие этого оказывается узником, изгоем. Ее убийство он называет «великим, добрым делом», так как считает, что освободил несчастную от необходимости жить «среди чудовищ, называемых людьми» [Мирэ, 1904, 2], то есть в его сознании мир населен безумцами, заслужившими место в сумасшедшем доме, ибо по их вине на земле царит зло, существуют нищета и проституция: «А знаете ли вы <...> кого нужно было сюда сажать?.. Всех, кто делает жизнь зверским пиршеством, мешает людям сделаться людьми» [Там же]. Герой потрясен участью проституток, вынужденных идти на «бесстыдную профанацию» [Там же] и глгать о любви. И только безумец оказывается способен разглядеть в униженной и презираемой обществом парии «человека» (курсив автора. – С. К.), то есть герой Мирэ выступает как обличитель социальных язв и пороков. Но он-то и оказывается изолирован от общества, а миром правят другие – «нормальные» – люди.

Наконец, тема сумасшествия, хотя и не становясь магистральной, возникает в драме Мирэ «Побежденные» (текст была опубликован во втором – и последнем прижизненном¹⁷ – сборнике писательницы «Черная пантера», вышедшем в свет в 1909 году). Молодая женщина Эмма, находясь в браке, изменяет нелюбимому мужу с другим мужчиной. Все ее поведение говорит о том, что она испытывает сильные чувства к проходимцу-любовнику. Для него же связь с замужней женщиной – очередная мимолетная интрижка. Узнав об этом, Эмма пытается застрелиться, но неудачно: она слепнет, оказываясь, таким образом, жертвой собственной любви. Но слепота дарит ей своего рода «ясновидение»: Эмма становится проницательной. Трагическая символика балансирует в пьесе на грани с иронией: желание всепоглощающей любви породило в героине готовность кинуться в объятия первого встречного, не разглядев его пороков. Поэтому слепой Эмма как раз была до рокового выстрела, а вот он-то и дарует ей мудрость. В финале пьесы Эмма «прозревает» духовно: она «видит» «багряные и золотые» молнии, пронизанные солнечными лучами. И на призыв одного из героев: «В предсмертных криках должна быть радость...» [Мирэ, 1909, 142] Эмма с восторгом отвечает: «Да!»

Однако этот экстаз, по-видимому, следствие воспаленного воображения умалишенной. Не случайно муж Эммы напоминает ей, что ее «бабка по

¹⁷ Переизданы пьесы Мирэ «Побежденные», «“Голубой павлин”» [Мирэ, 2009а; 2009б].

матери умерла от белой горячки», ее брат – «идиот», ее сестра, вероятно, томится «в сумасшедшем доме»¹⁸ [Там же, 105]. От него же читатель узнает, что и сама Эмма совершала несколько попыток самоубийства. По этой же причине ее муж убежден, что брак с ним стал для нее спасением. Но Эмма порывисто объявляет ему о своей симпатии всем безумным: «Сумасшедший!.. <...> Медицина называет сумасшедшими всех людей с сильными страстями. Она рассматривает, как болезнь, все эффективное в человеке, таинственное, необъяснимое. Я люблю безумных мечтателей» [Там же, 108]. Дальнейшее развитие действия подтверждает, что правота не на стороне приземленного, практичного Рунге, положившего жизнь на то, чтобы скопить капитал, и не на стороне смутьяна Вильде, любовника Эммы, наслаждающегося развратом. Муж Эммы оказывается под уголовным преследованием из-за совершенного мошенничества, а Вильде убивает отца развращенного им юноши, почувствовавшего благодаря «учителю» все прелести вольнодумства. Но экзальтация и поиск идеала роднят Эмму с Вильде; симпатизирует Эмма и юноше Альберту, музыканту, мечтающему уйти в монахи и тяготящемуся земной жизнью, – одним словом, человеку «не от мира сего».

Таким образом, «маленькие лживые мертвецы» [Там же, 134] в художественном пространстве пьесы – это ординарные люди, в душе которых нет и намек на романтический порыв, однако вопреки всему им обеспечено будущее. А для мечтателей и безумцев, одержимых идеей постижения всемирной гармонии, нет места в мире, где властвуют ханжеская мораль и холодный расчет. Обретшая *иное* (курсив наш. – С. К.) видение незрячая Эмма в экстатическом восторге соглашается с романтиком Шеффлером в том, что «жизнь – не здесь», а «там» [Там же, 143], то есть небытие оказывается для нее предпочтительнее бытия. И этот финал перекликается с финалом повести Пантюхова, в котором герой-безумец чувствует умиротворение, растворяясь в небытии (смерти).

Подытожим: мотив душевной болезни, имеющий долгую историю существования в русской литературе, оказывается активно задействован и на рубеже XIX–XX веков. К нему прибегают не только писатели, признанные классиками и снискавшие популярность при жизни (Чехов, Андреев, Сологуб), но и «периферийные» участники литературного процесса, такие как М. Пантюхов и А. Мирэ. Как правило, герои, «отколовшиеся» от «здорового» социума, оказываются беззащитны перед ужасом жизни («Тишина и старик», «В Бисетрэ», «Сумасшедшие»). Остро чувствуя метафизическую природу зла, такие персонажи стремятся отстраниться от действительности, уйти в себя, рассуждают о несовершенстве мира («Тишина и старик», «В Бисетрэ»), а порой выступают едва ли не в роли пророков, познавших дисгармоничность бытия и стремящихся к бла-

¹⁸ Кроме того, в тексте говорится, что Вильде, любовник Эммы, увез некую Генриетту (по всей видимости, другую свою любовницу) «из сумасшедшего дома» [Мирэ, 1909, 130].

женству, обретаемому в вечности («Побежденные»). Трагический финал неизбежен для героев-безумцев, не нашедших себе места на земле: это может быть смерть («Тишина и старик», «Сумасшедшие»), совершенное ими убийство («Тишина и старик», «В Бисетрэ»), попытка самоубийства («Побежденные»).

Востребованность героев-безумцев в литературе рубежа столетий легко объяснима общественными потрясениями, которые переживала Россия: катаклизмы воздействовали на психику человека, ломали его натуру, вынуждали бояться мира, и множество писателей стремились запечатлеть тип героя-отщепенца, сумасшедшего, не выдержавшего жизненного натиска. «Мы словно дошли до последней черты, за которой хаос и мрак неведения, эта конченность поражает наблюдателя наших дней» [Закржевский, 1914, 4], – горестно утверждал критик. Его мысль подтверждает и исследователь Е.Н. Трубецкова: «Катастрофическая, “неустойчивая” эпоха *fin de siècle* притягивала внимание и писателей, и художников к образам, порожденным безумным сознанием, которые, казалось, наиболее *адекватно* (курсив наш. – С. К.) воплощали атмосферу “свихнувшегося времени”» [Трубецкова, 2019, 247]. Обобщая рассуждения о мотиве сумасшествия, который не теряет своей популярности в русской литературе на протяжении многих столетий, она утверждает, что безумие «становится “методом” познания человека и мира», «создает иную оптику, странную и непривычную для рационального взгляда» [Там же, 284]. И, может быть, именно герои-безумцы, воплощенные в литературе Серебряного века, ярче всего отразили ту мировую «сумятицу» переходного времени, когда рушились прежние формы жизни и ветшали социальные устои.

Творческое наследие и М. Пантюхова, и А. Мирэ – то «белое пятно» в литературе, которое еще ждет своих исследователей для полноправного утверждения ныне забытых писателей на литературном небосклоне XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Л.Н. Жизнь человека. Берлин: J. Ladyschnikow, 1907. 77 с.
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 637 с.
- Безумное искусство: страх, скандал, безумие / сост., предисл. Н. Букс, Е. Курганова. М.: АСТ, 2019. 304 с.
- Булатов И.А. Род Пантюховых: три поколения в России и Америке // *Academy*. 2017. № 12(27). С. 51–54.
- Закржевский А.К. Подполье. Психологические параллели. Киев: Изд-е журн. «Искусство и печатное дело», 1911. 108 с.
- Закржевский А.К. Рыцари безумия (футуристы). Киев: Тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1914. 163 с.
- Кудрицкая С.В. «Тишина и старик» М.И. Пантюхова и «Слепая сова» С. Хедаята: некоторые параллели // *Писатели и критики XX века*. М.: Common Place, 2021. С. 161–165.
- Лавров А.В. Гофман В.В. // *Русские писатели (1800–1917): биографический словарь*. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 659–660.
- Лавров А.В. Мирэ А. // *Русские писатели (1800–1917): биографический словарь*. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999а. С. 90–91.

- Лавров А.В. Пантюхов М.И. // Русские писатели (1800–1917): биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999б. С. 529–530.
- Мирэ А. «Голубой павлин» // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. М.В. Михайловой. СПб.: Гиперион, 2009а. С. 296–304.
- Мирэ А. В Бисетр^е // Нижегородский листок. 1904. № 74. 15 марта. С. 2.
- Мирэ А. Победенные // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. М.В. Михайловой. СПб.: Гиперион, 2009б. С. 275–295.
- Мирэ А. Победенные // Черная пантера. М.: Гриф, 1909. С. 96–143.
- Мирэ А. Сумасшедшие // Нижегородский листок. 1903. № 319. 21 ноября. С. 2.
- Михайлова М.В. «Я женщина с головы до ног...» (творческий портрет писательницы А. Мирэ) // Преображение. Русский феминистский журнал. 1993. № 1. С. 119–130.
- Михайлова М.В., Чэн Л. Болезнь как инициация (на примере романа Скитальца «Дом Черновых») // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: коллективная монография. Гродно: ЮрСаПринт, 2021. С. 226–235.
- Могильнер М.Б. Антропология как филология, или О пользе метисации: Иван Иванович Пантюхов и его «метись» // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18509/ (дата обращения: 21.12.2022).
- Николози Р. Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века / пер. с нем. Н. Ставрогиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.
- Пантюхов М.И. Тишина и старик. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1907. 215 с.
- Петровская Н.И. Михаил Пантюхов. «Тишина и старик» // Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика / сост. М.В. Михайлова. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. С. 407–474, 570–573.
- Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова. В 2 т. М.: Медицина, 1999. Т. 1. 712 с.
- Садовской Б.А. Весы. Воспоминания сотрудника // Lib.ru: Библиотека Мошкова. URL: http://az.lib.ru/s/sadowskoj_b_a/text_1939_vesy_vospominaniya.shtml (дата обращения: 21.12.2022).
- Сироткина И.Е. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с.
- Сконечная О.Ю. Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 256 с.
- Трубецкова Е.Г. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 304 с.
- Чулков Г.И. Под гласным надзором // Годы странствий. М.: Федерация, 1930. С. 36–50.

S.V. Kudritskaya
*Postgraduate Student,
Chair of History of Modern Russian Literature
and Modern Literary Process of the Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

**The Motif of Mental Illness in the Works of M. Pantyukhov (1880–1910)
and A. Mire (1874–1913)**

The article studies the motif of mental illness in the works of two little-known writers of the late XIX – early XX centuries: M.I. Pantyukhov (1880–1910)

and A. Mire (1874–1913). Pantyukhov's novella «The Silence and The Old Man» and Mire's short stories «The Insane», «At Bicêtre» and drama «The Defeated» were analyzed. These works were selected as they all are characterized by the motif of mental illness and psychological dissonance. The aim of the analysis was to study the characters showing symptoms of a mental disorder and determine their function in the narrative. Having a long history, the mad hero type became peculiarly popular in the Russian literature of the named period as those texts reflected the perturbations of the turning stage of the history and a crisis state of people's minds those processes led to.

The problem of madness was addressed by both key writers and obscure authors. The writers under study might be interested in that topic because of their personal lives, too: both of them suffered from mental disorders and happened to be patients at a hospital. Paradoxically, despite their addled minds, Pantyukhov's and Mire's characters grasp the truths which are unobtainable for mentally healthy people and, due to this, become social malady denouncers and – sometimes – moral crusaders. Apart from having a specific, «sick» view of life, mad heroes are extremely vulnerable which makes them victims unable to resist the cruelty of life.

Key words: M. Pantyukhov; A. Mire; the motif of mental illness; mad heroes; symbolist prose.

REFERENCES

- Andreev L.N. Life of a Man [Zhizn' cheloveka]. Berlin: J. Ladyschnikow, 1907. 77 p. (in Russian).
- Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics [Problemy poetiki Dostoevskogo]. Moscow: Eksmo, 2017. 637 p. (in Russian).
- Bulatov I.A. Pantyukhov's family: three generations in Russia and America [Rod Pantyuhovyh: tri pokoleniya v Rossii i Amerike]. *Academy*, 2017, no. 12 (27), pp. 51–54 (in Russian).
- Chulkov G.I. Under overt surveillance [Pod glasnym nadzorom]. *Years of Travel* [Gody stranstvij]. Moscow: Federatsiya, 1930, pp. 36–50 (in Russian).
- Handbook of Psychiatry [Rukovodstvo po psihiatrii]. Ed. by A.S. Tiganov. In 2 vols. Moscow: Medicina, 1999. Vol. 1. 712 p. (in Russian).
- Kudritskaya S.V. M.I. Pantyukhov's «The Silence and The Old Man» and S. Hedayat's «Blind Owl»: Some Parallels [«Tishina i starik» M.I. Pantyuhova i «Slepaya sova» S. Hedayata: nekotorye paralleli]. *Writers And Critics of the 20th Century*. Moscow: Commom Place, 2021, pp. 161–165 (in Russian).
- Lavrov A.V. Hofman V.V. [Gofman V.V.]. *Russian Writers (1800–1917): Biographical Dictionary*. Vol. 1. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1992, pp. 659–660 (in Russian).
- Lavrov A.V. Mire A. [Mire A.]. *Russian Writers (1800–1917): Biographical Dictionary*. Vol. 4. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1999, pp. 90–91 (in Russian).
- Lavrov A.V. Pantyukhov M.I. [Pantyuhov M.I.]. *Russian Writers (1800–1917): Biographical Dictionary*. Vol. 4. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1999, pp. 529–530 (in Russian).
- Mad Art: Fear, Scandal, Madness [Bezumnoe iskusstvo: strah, skandal, bezumie]. Compiled by, preface by N. Buks, E. Kurganov. Moscow: AST, 2019. 304 p. (in Russian).
- Mire A. At Bicêtre [V Bisetré]. *Nizhegorodsky Listok*, 1904, no. 74, p. 2 (in Russian).

Mire A. «The Blue Peacock» [«Goluboj pavlin»]. *Women's Dramaturgy in the Silver Age* [Zhenskaja dramaturgija serebrjanogo veka]. Compiled by, preface by M.V. Mikhailova. St. Petersburg: Hyperion, 2009, pp. 296–304 (in Russian).

Mire A. The Defeated [Pobezhdennye]. *Black Panther*. Moscow: Grif, 1909, pp. 96–143 (in Russian).

Mire A. The Defeated [Pobezhdennye]. *Women's Dramaturgy in the Silver Age* [Zhenskaja dramaturgija serebrjanogo veka]. Compiled by, preface by M.V. Mikhailova. St. Petersburg: Hyperion, 2009, pp. 275–295 (in Russian).

Mire A. The Insane [Sumasshedshie]. *Nizhegorodsky Listok*, 1903, no. 319, p. 2 (in Russian).

Mikhailova M.V. «I'm a woman from head to toe...» (A. Mire's literary portrait) [«Ya zhenshchina s golovy do nog...» (tvorcheskij portret pisatel'nicy A. Mire)]. *Preobrazhenie: Russkii Feministskii Zhurnal*, 1993, no. 1, pp. 119–130 (in Russian).

Mikhailova M.V., Cheng Liang. Illness As Initiation (by the example of Skitalets' novel «The Chernovs' House») [Bolezn' kak iniciaciya (na primere romana Skital'ca «Dom Chernovyh»)]. *Norm and Deviation in Literature, Language and Culture: multi-authored monograph*. Grodno: YurSaPrint, 2021, pp. 226–235 (in Russian).

Nicolosi R. Degeneration: Literature and Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th Century [Vyrozhdenie: literatura i psihiatriya v russkoj kul'ture konca XIX veka]. Translated from German by N. Stavrogina. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 512 p. (in Russian).

Pantjukhov M.I. The Silence and The Old Man [Tishina i starik]. St. Petersburg: F. Weissberg and P. Gershunin's printing house, 1907. 215 p. (in Russian).

Petrovskaya N.I. Mihail Pantjuhov. «The Silence and The Old Man» [Mihail Pantjuhov. «Tishina i starik»]. *Broken Mirrow: Prose. Memoirs. Criticism* [Razbitoe zerkalo: Proza. Memuary. Kritika]. Compiled by M.V. Mikhailova. Moscow: B.S.G.-Press, 2014, pp. 407–474, 570–573 (in Russian).

Sirotkina I.E. Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th – Early 20th Century [Klassiki i psihiatry: psihiatriya v rossijskoj kul'ture konca XIX – nachala XX vekov]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2009. 272 p. (in Russian).

Skonechnaya O.Y. Russian Paranoid Novel: Fyodor Sologub, Andrei Bely, Vladimir Nabokov [Russkij paranoiad'nyj roman: Fedor Sologub, Andrej Belyj, Vladimir Nabokov]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2015. 256 p. (in Russian).

Trubetskova E.G. «New Sense of Vision»: Illness as a Distancing Technique in Russian Literature of the 20th Century [«Novoe zrenie»: bolezn' kak priem ostraneniya v russkoj literature XX veka]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 304 p. (in Russian).

Zakrzewski A.K. The Knights of Madness (futurists) [Rycari bezumiya (futuristy)]. Kyiv: Peter Barskii in Kyiv, 1914. 163 p. (in Russian).

Zakrzewski A.K. The Underground. Psychological Parallels [Podpol'e. Psihologicheskie paralleli]. Kyiv: Iskustvo i Pechatnoe Delo, 1911. 108 p. (in Russian).

Mogilner M.B. Anthropology as philology, or on benefits of miscegenation: Ivan Ivanovich Pantjukhov and his «Mestizos» [Antropologiya kak filologiya, ili O pol'ze metisacii: Ivan Ivanovich Pantjuhov i ego «metisy»] Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18509/ (accessed on December 21, 2022) (in Russian).

Sadovskoy B.A. Vesny. Memoirs of An Employee [Vesy. Vospominaniya sotrudnika] Available at: http://az.lib.ru/s/sadovskoj_b_a/text_1939_vesy_vospominaniya.shtml (accessed on December 21, 2022) (in Russian).

С.Н. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-28-38

АТРИБУТИВНАЯ СТРУКТУРА ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ «АНГЕЛ АРМЕНИИ» СЕРГЕЯ ГОРОДЕЦКОГО И «АРМЕНИЯ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА¹

Ключевые слова: *Городецкий; Мандельштам; цикл; экспоненциальная функция; атрибуты; вариативность; расстояние; инверсия.*

Статья посвящена анализу атрибутивной структуры двух поэтических циклов известных авторов – «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама. Эти циклы заняли важное место среди произведений русских поэтов об Армении, позволив сформировать в русской поэзии восприятие истории и культуры Армении, модель ее художественной репрезентации.

В статье ставится задача количественного анализа распределения и характера использования атрибутов различных типов. Типы атрибутов определяются по частеречному заполнению синтаксической позиции определения и по положению этой позиции относительно определяемого слова.

В ходе исследования были использованы различные статистические методы, которые включают критерий хи-квадрат, коэффициенты корреляции, коэффициент вариативности, евклидово расстояние. В результате анализа получены данные, которые характеризуют подходы авторов к построению описания, сходство и различия в распределении различных типов атрибутов, степень интенсивности описания, уровень инвертированности атрибутивных конструкций.

В рамках исследовательского проекта, посвященного анализу репрезентации Армении в произведениях русских поэтов, ставится задача широкого многомерного охвата различных сторон поэтических произведений, включая как содержательные, так и формальные поэтические характеристики Армянского локального текста [Бубнова, 2022; Карасик, 2022; Павлова, Романова, 2022а; 2022б и др.]. Обзор основных направлений указанной коллективной темы дается в работе Л.В. Павловой и И.В. Романовой [Павлова, Романова,

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00339, Электронный ресурс «Армянский текст русской поэзии»: репрезентация локального текста русской литературы.

2023]. Одним из существенных аспектов в этом проекте является анализ структуры описания армянского текста, выделение наиболее важных признаков, лежащих в основе создания художественного мира Армении.

Такой анализ может быть основан на выявлении соотношения элементов, выделяемых на разных языковых уровнях: частей речи, используемых для динамического или статического (декоративного) описания [Аделева, 2021; Андреев, 2022], на семантических классах слов [Андреев, 2022а; 2022б], характере разнообразия индивидуальных лексических единиц [Andreev et al., 2018] и др. Среди различных единиц описания крайне важными являются элементы высокой степени обобщения – синтаксические конструкции с позицией определения (атрибута) [Místecký, 2019].

В этой статье ставится задача рассмотреть схему параметров атрибутивной системы локальных армянских текстов. В качестве материала настоящего исследования были взяты известные циклы лирических стихотворений про Армению – «Ангел Армении» Сергея Городецкого (Ц-1) и «Армения» Осипа Мандельштама (Ц-2), сыгравшие крайне важную роль в формировании в русской поэзии восприятия истории и культуры Армении, ее художественной репрезентации.

Для проведения анализа в процессе разметки стихотворений была использована схема атрибутивных типов (АТ), которая применялась нами в ряде исследований [Андреев, 2022а; 2022б; Andreev et al., 2017]. Основная признаковая база включает следующие АТ, актуальные для рассматриваемых текстов (в скобках дается краткое название, после двоеточия приводятся примеры, взятые из обоих циклов):

- прилагательное (А): *Близорукое армянское небо; О порфирные цокая граниты;*
- причастие (РТ): *Меж стен обуглившихся бродит; Армения, звенящая огнем и кровью; И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха;*
- существительное в родительном падеже (G): *Шатер Арарата; Бес-смертья глухую истому;*
- существительное с предлогом (PR): *Пороги там же, там же сад с колодцем, Вернутся комнаты, ковры с цветами;*
- приложение (AP): *Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!;*
- придаточное предложение (RCR) – *Прекрасной земли пустотелую книгу, / По которой учились первые люди;*
- местоимение (DET): *Вот горят твои венцы; От львиной своей красоты.*

Количество признаков на отдельных этапах исследования может в значительной степени меняться в зависимости от степени их детализации. Так, местоимения могут быть разбиты по типу:

– местоимение указательное (DETF): В *этом* саду; Над *той* страной, что всех несчастней стран;

– местоимение притяжательное (DETS): Я голову пред древностью *твоей* склоняю;

– местоимение определительное (DETQ): В *самую* гущу его целлюлоидных терний.

По занимаемой позиции относительно определяемого слова можно выделять признаки в левой и правой позициях:

– существительное в родительном падеже в левой позиции (GL): И *воскресенья* весть услышать над тобой;

– существительное в родительном падеже в правой позиции (GR): К трубам серебряным *Азии* вечно летящая;

– прилагательное в левой позиции (AL): Где *жухлый* почил материк;

– прилагательное в правой позиции (AR): Плечьми *осьмигранными* дышишь;

– причастие в левой позиции (PTL): В *ненарушимой* тишине полян;

– причастие в правой позиции (PTR): ... сад мой *цветущий, сияющий*.

В результате подсчетов были получены следующие количественные данные использования АТ в двух циклах (табл. 1). В таблице также помещены данные по количеству слов в циклах, количеству существительных и числу существительных с атрибутивной валентностью. Атрибутивная валентность существительного определяется количеством атрибутов, имеющих с ним синтаксическую связь.

Таблица 1

Распределение АТ в двух циклах и в выборке

АТ и СУЩ	Ц1	%	Ц2	%
А	112	51,61	80	52,98
G	46	21,20	25	16,56
PR	8	3,69	6	3,97
AP	5	2,30	2	1,32
DET	17	7,83	21	13,91
PT	25	11,52	14	9,27
RCR	4	1,84	3	1,99
Всего атрибутов	217		151	
Всего существительных	362		204	
Существительные с атрибутивной валентностью	190		110	

Несмотря на значительные различия в ритмо-метрических характеристиках стихов двух циклов, процентное содержание АТ в них очень сходно. Об этом же свидетельствует значение коэффициента корреляции

Пирсона – он очень высок и приближается к 1 ($r = 0,98$). Однако что касается номинальности АТ, то ситуация в двух циклах несколько различается. Как известно, большинство АТ могут быть отнесены к двум классам – адъективных и субстантивных. К первым относится класс А, а также класс местоимений-прилагательных DET. В класс субстантивных входят G, PR и AP. Соотношение этих двух классов позволит судить о степени номинальности атрибутивной системы. Для вычисления такого соотношения здесь была применена следующая мера [Naumann et al, 2012]:

$$B = \frac{M}{M + N},$$

где В – коэффициент, М – все адъективные АТ (то есть А + DET), а N – все субстантивные АТ (G + PR + AP).

В результате вычисления для Ц-1 было получено значение $B = 0,69$, а для Ц-2 $B = 0,75$. Данные теста хи-квадрат показали статистическую значимость этих результатов для $p < 0,05$.

Исходя из данных таблицы 1, можно также судить об интенсивности описания. Она равна отношению числа существительных, используемых в текстах, к общему числу атрибутов: $I_{Ц1} = 217/362 = 0,60$ и $I_{Ц2} = 0,74$.

Однако, поскольку некоторые существительные, определяемые атрибутами, имеют валентность 2 и более (определяются не одним, а двумя и более атрибутами), имеет смысл ввести другой индекс – индекс плотности описания (Р). Он рассчитывается как отношение количества атрибутов к количеству существительных с атрибутивной валентностью, то есть имеющих хотя бы один атрибут. Тогда получаем $P_{Ц1} = 190/362 = 0,52$.

Таким образом, относительно всех существительных процент интенсивности описания выше в Ц2, однако при равном учете всех существительных с атрибутивной валентностью, независимо от ее величины, в процентном выражении оба цикла выглядят похоже.

Совместно с синтаксическим переносом инверсия является основным способом изменения структуры текста и перемещения информационного фокуса высказывания путем отклонения от синтаксического канона. Несмотря на то, что в русском языке порядок слов не фиксирован, в целом ряде случаев можно говорить о регулярной и нерегулярной позиции АТ относительно слова, которое они определяют. К последним, например, можно отнести случаи, когда адъективный атрибут следует за определяемым словом [Гаспаров, 2012].

В нашем исследовании в качестве инвертированных АТ мы выделяем следующие случаи:

– прилагательные в постпозиции AR (плечьями *осьмигранными* дышишь; как люб мне язык твой *зловещий*; она рукой *темноянтарной*, блеснув зарницей *благодарной*);

- местоимения в постпозиции DETR (улиц *твоих* большеротых кривые люблю вавилоны; время *свое* заморозил; я голову перед древностью *твоей* склоняю; сад *мой* цветущий; в глазах *ее* мерцание);
- родительный падеж в препозиции GL (прекрасной *земли* пустотелую книгу; *цикад* звенящих отвечая пенью; поет *народа скорби* имя);
- предложный оборот в препозиции PRL (в народной *гибели* участие; с *теньями* скорбными общение);
- причастие в постпозиции PTR (*цикад звенящих* отвечая пенью; меж стен *обуглившись* бродит; я чую жизни *угасшей* знаки).

Следует отметить, что в этом случае речь идет только об употреблении одиночных причастий, в случае причастного оборота оппозиция прямой vs. инвертированный порядок слов нейтрализуется (ср. Армения, *звенящая огнем и кровью* и *Хриплые горы к оружию зовущая* – Армения, Армения!)

В случае использования AL, GR, PRR, APR, DETLS, DETLF, DETLQ, RCR инверсии нет.

В цикле Городецкого из 217 атрибутов инверсия наблюдается в 73 случаях, то есть в 33,6%. Мандельштам в своем цикле из 151 атрибута употребил только 30 инвертированных АТ, что составляет 19,9%. Применив критерий хи-квадрат, получаем значение $\chi^2 = 8,38$, что для 1 степени свободы превышает пороговый критерий для $p < 0,05$ и означает наличие достоверного различия в использовании инверсии у двух авторов.

По результатам подсчетов в стихах с 4-стопным ямбом М.Л. Гаспаров установил, что средний уровень инверсии согласованных определений в XX веке равен около 20% [Гаспаров, 2012, 92], что соответствует частоте инверсий в Ц-2. Превышение этого уровня в стихах Городецкого говорит о стремлении автора усилить поэтизацию стихотворений.

Степень стабильности описания в произведениях цикла можно рассмотреть в рамках одномерного и многомерного подходов. В первом случае мы проанализируем степень вариативности каждого из АТ во всех произведениях, взяв каждый из АТ по очереди. Здесь будет использован коэффициент вариации. Во втором случае мы будем определять степень различия между произведениями цикла, беря все АТ одновременно. Для этого будет использовано евклидово расстояние.

И в том и в другом случаях проводится нормализация данных путем деления частот АТ в каждом тексте на количество в нем слов.

Коэффициент вариации определяется по формуле:

$$V = \frac{\sigma}{K} \times 100\%,$$

где σ – среднее квадратическое отклонение, K – средняя арифметическая.

В таблице 2 показаны значения коэффициента вариации АТ в циклах.

Таблица 2

Вариация АТ по циклам

АТ	Среднее квадратическое отклонение	Среднее арифметическое	Коэффициент вариации (%)
Городецкий			
A	3,94	9,20	42,82
G	2,58	3,74	68,82
PR	0,77	0,63	121,74
AP	1,00	0,48	208,06
DET	1,94	2,45	79,23
PT	1,26	2,02	62,12
RCR	0,41	0,30	136,62
Мандельштам			
A	3,34	14,35	23,31
G	3,05	5,26	57,95
PR	2,12	1,19	178,55
AP	1,08	0,45	238,26
DET	3,10	2,78	111,75
PT	4,56	2,83	160,84
RCR	1,08	0,56	192,31

Вариативность использования АТ достаточно высокая. Кроме двух наиболее частотных АТ (А, G) у большинства остальных атрибутов вариативность сверхсильная. В отношении атрибута А у Городецкого вариативность средняя по величине, у Мандельштама – относительно низкая. Иными словами, у него определения, выраженные прилагательными, используются в различных стихах достаточно постоянно и равномерно. За исключением А и частично G использование всех остальных АТ у Мандельштама от произведения к произведению крайне вариативно. И напротив, у Городецкого вариативность малочастотных АТ (PT, DET) хотя и относительно высока, но не является сверхвысокой, как у Мандельштама. Таким образом, в Ц-2 фокус описания направлен на использование А и отчасти G, остальные АТ используются крайне нерегулярно. В Ц-1 имеет место большой разброс в частоте средств описания, но нет выраженного фокуса на каком-либо одном АТ.

Другой подход к выявлению сходства парадигм АТ в разных стихах цикла состоит в определении степени сходства или различия между стихами по всем используемым в них типам атрибутов (многомерный подход). В этой статье используется одна из возможных мер такого типа – евклидово расстояние:

$$d_{(p,q)} = \sqrt{\sum_{k=1}^n (p_k - q_k)^2},$$

где p и q – точки в n -мерном пространстве.

Результаты вычисления расстояний между соседними в каждом цикле стихами приводятся в таблицах 3 и 4, а также в графическом виде на рисунках 1 и 2.

Таблица 3

Евклидово расстояние между соседними стихами Ц-1

Сопоставляемые тексты	Евклидово расстояние
T1-T2	6,48
T2-T3	10,5
T3-T4	10,33
T4-T5	9,67
T5-T6	8,85
T6-T7	4,14
T7-T8	5,12
T8-T9	5,63
T9-T10	8,13
Среднее расстояние	7,65

Таблица 4

Евклидово расстояние между соседними стихами Ц-2

Сопоставляемые тексты	Евклидово расстояние
T11-T12	2,87
T12-T13	2,15
T13-T14	2,31
T14-T15	2,65
T15-T16	3,49
T16-T17	5,54
T17-T18	4,14
T18-T19	1,93
T19-T20	1,79
T20-T21	2,09
T21-T22	2,89
Среднее расстояние	2,90

Поскольку количество произведений в двух циклах различается, не имеет смысла напрямую сопоставлять расстояния между сходными по порядку стихами, однако сопоставление для целых циклов возможно. Оно показывает достаточно существенное отличие двух циклов по тому, как различаются между собой последовательно идущие друг за другом стихи. За исключением

расстояний между стихами T16-T17 и T17-T18 все остальные значения d в цикле Мандельштама намного меньше, чем в цикле Городецкого. Об этом же свидетельствуют средние значения расстояний в циклах $d = 7,65$ в Ц-1 против $d = 2,90$ в Ц-2. Таким образом, можно заключить, что как при одномерном подходе, так и в многомерном исследовании расстояний между соседними стихами цикл Мандельштама обладает более постоянной структурой атрибутов. Это можно признать неожиданным результатом, учитывая то, что цикл является уникальным по сложности и разнообразию размеров [Орлицкий, 2019].

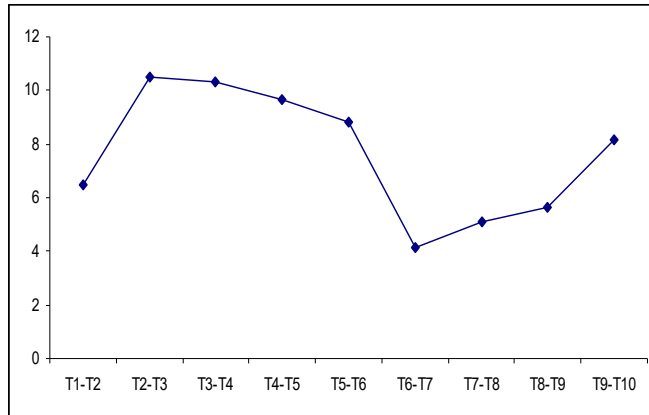

Рис. 1. График расстояний между соседними стихами в Ц-1

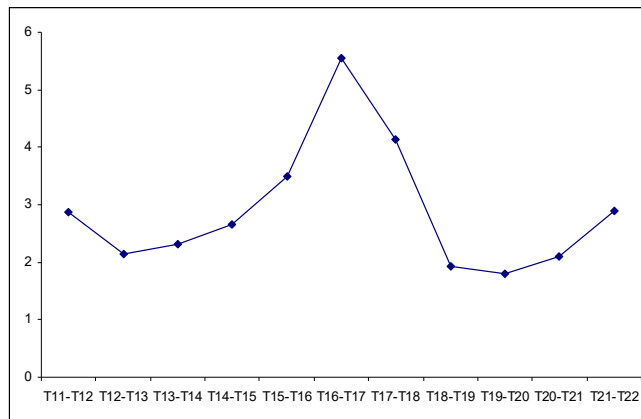

Рис. 2. График расстояний между соседними стихами в Ц-2

Расстояния в обоих циклах образуют достаточно различающуюся картину на графиках. В Ц-1 сначала идет рост различий от T1 к T2, затем постепенное уменьшение с резким падением в диапазоне T6-T8. В Ц-2, напротив, различия к середине цикла нарастают с максимальным скачком для T16-T17 и дальше небольшое нарастание, причем этот последний участок похож на хвост графика Ц-1. Интересно, что в обоих случаях резкое изменение наступает после шестого текста от начала цикла (T6-T7) в Ц-1 и (T16-T17) в Ц-2.

Проведенное исследование показало как наличие констант, так и колебания в структурной организации схемы описания двух циклов, входящих в ядро локальных текстов об Армении. Сходство проявляется как в частоте атрибутивных типов, в интенсивности описания, так и в характере их распределений по стихам. Различия касаются вариативности описания в рамках цикла. Причем структуру описания в цикле Мандельштама, несмотря на крайнюю метрическую неоднородность его стихов, отличает большая устойчивость, базу которой составляют атрибуты А и G, а структуру описания в стихах Городецкого на фоне большей вариативности отличает повышенный уровень инверсии.

Полученные здесь результаты могут быть в дальнейшем использованы как база для сопоставительного анализа с другими локальными текстами. Важным представляется выявление основных тенденций развития описания в армянских локальных текстах во времени путем исследования более ранних и более поздних произведений про Армению.

ЛИТЕРАТУРА

- Аделева О.П. Стабильность реализации частеречной схемы в поэзии Теда Хьюза // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. Вып. 8. С. 20–27.
- Андреев В.С. Статистическая оценка динамики стиля: лирика В. Набокова в зеркале частей речи // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 4(60). С. 81–91.
- Андреев С.Н. Распределение сенсорной лексики в локальных армянских текстах XIX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022а. № 12. С. 4066–4073.
- Андреев С.Н. Эмотивная лексика в локальных текстах про Армению: квантитативный подход // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022б. Вып. 9. С. 4–12.
- Гаспаров М.Л. Порядок слов «определение – определяемое» в стихе и прозе // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 88–92.
- Бубнова Н.В. Ономастическое пространство текста Вячеслава Иванова «Роза преобразования» // Психолингвистика и лексикография. 2022. Вып. 9. С. 175–183.
- Карасик В.И. Сюжетная символика армянских пословиц // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3(59). С. 80–89.
- Орлицкий Ю.Б. Ритмическое своеобразие цикла Осипа Мандельштама «Армения» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 6. С. 1–23.
- Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022а. Т. 15, вып. 12. С. 3732–3738.
- Павлова Л.В., Романова И.В. «Цветная» составляющая частотного словаря «армянского текста» // Litera. 2022б. № 12. С. 20–32.
- Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.
- Andreev S., Místecký M., Altmann G. Sonnets: Quantitative Inquiries // Studies in Quantitative Linguistics, 29. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2018.
- Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts // Glottometrics. 2017. № 38. P. 77–106.
- Místecký M. Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries // Glottotheory. 2019. № 9(2). P. 173–200.
- Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. № 23. P. 23–55.

ПРИЛОЖЕНИЕ

	«Ангел Армении»
T1	Армения
T2	Сад
T3	Где они?
T4	Руки девы
T5	Ван
T6	Душевнобольная
T7	Панихида
T8	Прощанье
T9	Путница
T10	Ангел Армении
	«Армения»
T11	«Ты розу Гафиза колышешь...»
T12	«Ты красок себе пожелала...»
T13	«Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»
T14	«Закутав рот, как влажную розу...»
T15	«Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»
T16	«Орущих камней государство...»
T17	«Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...»
T18	«Холодно розе в снегу...»
T19	«О порфирные цокая граниты...»
T20	«Какая роскошь в нищенском селеньи...»
T21	«Я тебя никогда не увижу...»
T22	«Лазурь да глина, глина да лазурь...»

S.N. Andreev

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Foreign Languages,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Attributive Structure of the Lyrical Cycles «Angel of Armenia» by Sergei Gorodetsky and «Armenia» by Osip Mandelstam

The article is devoted to the analysis of the attributive structure of two poetic collections of well-known authors – «The Angel of Armenia» by Sergei Gorodetsky and «Armenia» by Osip Mandelstam. These poems occupy an important place among the works of Russian poets about Armenia, making it possible to form the perception of the history and culture of Armenia, its artistic representation in Russian poetry.

The article sets the task of a quantitative analysis of the distribution and nature of the use of attributes of various types. Attribute types are determined by the part-of-speech filling of the syntactic position of the definition and by its position relative to the word being defined.

In the course of the study, various statistical methods were used, which include the chi-square test, correlation coefficients, variance, Euclidean distance.

As a result of the analysis, data were obtained that characterize the authors' approaches to the description, similarities and differences in the distribution of various types of attributes, the degree of intensity of the description, the level of inversion of attributive structures.

Key words: *Gorodetsky; Mandelstam; cycle; exponential function; attributes; variability; distance; inversion.*

REFERENCES

- Adeleva O.P. The stability of the implementation of the part of speech scheme in the poetry of Ted Hughes [Stabil'nost' realizacii chastrechnoj shemy v poezii Teda H'juza]. *Kvantitativnaya lingvistika*. Smolensk: SmolGU, 2021. Is. 8, pp. 2–27 (in Russian).
- Andreev V.S. Statistical assessment of style dynamics: lyrics by V. Nabokov in the mirror of parts of speech [Statisticheskaya ocenka dinamiki stilya: lirika V. Nabokova v zerkale chastej rechi]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 4(60), pp. 81–91 (in Russian).
- Andreev S.N. Distribution of sensory vocabulary in local Armenian texts of the XIX–XXI centuries [Raspredelenie sensornoi leksiki v lokal'nykh armianskikh tekstakh XIX–XXI vv.]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022a, no. 12, pp. 4066–4073 (in Russian).
- Andreev S.N. Emotive vocabulary in local texts about Armenia: a quantitative approach [Emotivnaja leksika v lokal'nykh tekstakh pro Armeniiu: kvantitativnyi podkhod]. *Kvantitativnaja lingvistika*. Smolensk: SmolGU, 2022b. Is. 9, pp. 4–12 (in Russian).
- Gasparov M.L. The word order «definition – defined» in verse and prose [Poryadok slov «opredelenie – opredelyaemoe» v stihe i proze]. *Gasparov M.L. Izbranniye trudi. Lingvistika stiha*. Vol. 4. Moscow: Yaziki slavjanskoj kulturi, 2012, pp. 88–92 (in Russian).
- Bubnova N.V. Onomastic space of Vyacheslav Ivanov's text «The Rose of Transfiguration» [Onomasticheskoe prostranstvo teksta Viacheslava Ivanova «Roza preobrazheniia»]. *Psicholingvistika i leksikografija*, 2022, Is. 9, pp. 175–183 (in Russian).
- Karasik V.I. Plot symbolism of Armenian proverbs [Siuzhetnaja simbolika armianskikh poslovits]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 3, pp. 80–89 (in Russian).
- Orlitskiy Yu.B. Rhythmic originality of Osip Mandelstam's cycle «Armenia» [Ritmicheskoe svoeobrazie tsikla Osipa Man-del'shtama «Armeniya»]. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Literary criticism. Linguistics. Culturology»*, 2019, no. 6, pp. 1–23 (in Russian).
- Pavlova L.V., Romanova I.V. Colour blue in the Armenian text of Russian poetry (Interpretation of data of the software system «Hypertext search for companion words in authors' texts») [Sinii tsvet v armianskom tekste russkoj poezii (interpretatsiia dannykh programmno kompleksa «Gipertekstovyi poisk slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh»)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022a, vol. 15, no. 12, pp. 3732–3738 (in Russian).
- Pavlova L.V., Romanova I.V. The «Colour» component of the frequency dictionary of the «Armenian text» [«Tsvetnaja» sostavljajushchaja chastotnogo slovaria «armianskogo teksta»]. *Litera*, 2022b, no. 12, pp. 20–32 (in Russian).
- Pavlova L.V., Romanova I.V. The Consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchiye Saryana i Armenii v vospriyatii russkikh poetov] *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, no.1(61), pp. 5–18 (in Russian).
- Andreev S., Mistecký M., Altmann G. Sonnets: Quantitative Inquiries. *Studies in Quantitative Linguistics*, no 29. Lüdenscheid: RAM-Verlag, 2018 (in English).
- Andreev S., Popescu I.I., Altmann G. Some properties of adnominals in Russian texts. *Glottometrics*, 2017, no. 38, pp. 77–106 (in English).
- Mistecký M. Five Ways of Investigating Adnominals in Czech Sonnets of the 19th and 20th Centuries. *Glottology*, 2019, no. 9 (2), pp. 173–200 (in English).
- Naumann S., Popescu I.I., Altmann G. Aspects of nominal style. *Glottometrics*, 2012, no. 23, pp. 23–55 (in English).

И.А. Королева

Смоленский государственный университет

Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'282

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-39-48

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *региональная лексикография; история русского языка; региональный исторический словарь; имя собственное; принципы включения антропонимов в словарь; Смоленский край; памятники деловой письменности; период XVI–XVIII веков.*

В статье рассматривается проблема издания региональных исторических словарей, которые в последнее время практически не составляются. Обосновывается необходимость таких трудов для исторической базы современных областных словарей народных говоров. Отмечается, что региональные словари значительно пополняют картотеку главного продолжающегося издания – Словаря русского языка XI–XVII веков. Описываются способы подачи информации в региональных лексикографических трудах по исторической лексикологии русского языка. Обращается внимание на связь диалектологии и исторической лексикологии. Особо подчеркивается значимость исторических региональных лексикографических трудов для периода становления национальных лексических норм русского языка, то есть XVI–XVIII веков. Доказывается возможность и желательность включения в такие словари антропонимической лексики, ибо основы антропонимов могут содержать уникальный диалектный материал, не сохранившийся в виде имен нарицательных. Все вопросы рассмотрены на материале региональной лексикографии Смоленского края, одного из западных регионов России, имеющего особенности историко-культурного развития. Теоретические положения проиллюстрированы анализом антропонимов с диалектными основами, представляющим образцы рассуждений о судьбах диалектных слов в истории языка.

Региональная лексикография в настоящее время испытывает определенный подъем, что, безусловно, отраднo, ибо общерусский языковой ландшафт как в истории, так и в современном состоянии может быть обследован глубоко и всесторонне лишь при условии полного и детального изучения и описания регионального лингвистического материала.

Весьма актуальным и перспективным направлением в современной лексикографии является создание исторических словарей, а также региональных исторических словарей, представляющих большую научную ценность для линг-

виста. Естественно, это своеобразная историческая база для исследования современных русских народных говоров. Жаль, что региональных исторических словарей, в отличие от современных словарей местных говоров, на сегодняшний день издано немного: это Словарь языка мангазейских памятников старорусской письменности [Цомакион, 1971], русской народно-диалектной речи в Сибири [Панин, 1991], Материалы для Исторического словаря Воронежского края [Хитрова, 1987] и некоторые другие. Составление подобных трудов в регионах – одна из важных проблем исторической лексикологии и лексикографии.

Цель настоящей статьи – обосновать актуальность и важность возобновления работы по составлению региональных исторических словарей, ибо в настоящее время этот аспект исторической лексикографии практически не востребован. Вместе с тем такие работы являются хорошей базой для современных диалектологических словарей, так как в них предоставляется богатый сопоставительный материал. Небезынтересны они и для ономастов, что мы и пытаемся доказать.

В Смоленске еще в 2000 году вышел «Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» Е.Н. Борисовой, В.С. Картавенко, И.А. Королевой [Региональный исторический словарь, 2000]. Его словарный состав – лексика живой разговорной речи смолян указанного периода. Этот Словарь необычен и оригинален: в его словник вошла (впервые в лексикографических изданиях подобного рода) диалектная антропонимическая лексика прошлого, так как в основах антропонимов нашли отражение многие имена нарицательные, по различным причинам не зафиксированные в источниках: в основном это памятники деловой письменности. Сразу же подчеркнем, что именно от означенного в Словаре хронологического среза сохранилось много смоленских деловых текстов, богатых диалектной лексикой, которую необходимо лексикографировать.

Смоленские памятники письменности хранятся в значительной своей части в двух архивах: Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве Смоленской области (ГАСО). Помимо рукописных источников, много актов печатных материалов. Так, особый интерес вызывают «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.», изданные в 1912 году Ю. Готье, «Приходно-расходные книги Болдина – Дорогобужского монастыря конца XVI – начала XVIII вв.» из Русской исторической библиотеки (РИБ). В целом список источников Словаря составил около полутора тысяч текстов.

Современная онимия – результат длительной целенаправленной деятельности людей, культурной и языковой. Древнейшим способом создания имен собственных (ИС) является, естественно, онимизация апеллятивной лексики. Рассмотрение тесной связи апеллятива и онима представляет значительный интерес для антропонимистов: по возможности точный этимологический анализ позволяет сделать вывод о происхождении отдельных имен собственных.

Включение ИС (в частности, антропонимов) в исторические словари, особенно регионального характера, – вопрос спорный и, естественно, актуальный, ибо нет сомнения, что история региона в слове – это одно из перспективнейших направлений исследовательской мысли. Отметим, что еще исследователи XIX века поднимали эту тему [Сахаров, 1842]; в 30-е годы XX века о включении ИС в исторические словари писал Б.А. Ларин [Ларин, 1936]. Частично ономастическую лексику содержит классический исторический лингвистический труд – «Словарь русского языка XI–XVII вв.».

Несомненно, для включения онимов нужны критерии отбора, так как все выявленные в памятниках письменности именованные невозможно поместить в один, причем региональный исторический лексикографический труд – есть специальные ономастические словари, в том числе и исторические. Нам imponируют довольно четкие критерии включения ИС в исторические словари, разработанные Г.П. Смолицкой, одним из ведущих ономастов России; она предлагает отбирать и фиксировать: 1) ИС, помогающие выявить лексику русского языка определенного исторического периода, отсутствующую в виде нарицательной, 2) фоновые культурно-исторические ИС, 3) те, которые употребляются в значении нарицательных [Смолицкая, 1981, 23–24]. Подчеркнем, что для регионального исторического словаря весьма значимы ИС с диалектными основами.

Особый интерес, на взгляд многих историков языка и антропонимистов, следующих принципу возможности и желательности включения имен собственных в исторические словари, вызывает период конца XVI – XVIII века, то есть время формирования литературных языковых норм. В памятниках деловой письменности означенного времени засвидетельствовано значительное число ИС, являющихся источником восстановления апеллятивов – ведь зачастую имена нарицательные, не зафиксированные в памятниках, представлены в них в виде онимов, в частности антропонимов.

И, конечно же, ИС являются важным источником культурно-исторической информации. Хозяйственная деятельность и духовная жизнь региона, сам человек и окружающая его среда, взаимоотношения в обществе, верования, обычаи, традиции, вкусы и пристрастия наших предков – все отразилось в основах антропонимической лексики.

Смоленский край имеет сложное историческое прошлое: его земли часто и надолго входили в состав других государств. Так, смоленские территории находились в составе Великого княжества Литовского с 1404 по 1514 год, в составе Речи Посполитой с 1611 по 1654-й, а отдельные территории – по 1686 год [Королева, 2021]. Именно поэтому смоленские памятники письменности обозначенного в Словаре периода являются богатым источником для выявления ИС любых разрядов (в частности, антропонимов). Также можно отметить много нарицательной лексики, не засвидетельствованной историческими лексикографическими трудами и вычленяемой из ИС. Несомненно, исследование и антропонимической, и апеллятивной лексики Смоленского

региона позволяет пополнить сведения о лексическом составе смоленского диалекта разных эпох. Как отмечает В.В. Палагина, «апеллятивная лексика, лежащая в основах нехристианских прозвищных имен, часто отражает слова бывшие или ставшие диалектными» [Палагина, 1968, 92]. Диалектные основы имеют место и в составе смоленских антропонимов, и в составе апеллятивов, не засвидетельствованных существующими лексикографическими трудами и вычленяемых часто из имен собственных. Таким образом, мы считаем вполне обоснованным включение антропонимической лексики в «Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв.».

Несомненно, большую трудность при работе с региональными антропонимами в их истории представляет определение их диалектного характера, так как нелегко очертить ареал бытования онима, особенно при учете широких миграционных процессов. Серьезную помощь оказывают исторические словари, позволяющие достаточно уверенно говорить о диалектном характере апеллятива, легшего в основу того или иного ИС. Широко используются материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль, 1956], в которых представлено большое количество диалектных слов. Для смоленской территории интересны лексемы с пометами «смоленское» и «западное», которые используются для доказательства локальной приуроченности апеллятива, легшего в основу антропонима. Естественно, привлекается (опосредованно) диалектная лексика других русских регионов, в первую очередь – пограничных со Смоленщиной (например, тверская, калужская и др.). При необходимости (с учетом миграции населения) для подтверждения диалектной основы антропонима и выявления ее значения в «Региональном историческом словаре второй половины XVI – XVIII вв.» представлена и областная лексика более отдаленных территорий. С учетом приграничья Смоленского края помощь может оказать словарь старобелорусской лексики И.И. Носовича [Носович, 1870].

Следует особо подчеркнуть, что главный интерес, конечно же, вызывают фамилии с диалектными основами, ведь фамилия – основной идентификатор человека в социуме. Интересны также фамилии с общерусскими основами, но в истории имена, от которых образовались эти фамилии, бытовали лишь на ограниченной территории, а апеллятивная лексика, лежащая в основах таких антропонимов, в настоящее время уже диалектная. Однако в исторический словарь включены не только фамилии: 1) все антропонимы с диалектными основами для периода XVI–XVIII веков; 2) антропонимы с общерусскими основами, но известные в означенное время лишь на части Московского государства, в том числе и на территории Смоленского края; 3) некоторые прозвищные имена, достаточно распространенные на Руси, но являющиеся отражением культурно-исторического фона эпохи (как правило, это имена и фамилии, указывающие на название профессии, социальное положение именуемого

и пр.). Отобранная для лексикографирования антропонимическая лексика подается в означенном словаре в общем контексте нарицательных слов по алфавиту в соответствии со строго разработанными структурными принципами, обязательными для лексикографирования исторического материала: указанием на фиксацию в памятнике письменности, показом выходных данных со поставительного материала и т.п.

Представляем несколько образцов словарных статей, описывающих в «Региональном историческом словаре Смоленского края» антропонимическую лексику; сохранены сокращения словаря.

БОЛМАСОВЪ. Киря да Болота да Офонасей БОЛМАСОВЫ. Готье, 235. 1609 г.

БОЛМАСОВ <*БОЛМАС <*болмас / болмас – «говорун» – Добровольский.

ЗЕЛЕПУГА. Рославецъ Сенка по прозванию ЗЕЛЕПУГА. ГАСО, 203/1, №, 5, 41. 1701 г.

ЗЕЛЕПУГА <зелепуга / зелепуга «незрелая ягода, плод» – Добровольский; ССГ (смол., псков., калуж., орлов.) – СРНГ.

ЧЮЛКА. Городской сотник Василей ЧЮЛКА. Готье, 248. 1610 г.

ЧЮЛКА <*чюлка / ср. чулый«чуткий» (зап.) – Даль.

Под знаком представлены восстановленные лексемы.

Главным критерием для определения локального характера как имени собственного, так и апеллятива, легшего в его основу, мы считаем, и во введении к Словарю это оговорено, «бытование означенных лексем в означенный период только на части русской территории, причем последняя могла быть как довольно обширной, так и достаточно узкой» [Региональный исторический словарь, 2000, *введение*]. Естественно, мы отдаем себе отчет в известной доле гипотетичности наших утверждений при определении локальных, на наш взгляд, слов, так как огромный массив письменных памятников различных русских территорий еще не обследован и не выявленный в них материал не введен в научный оборот. Находка хотя бы одного неизвестного контекста с той или иной анализируемой лексемой на другой территории уже может поставить под сомнение некоторые наши суждения о диалектном характере антропонима и апеллятива. Но такие допущения неизбежны в исторических работах. Для подтверждения регионального характера антропооснов огромный материал содержится в ономастическом историческом словаре Н.М. Тупикова [Тупиков, 1903]. Неоценимую помощь оказывают исследования ведущих российских антропонимистов. Мы привлекаем также работы белорусских ученых [Бірыла, 1969]. Хотелось бы обратить особое внимание на контакты ономастов-славистов, на возможность совместных исследований, проведения общих ономастических форумов и т.п., что, безусловно, продвинет разыскания в области исторической лексикологии, исторической ономастики и исторической лексикографии.

Для иллюстрации применения разработанных критериев приведем примеры.

В смоленских источниках XVI века выявлено прозвищное имя Брыль: Брыль Третьяков, смоленский мещанин (РИБ-37, с. 84. Л. 16, 1592 г.). В дальнейшем при исследовании более поздних смоленских деловых текстов этот антропоним встретился нам еще шесть раз.

В Словаре Н.М. Тупикова имя Брыль засвидетельствовано дважды с пометой «западное» в источниках XVI–XVII веков [Тупиков, 1903, 64]. Представлено оно и в старобелорусских текстах [Бірыла, 1969, 61].

Апеллятив *брыль* в Словаре русского языка XI–XVII веков не зафиксирован, не нашли мы его и в составе лексики исследованных памятников смоленской деловой письменности старорусского периода. Однако в смоленских говорах начала XX века бытовало существительное *брыль* «круглая шляпа с полями, преимущественно мужская» [Добровольский, 1914, 23]. Отмечено слово и в современных смоленских говорах с несколькими значениями: 1) рассмотренное выше, 2) шапка, картуз, 3) козырек шапки, картуза и т.д., 4) край чего-либо [Словарь смоленских говоров, 1974–2005, вып. 1, 265–266]. Как видим, семантическое поле слова заметно расширилось. Выявленный нами антропоним Брыль позволяет думать, что и в смоленском диалекте XVI–XVIII веков было слово *брыль* со значением «головной убор». Образованное имя – метафора.

Лексема *брыль* «круглая шляпа с полями» бытовала в белорусской письменности [Носович, 1870, 36], что также в определенной мере подтверждает возможность существования ее на Смоленщине. Сегодня в белорусском языке *брыль* – литературное слово, а у нас – диалектное, как и в истории. Очерчивается довольно четкий ареал, который охватывает, помимо территории Смоленского края (в его прошлом и современном состоянии), брянские говоры, в которых лексема известна в настоящее время [Расторгуев, 1973, 55]. На наш взгляд, это связано с историческими судьбами смоленских земель, которые в XVII веке вместе с брянскими и белорусскими территориями входили в состав Речи Посполитой. Подтверждается это и фактами современной белорусской антропонимии. Так, у того же М.В. Бірылы засвидетельствован целый ряд фамилий, образованных на базе старого прозвищного имени и частично общих со смоленскими: Брыль, Брылеуский, Брылек, Брыленак, Брылеу, Брылькоу (сравним с фамилиями, выявленными на Смоленщине: Брылев, Брылёв, Брылевич, Брылькин) [Королева, 2006, 144].

В источниках XVIII века нами неоднократно засвидетельствована фамилия Зыболов. Несколько раз на протяжении более полувека в смоленских актовых материалах встречаются упоминания о членах одной семьи, одного рода: Белянин Петр Васильев сынъ Зыболов и племянникъ ево Никита Зыбо-

лов, жена Зыболова Петра Авдотья, Тихон Петров сынъ Зыболов, Сенка Зыболов и др. (РГАДА, ф. 1108, оп. 1, д. 4, 1702 г.; ф. 461, оп. 1, д. 1521, 1748 г. и др.). Ни в каких иных текстах антропоним не засвидетельствован.

Можно предположить, что фамилия образована на базе прозвищного имени Зыбол, пока не обнаруженного. Апеллятив в исторических словарях также отсутствует. Соответствие находим лишь в материалах Словаря В.И. Даля: *зыбола* (вариант *зыбала*) «долговязый» [Даль, 1956, 1, 696]. Слово показано как тверское. Заметим, что Тверской регион и Смоленский – пограничные территории, а в истории и частично общие (Бельские земли). Возможно, и фамилия смоленская и тверская, хотя в Твери пока не отмеченная. Апеллятив показывает, что существовал вариант имени Зыбо(а)ла. Возможно, бытуют и фамилии Зыболин и Зыбалин, пока не встретившиеся исследователям-антропонимистам.

Итак, рассмотрев проблему региональной лексикографии в свете развития исторического ее компонента, мы пришли к следующим выводам.

В регионах для полной исторической картины бытования словарного состава и эволюции лексем очень значимым лексикографическим трудом может явиться Региональный исторический словарь, созданный по материалам памятников письменности. Особую важность имеют памятники периода становления лексических норм русского языка, то есть XVI–XVIII веков. К сожалению, эта кропотливая и точная работа пока еще не находит широкого распространения. Тем большую значимость приобретает «Региональный исторический словарь Смоленского края», одного из специфических в историко-культурном плане регионов России.

Словарь уникален также тем, что в его словник включены антропонимы, в основном с диалектными основами или ограниченные в указанный период территорией бытования. Основы антропонимов содержат историческую информацию, не сохранившуюся зачастую в виде нарицательной лексики. Безусловно, это расширяет рамки словарного состава регионолекта определенного исторического периода. Разработанные принципы включения антропонимической лексики в региональные исторические словари являются еще одним убедительным доказательством тесной связи диалектологии, истории языка и ономастики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1969. Ч. 2. 505 с.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. I–IV.
Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.
Королева И.А. Западноевропейские заимствования в лексике смоленского диалекта допетровской эпохи // Пятнадцатые Поливановские чтения. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 65–73.
Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СГПУ, 2006. 368 с.

Ларин Б.А. Проект древнерусского словаря (Принципы, инструкции, источники). М.–Л.: АН СССР, 1936. 175 с.

Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. 756 с.

Палагина В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов в конце XVI–XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск: ТГУ, 1968. Т. 187. С. 83–92.

Панин Л.Г. Словарь русской народной диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв. Новосибирск, 1991. 179 с.

Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973. 295 с.

Сахаров И. Древние русские словари // Отечественные записки. 1842. Т. 25. С. 1–24.

Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна реки Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. 34 с.

Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Хитрова В.И. Материалы для Исторического словаря Воронежского края (XVII – первой половины XVIII вв.). М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1987. 112 с.

Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск: КГПИ, 1971. 265 с.

ИСТОЧНИК

Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск, 2000. 368 с.

I.A. Koroleva

*PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of the Russian language
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Regional Historical Lexicography: Problems and Development Prospects

The article discusses the problem of publishing regional historical dictionaries, which have not been practically compiled recently. The necessity of such works for the historical base of modern regional dictionaries of folk govors is substantiated. It is noted that regional dictionaries significantly replenish the chief of the main ongoing publication – the dictionary of the Russian language XVI–XVIII c. The methods of filing information in regional lexicographic works on the historical lexicology of the Russian language are described. Attention is drawn to the relationship between dialectology and historical lexicology. The significance of historical regional lexicographic works for the period of the formation of national lexical norms, the Russian language in XVI–XVIII centuries is especially emphasized. The possibility and desirability of the inclusion of anthroponymic vocabulary in such dictionaries, for the foundations of anthroponyms may contain a unique dialective material that is not survived in the form of nominal names. All issues are considered on the material of the regional lexicography of Smolensk Territory, one of the Western regions of Russia, which has

features of historical and cultural development. Theoretical provisions are illustrated by the analysis of anthroponyms with dialectic bases representing the samples of reasoning about the fate of dialect words in the history of the language.

Key words: regional lexicography; history of the Russian language; regional historical dictionary; proper noun; principles for the inclusion of anthroponyms in the dictionary; Smolensk Territory; Monuments of Business Writing in XVI–XVIII centuries.

REFERENCES

- Biryła M.V. Belarusian Antrapanimy [Belaruskaya antrapanimiya]. Part 2. Minsk, 1969. 505 p. (in Belorussian).
- Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language [Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka]. Moscow: State Publishing house of foreign and national dictionaries, 1956. Vol. I–IV (in Russian).
- Dobrovolsky V.N. Smolensk Regional Dictionary [Smolenskij oblastnoj slovar']. Smolensk, 1914. 1022 p. (in Russian).
- Koroleva I.A. Western European borrowings in the vocabulary of the Smolensk dialect of the pre-Petrine era [Zapadnoevropejskie zaimstvovaniya v leksike smolenskogo dialektna dopetrovskoj epohi]. *Fifteenth Polivanov Readings*. Smolensk: Smolensk State University, 2021, pp. 65–73 (in Russian).
- Koroleva I.A. Dictionary of surnames of the Smolensk region [Slovar' familij Smolenskogo kraja]. Smolensk: SGPU, 2006. 368 p. (in Russian).
- Larin B.A. Draft Old Russian Dictionary (Principles, Instructions, Sources) [Proekt drevnerusskogo slovarya (Principy, instrukcii, istochniki)]. Moscow – Leningrad: USSR, 1936. 175 p. (in Russian).
- Nosovich I.I. Dictionary of the Belarusian dialect [Slovar' belorusskogo narechiya]. SPb., 1870. 756 p. (in Russian).
- Palagina V.V. To the question of the locality of Russian anthroponyms at the end of the XVI – XVII centuries [K voprosu o lokal'nosti russkikh antroponimov v konce XVI – XVII vv.]. *Questions of the Russian language and its dialects*. Tomsk: TGU, 1968. Vol. 187, pp. 83–92 (in Russian).
- Panin L.G. Dictionary of Russian folk dialect speech in Siberia XVII – the first half of XVIII vv. Novosibirsk [Slovar' russkoj narodnoj dialektnoj rechi v Sibiri XVII – pervoj poloviny XVIII vv.]. Novosibirsk, 1991 (in Russian).
- Rastorguev P.A. Dictionary of folk dialects of Western Bryansk [Slovar' narodnyh govorov Zapadnoj Bryanshchiny]. Minsk, 1973. 295 p. (in Russian).
- Sakharov I. Ancient Russian dictionaries [Drevnie russkie slovari]. *Otechestvennye zapiski*. 1842. Vol. 25, pp. 1–24 (in Russian).
- Smolitskaya G.P. Hydronymy of the Oka River Basin in its Relation to the History of the Vocabulary of the Russian Language [Gidronimiya bassejna reki Oki v ee otnoshenii k istorii slovarnogo sostava russkogo yazyka]. Abstract of dissertation ... doctor of. Philolog. sciences. Moscow, 1981. 34 p. (in Russian).
- Dictionary of Smolensk dialects [Slovar' smolenskih govorov]. Smolensk, 1974–2005. Is. 1–11 (in Russian).
- Tupikov N.M. Dictionary of Old Russian personal proper names [Slovar' drevnerusskikh lichnyh sobstvennyh imen]. SPb., 1903. (in Russian).
- Khitrova V.I. Materials for the Historical Dictionary of the Voronezh Territory (XVII – the first half of the XVIII centuries) [Materialy dlya Istoricheskogo slovarya Voronezhskogo kraja (XVII – pervoj poloviny XVIII vv.)]. Moscow: MGPI named after V.I. Lenin, 1987. 112 p. (in Russian).

Tsomakion N.A. Dictionary of the language of the Mangazey monuments of the 17th – the first half of the 18th centuries [Slovar' yazyka mangazejskih pamyatnikov XVII – pervoj poloviny XVIII vv.]. Krasnoyarsk: KSPI, 1971. 265 p. (in Russian).

SOURCE

Regional historical dictionary of the second half of the XVI – XVIII centuries (according to the written monuments of the Smolensk Territory) [Regional'nyj istoricheskij slovar' vtoroj poloviny XVI–XVIII vv. (po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraja)]. Ed. by E.N. Borisova. Smolensk, 2000. 368 p. (in Russian).

Н.А. Николина

*Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия*

З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия*

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-48-58

**КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ОБРАЗАМИ ЦВЕТОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ¹**

Ключевые слова: компаративная конструкция; метафора; сравнение; образ сравнения; основание сравнения; названия цветов; современная русская проза.

Предметом изучения в статье являются компаративные конструкции (метафоры и сравнения), включающие наименования цветов. Материалом для исследования служат тексты современной русской прозы, а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Цель статьи – анализ указанных конструкций в сопоставлении с тропами предшествующего периода. Были рассмотрены образы сравнения, предметы сравнения и основания сравнения компаративных тропов, представлена их семантическая классификация. В ходе исследования получены следующие выводы: образы цветов не столь продуктивны в современной прозе по сравнению с другими семантическими классами образов сравнения, такими как классы зоонимов и названий артефактов; в то же время они образуют значимый фрагмент метафорической картины мира в современной прозе. В составе метафор и сравнений с образами цветов появляются новые элементы, круг предметов сравнения

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

также расширяется. В современной прозе сохраняются традиционные метафорические модели, однако они переосмысливаются и частично меняется их характер. Употребление образов цветов в современных текстах носит преимущественно антропоцентрический характер с акцентом на телесном плане человека, что отличает их от функционирования в предшествующий период. Для современной прозы характерна тенденция к снижению образа при использовании рассматриваемых компаративных тропов. Компаративные конструкции, включающие образы цветов, выступают в современных текстах в функции образной характеристики различных объектов, оценочной функции и – реже – интертекстуальной.

Названия цветов, используемые в составе тропов, традиционно привлекали внимание лингвистов. Они преимущественно изучались как часть филологии и рассматривались в различных видах дискурса, в том числе художественном. В частности, были выделены различные функции фитонимов в художественном дискурсе [Чарыкова, 2010], флористические метафоры рассматривались и как фрагмент национальной картины мира [Мусаева, 2005; Балашова, 2014, 75–76; Кропотухина, 2014], причем в сопоставлении с другими лингвокультурами (см.: [Панкова, 2009]), а также на материале отдельных идиостилей [Камаль, Чарыкова, 2011; Варларо, 2019]. В работе О.Н. Кондратьевой фитоморфная метафора анализируется как средство репрезентации концепта «душа» в русской лингвокультуре [Кондратьева, 2015]. В русской художественной речи флористическая метафора изучалась в основном на материале поэтических текстов (см., например: [Биджиева, 2010]). В то же время недостаточно изучены метафоры и сравнения, включающие образы цветов, в современной русской литературе, прежде всего в прозе.

Цель нашей статьи – рассмотрение компаративных конструкций, образами сравнения которых являются названия цветов, в современной русской прозе и сопоставление их с предшествующим периодом развития русской литературы. Материалом исследования служат контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (для современных прозаических текстов), и «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 3. Растения» [Кожевникова, Петрова, 2015].

В текстах современной русской прозы семантический класс образов сравнения «Цветы» не столь продуктивен, как, например, классы зоонимов и артефактов. В то же время в современной прозе представлен достаточно широкий круг «цветочных» образов сравнения. В нашем материале зафиксировано 30 названий цветов, входящих в состав компаративных тропов. Основаниями сравнения в компаративных структурах служат цвет, форма, характерные свойства цветов, процессы, происходящие с ними, ассоциации, связанные с тем или цветком, и т.д., например:

– цвет: «Щелкунчик что-то говорил ей, но она не слышала слов – она лишь видела и ощущала кожей теплый, ласковый свет его распахнутых синих, как любимые Тонины *васильки*, глаз» (Е. Маркова. Каприз фаворита), «Наташа появилась на пороге: тонкий стан ее изогнулся дугой – затрепетало от нежности сердце, – белая, как *лепесток подснежника*, оголенная до локтя рука тянулась куда-то назад и вниз...» (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев);

– форма: «На четвертом этаже дежурная медсестра <...> вдруг испугалась Антонова точно так же, как давеча Наталья Львовна, и так же побледнела, отчего веснушки, крупные, будто *пупырышки мимозы*, букетом проступили на усталом личике» (О. Славникова. Один в зеркале), «Я перевязала вазу, по ее горлышку, узкой сиреневой лентой, которая (ноу-хау) мелко-мелко, словно *гиацинт*, кучерявилась своими нежными кончиками» (М. Палей. Дань саламандре);

– свойства цветов и процессы, происходящие с ними: «На конном памятнике Юрию Долгорукому, впереди слепого металлического князя, сидел, как взятый на седло ребенок, столичный мэр, с лысиной будто *облетевший одуванчик*, с полными руками каких-то воззваний, которые с опасной, грозящей падением высоты не решался швырнуть» (О. Славникова. 2017), «Но она пропадет, погибнет (он заговорил еще на полтона выше) сразу же, как *орхидея на морозе*» (М. Кучерская. Тетя Мотя);

– запах: «Благоухая, как свежесрезанный *нарцисс*, и абсолютно нагой, я вышел в коридор» (И. Бахтина. По пути в никуда);

– ассоциации, связанные с цветком: «И там, в далеком будущем, наконец-то изобрели способ “пронзать” время, и я решила пообщаться с собой, той, что еще юна, как *ландыш*» (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть), «– По-вашему, я могу ему угрожать? Он беззащитен, как *одуванчик*. Или как овечка в глухом лесу» (В. Левашов. Заговор патриота), «И родители ходили бы грудь колесом и только и делали, что принимали поздравления за столь чудесное превращение своей термоядерной дочери в нежную *маргаритку*» (Н. Абгарян. Манюня).

В одном контексте могут совмещаться несколько оснований сравнения, например:

– цвет и запах: «– Нет, вы не одуванчик, вы какой-то другой цветок... Вы – *лилия*. Белоснежный цветок со сладким дурманящим запахом, от которого кружится голова...» (Т. Тронина. Русалка для интимных встреч);

– цвет и форма: «У дочки, приходившей с работы, распухший рот с полинялыми краями явно был нацелован, кулон, утром надетый на блузку, оказывался прямо на теле, там, где *анютиными глазками* расцветали оставленные чьими-то губами лиловые и желтые синяки» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), «Врач-реаниматор, седой, как *одуванчик*, маленький ловкий мужчина, поведал Алексею Александровичу, что давно не видел такой сильной женщины» (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем);

– цвет, полнота, влажность: «Олег протянул руку и осторожно погладил Гюзель по волосам. Потом так же осторожно коснулся ее губ. Они дрогнули и раскрылись, как *тюльпан* навстречу весеннему солнцу. Такие же алые, сочные и чуть влажные» (В. Мясников. Водка).

Наиболее часто в современных прозаических текстах в подобных контекстах встречаются такие лексические единицы, как *роза* и *одуванчик*, например: «Но старая женщина утерла слезы ладонью и засмеялась, глядя на молодого внука, живого-здорового, и вовсе малого правнука, который ловко устроился на руках гостя, все также счастливо улыбаясь людям и жизни. – Всем-то он лыбится, майская *роза*. Всему-то он радуется» (Б. Екимов. Предполагаем жить), «Сегодня утром я увидел на сайте “Contra.ru” (да-да) статью одного злобного журналюги, похожего на лысеющий *одуванчик*» (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам). Вторая по частотности группа названий цветов в тропах включает слова *ромашка*, *лилия*, *орхидея*, *хризантема*, например: «Внутри серых бетонных стен, колючей проволоки и решеток на окнах, среди обслуживающего персонала, одетого, как один, в военную форму, Зинаида Ивановна смотрелась нежней *орхидеи* под стеклянным колпаком» (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем), «Худенькая, беленькая, как *ромашка*, она словно бы истаивала светом, вот-вот миг – и останется только лучик» (А. Иванов. Сердце Пармы), «И вам ведь этих, – тетка кивнула на белоголовых, как *хризантемы*, детишек, все-таки сбежавших от матери к ласковому морю, – подымать надо» (А. Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера), «Я мылась с нею в бане и готова поклясться, что завтра-послезавтра она раскроется, как утренняя *лилия*» (Б. Васильев. Вещий Олег). Реже встречаются такие наименования, как *первоцвет*, *мимоза*, *герань*, *пион*, *тюльпан*, *ландыш*, *ирис* и др.

Распределение образов сравнения по частотности употребления в предшествующий период носило несколько другой характер: самой высокой частотой, как и теперь, характеризовалось слово *роза*, однако слова *орхидея* и *хризантема* встречались реже, чем в настоящее время.

Необходимо отметить обновление состава образов сравнения в рассматриваемом семантическом классе. В современной прозе начинают употребляться не использовавшиеся ранее названия цветов *крокус*, *гладиолус*: «А только он один так мириться умеет. Он же нежный, как *крокус*. Поскольку я крокусов в жизни не видел» (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана), «Школу я покинул невинным, как *гладиолус*, и поступил в университет с первого захода, выдержав конкурс в семнадцать человек на место» (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет), «– Ага, а потом ты нес меня на плечах, и мои ноги болтались, как сушеные *гладиолусы*» (И. Абузяров. Ненормативная лексика). Расширяется и сфера употребления некоторых названий цветов. Так, например, если слово *георгин* встречалось ранее в стихотворных текстах и крайне редко – в прозе, то теперь оно достаточно активно употребляется в прозаических произведениях: «Самоуверенный идиот, пышный идиот, пышный, как *георгин*, идиот, *георгин* среди идиотов, умоляю, не подведи меня, – я твердил это про

себя как молитву. Теперь все, вся моя жизнь зависела от этого идиота Сереги!..» (Е. Колина. Дневник измены), «Остаток вечера убирали за котом, обсуждали новую поездку к ветеринару; Басилевс, подрагивая вислоухой бесформенной башкой, похожей на увядший *георгин*, кемарил в кресле, и было видно, что он уже круглится от стариковского плотного жира и, может быть, уже недолго осталось до того момента, когда влюбленный чучельник натянет его потускневшую шкуру на гипсовый каркас» (О. Славникова. Басилевс), «И скандал начал разрастаться, как махровый *георгин* с жирными лепестками» (А. Проханов. Господин Гексоген).

Названия цветов – образы сравнения в современных прозаических текстах преимущественно характеризуют человека:

– его внешность: «Оксана сейчас вянет, как большая пышная *роза*, а Валечка увядает, как тонкий *бутон*, который почему-то так и не раскрылся» (И. Полянская. Пенал), «– А там продавщица – просто *ирис* – глаз не оторвать!» (Н. Горланова, В. Букур. Моя тихая радость), «Правый глаз карий, левый – карий с прозеленью; оба глядели с профессиональной доброжелательностью: Старичок был сед, как зрелый *одуванчик*» (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все);

– части тела:

= голова: «Вы не видели черноглазого мальчика? У него голова как *тюльпан* – на тонюсенькой шее» (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана);

= лицо: «Три-четыре раза в месяц Ведерникова навещала ее прислуга: интеллигентная, с лицом как прелая *роза* Екатерина Петровна, наводившая в квартире такую стерильность, что после нее хотелось ничего не трогать руками» (О. Славникова. Прыжок в длину), «По лицам поплыли удивленные ухмылки, а один чрезвычайно спортивный малый, весь розовый и рыжий, с физиономией как цветущая *мимоза*, поперхнулся и загоготал, хлопая себя по коленям» (О. Славникова. Прыжок в длину);

= глаза: «Черный старый берет, черные фетровые сапожки. И странные глаза – тревожно-спокойные. Они были похожи на большие серые *фиалки*, выгоревшие под Солнцем едва не до бела. Да, на нежнейшие *фиалки*, но расцветшие не в тени, а на самой середине поляны» (В. Галактионова. 5/4 накануне тишины), «Лицо одубело глубокими старческими морщинами, нос, сломанный когда-то, сросшийся горбом и с косым шрамом, веки красные... лицо у Ивана Михалыча было крепко поношенное, а глаза глядели двумя *васильками*» (В. Ремизов. Воля вольная);

= брови: «Лицо ее, чуть смугловатое, озарилось приветливой, доверчивой улыбкой. Взлетели – да так и остались парить или реять в парном, волокнистом воздухе двумя задорно изогнутыми, подвижными дугами. Взлетели вверх темные, густые брови. Распушились – и затрепетали на ветерке, словно длинные лепестки *хризантемы*» (В. Алейников. Тадзимас);

= губы: «От бровей до тонированной родинки на подбородке лицо ее нарисовано: губы, словно из Голландии, – *тюльпаном*, синие ресницы напоминают порхающих речных стрекоз» (П. Крусанов. Сотворение праха);

= рот: «Только взгляните в это сосредоточие призванья, в нервически сжатую глазом лупу, в движения расправленных ухоженных пальцев, в *мимозу* приоткрытого рта, в средоточье кончика бордового языка, превращающегося в трепещущую бабочку» (В. Кузнецов. Часовой);

= уши: «У Терентьева, сидевшего впереди совершенно спокойно, уши пылали, как две большие бархатные *розы*» (О. Славникова. Мышь. Литературная история);

= волосы: «Крупная девушка с прической как *цветок репейника*, известная читателям под нежным именем Аленка» (О. Славникова. 2017);

= руки: «Он говорил, что они похожи на цветы небывалых растений, а тонкие бледные руки, обнажавшиеся в призрачном свете, когда с них соскальзывали рукава кимоно, казались ему хрупкими *стеблями кувинок*» (А. Геласимов. Степные боги);

= грудь: «Не имея сил противиться, она позволила взять себя на руки, отнести на постель и раздеть. Меня будто обожгло изнутри при виде бедной наготы, этих увядающих *лилий*, выпавших из расстегнутого платья» (И. Сахновский. Заговор ангелов);

= ноги: «Поэты часто влюбляются. – А почему я поэт, а ты философ? – Потому что ты по Иванке сохнешь. И твои ноги от этого становятся похожи на сушеные *гладиолусы*» (И. Абузьяров. Ненормативная лексика).

Большинство отмеченных образов сравнения носит традиционный характер, однако для современной прозы характерно появление новых предметов сравнения, относящихся к телесному плану и внутренним органам человека. Так, в современных прозаических текстах образы цветов используются для описания телесного низа, например: «Асланка не считается, он и бывал в Москве три месяца в году, и в постели уже не мог, его холодненькое дохлое хозяйство, как ни тебеби, даже не шевелилось. Этакая *орхидея* с волосами» (О. Славникова. Прыжок в длину), «Если любишь, то и жопа *розой* станет» (Ю. Буйда. У кошки девять смертей), «Он был прекрасно осведомлен, как именно получают дети, и пользовался любезностями Ритки и Светки – двух безотказных сестричек-погодков, с грубыми мордахами и нежными попами, на которых после оставались цветущие, как *розы*, жаркие пятна» (О. Славникова. 2017), «Не знаешь ты, несчастный физик, как прекрасно устроена женщина! Яичники – *хризантемы*! Маточные своды – небесная сфера» (В. Галактионова. 5/4 накануне тишины).

Если в предшествующий период развития русской литературы некоторые части тела, служившие предметами сравнения, редко характеризовались образами цветов, например колени и уши, то в текстах современной прозы круг таких метафор и сравнений расширился: «В перестроечную

эпоху Корзинычу довелось воплотить совершенно новых людей – криминальных братков в тяжелых кожаных и с обритыми бошками: тут оказалось, что у Корзиныча весьма киногеничные уши, напоминающие крупные *розы*» (О. Славникова. Прыжок в длину), «Крупные сложно-рельефные колени – словно две мощные, смело вылепленные *розы*» (М. Палей. Дань саламандре). Интересно, что для характеристики этих частей тела в современной прозе используется сравнение с розой, название которой традиционно относится к высокой поэтической лексике.

Ранее, в предшествующий период развития русской литературы, образы цветов характеризовали внутренний мир человека, его душу [Кондратьева, 2015], сердце, мысли, чувства, например: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как *цветок*, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца» (М. Лермонтов, 1840), «Всякая душа, ну... как *цветик* полевой-духовитый» (И. Шмелев, 1930–1931), «<...> преудивительная вещь эта водка! <...> Шепнет тебе буль-буль-буль – смотришь, всю беду отговорит: в голове ум будто звезда взойдет, а сердце в груди *розаном* распустится» (А. Бестужев-Марлинский, 1836), «<...> зачем эта мысль вплелась в мое сердце, <...> как эта живая *роза* в хитросплетенные косы мои!» (А. Бестужев-Марлинский, 1833). В современной же прозе, как показывает анализ материала, в центре внимания – телесный план человека.

Кроме характеристики человека, образы цветов используются, хотя и реже, в составе компаративных тропов, относящихся к *природе*: «В небе белели, как *пионы*, облака» (Н. Горланова. Объяснение в любви. XX век), «На чистом небосводе застряло заблудившееся крахмальное облако, которое к обеду медленно распустилось, как *кувшинка* на воде, томительно колыхаясь в небесных струях» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы), «Посреди площади красным *тюльпаном* полыхал костер – горели три карагача» (Г. Яхина. Дети мои), «Ему представлялось, что он провалился в этот странный полусон на один-единственный окомиг, однако небо за окном уже было черно и на нем качалась белесая луна, как наполовину облетевший *одуванчик*» (П. Крусанов. Укус ангела), *животным*: «Ссаженные ладони распухли и ныли, но правая болела острее: поднеся ее к глазам, Анфилогов увидел, что на ней висит, вцепившись крошечной пастью, неизвестно откуда взявшаяся летучая мышь. Было что-то извращенно притягательное в этой легонькой тряпочке, в тесно наморщенной мордочке, похожей на зловещий бархатный *цветочек*» (О. Славникова. 2017), «Потянул легонько, в удилище ударило, мгновенье – и у ног моих на камнях забился темный хариус, весь в сиреневых лепестках, будто *весенний цветок прострел*» (В. Астафьев. Капля), *предметам*: «Шляпчонка на старике – будто опрокинутый на голову *тюльпан*» (В. Шапко. Один день перед поездкой в Бирск), «Прохлада, царившая в студии, тоже способствовала этому сходству ее с операционной, и освещение каких-то современных белых ламп, и лаконичность обстановки:

этот круглый стол в центре просторной комнаты, над которым, как засохшие *хризантемы*, нависали поломанными стеблями микрофоны) (А. Уткин. Крепость сомнения), «Прямо посередине пустого двора зачем-то был воткнут в землю кривой, какой-то увечный лом. Рядом валялась причудливая, как *хризантема*, лопата» (В. Шапко. Время стариков).

Если ранее в составе метафор и сравнений использовались в основном названия цветов, обладающие высоким символическим ореолом, особенно *роза* и *лилия*, то в современной русской прозе наблюдается тенденция к утрате этого ореола, ср. «Скорее, она поражала своей цепкостью, смекалистым взглядом, точным грубоватым словом, какой Поцелуев любил. Программа была для Луши, для ее руководства. Как *роза* в бокале с водкой!» (В. Попов. Будни гарема).

Образы сравнения – названия цветов в современных прозаических текстах регулярно сопровождаются распространителями. Количество этих распространителей по сравнению с предшествующим периодом увеличивается, они становятся более разнообразными и менее клишированными, возрастает их объем, например: «Хозяйка вдова. Все еще свежа, как *вовремя политая роза*. Потеряла мужа. Часы единственная память. С тех пор носит сама» (В. Кузнецов. Часовой), «Тем не менее, голове Антонова теперь частенько становилось холодно и незащитно, ему казалось, будто кто-то сверху дует ему на макушку, точно на *белый, растрепанный, дрожащий одуванчик*» (О. Славникова. Один в зеркале), «Но не успел договорить: откуда ни возмись, девицы с визгом в сауну врываются – наяды, нимфы, блин, купальщицы нагие, *не тронутый покамест увяданием первоцвет*, все школьницы почти» (С. Самсонов. Кислородный предел).

Компаративные тропы, включающие образы цветов, выполняют в современных прозаических текстах различные функции. Основная функция – уже рассмотренная нами функция образной характеристики лица, предмета, явления природы. Кроме того, такие тропы часто реализуют оценочную функцию, при этом оценка чаще всего положительная, например: «Вся такая тихая, скромная! Просто девочка-*ромашка*! А выдержка какая!» (М. Милованов. Рынок тщеславия), «Ты – самый душистый и самый красивый цветок. *Роза, лилия и фиалка* вместе. Дай я тебя поцелую в щечку» (Б. Екимов. Предполагаем жить), «Катя – приятная барышня, такая распахнутая на все пуговицы, в общем, славный *одуванчик*...» (Д. Симонова. Шанкр).

В ряде случаев компаративные конструкции с названиями цветов выполняют интертекстуальную функцию, например: «Со строевыми песнями вообще была беда – или совсем тупые и некрасивые, или бойцы так перевернут мелодию, что взыскательные уши Василия Ивановича вяли, как *хризантемы в романском саду*» (Т. Кибиров. Генерал и его семья).

Итак, несмотря на то, что образы цветов не столь продуктивны в современной прозе по сравнению с некоторыми другими семантическими классами образов сравнения, они образуют значимый фрагмент метафорической картины мира в художественной речи. Метафоры и сравнения с образами цветов развиваются, обогащаются новыми элементами, при этом заметно расширяется круг предметов сравнения. В целом в современной прозе сохраняются традиционные метафорические модели, однако они переосмысливаются и частично меняется их характер. Употребление образов цветов в современных текстах носит преимущественно антропоцентрический характер с акцентом на телесном плане человека, что существенно отличает их от функционирования в предшествующий период. Наблюдается тенденция к снижению образа при их использовании. Компаративные тропы, включающие образы цветов, выступают в современных текстах в функции образной характеристики различных объектов, оценочной функции и – реже – интертекстуальной.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.

Биджиева А.А. Когнитивная флористическая метафора в русской литературе первой половины XIX века (на материале поэтических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 21 с.

Варларо Ф. Фитометафоры в «Колымских рассказах» В. Шаламова и возможности их перевода на итальянский язык // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 7(204). С. 72–78.

Камаль З.А., Чарыкова О.Н. Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 78–80.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: Растения. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.

Кондратьева О.Н. Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9. Филология. Искусствоведение. Вып. 95. С. 124–142.

Кропотухина П.В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35–39.

Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 24 с.

Панкова Т.Н. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира носителей английского языка // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 38–40.

Чарыкова О.Н. Функции фитонимов в современном поэтическом дискурсе // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2010. С. 325–329.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

N.A. Nikolina

*PhD in Philology, Associate Professor,
Professor of the Russian Chair, the Institute of the Russian Language,
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia*

Z.Yu. Petrova

*PhD in Philology, Associate Professor,
Leading Research Scientist,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
Moscow, Russia*

N.A. Fateeva

*PhD in Philology, Doctor,
Leading Research Scientist,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute
Moscow, Russia*

Comparative Constructions with Images of Flowers in Modern Russian Prose

The subject of study are comparative constructions (metaphors and similes) which include the names of flowers. The material for the study is the texts of modern Russian prose, as well as contexts extracted from the Russian National Corpus. The purpose of the paper is to analyze these constructions in comparison with the tropes of the previous period. The images of comparison, the objects of comparison and the bases for comparison of comparative tropes have been considered, their semantic classification is presented. In the course of the study, the following conclusions were drawn: images of flowers are not as productive in modern prose as compared to other semantic classes of images of comparison, such as classes of zoonyms and names of artifacts; at the same time, they form a significant fragment of the metaphorical world image in modern prose. New elements appear in the composition of metaphors and similes with images of flowers, the range of objects of comparison is also expanding. In modern prose, traditional metaphorical models are preserved, but they are rethought and their character is partially changed. The use of flower images in modern texts is predominantly anthropocentric with an emphasis on the human bodily plane, which distinguishes them from functioning in the previous period. Modern prose is characterized by a tendency to lower the image when using the considered comparative tropes. Comparative constructions with images of flowers act in modern texts in various functions: a function of figurative characteristics of various objects, an evaluative function, and, more rarely, an intertextual one.

Key words: comparative construction; metaphor; simile; image of comparison; basis of comparison; flower names; modern Russian prose.

REFERENCES

Balashova L.V. Russian metaphor: past, present, future [Russkaya metafora: prosloe, nastoyashchee, budushchee]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014. 496 p. (in Russian).

Bidzhieva A.A. Cognitive floristic metaphor in Russian literature of the first half of the 19th century (based on poetic texts) [Kognitivnaya floristicheskaya metafora v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka (na material poeticheskikh tekstov)]. Abstract of dissertation ... cand. of Philolog. sciences. Stavropol, 2010. 21 p. (in Russian).

Charykova O.N. Functions of phytonyms in modern poetic discourse [Funktsii fitonimov v sovremennom poeticheskom diskurse]. *Real'nost', yazyksoznanie: mezhdunarodnyy mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Reality, language and consciousness: International interuniversity collection of scientific papers]. Tambov, Derzhavin Tambov State University, 2010, pp. 325–329 (in Russian).

Kamal Z.A., Charykova O.N. The role of phytonyms in the representation of S. Yesenin's world image [Rol' fitonimov v reprezentatsii khudozhestvennoy kartiny mira S. Esenina]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no. 1, pp. 78–80 (in Russian).

Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Yu. Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX–XX centuries Russian literature. [Materialy k slovaryu metaphor i sravneniy russkoy literatury XIX–XX vv.]. Is. 3: Plants. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015. 448 p. (in Russian).

Kondrat'eva O.N. Phytomorphic metaphor as a means of representing the concept «soul» in Russian linguoculture [Fitomorfnyaya metafora kak sredstvo reprezentatsii kontsepta «dusha» v russkoy lingvokul'ture]. *Lingvokulturologiya*, 2015, no. 9. *Filologiya. Iskusstvovedenie*, Is. 95, pp. 124–142 (in Russian).

Kropotukhina P.V. Conceptosphere «The world of plants» as an object of linguistic research [Kontseptosfera «Mir rasteniy» kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2014, no. 6, pp. 35–39 (in Russian).

Musaeva O.I. Floristic metaphor as a fragment of the national world image (based on the Russian and Spanish languages) [Floristicheskaya metafora kak fragment natsional'noy kartiny mira (na material russkogo i ispanskogo yazykov)]. Abstract of dissertation ... cand. of Philolog. sciences. Voronezh, 2005. 24 p. (in Russian).

Pankova T.N. Floristic metaphor as a fragment of the national world image of English speakers [Floristicheskaya metafora kak fragment natsional'noy kartiny mira nositeley angliyskogo yazyka]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2009, no. 1, pp. 38–40 (in Russian).

Varlaro F. Phyto-metaphors in V. Shalamov's «Kolyma stories» and the possibility of their translation into Italian [Fitometafory v «Kolymkskikh rasskazakh» V. Shalamova i vozmozhnosti ikh perevoda na ital'yanskiy yazyk]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 7(204), pp. 72–78 (in Russian).

Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru>.

Ли Л.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 811.581.11

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-59-72

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ И КИТАЙСКОГО «СЛОВАРЯ КАНСИ»

Ключевые слова: сопоставление; толковый словарь; «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; китайский «Словарь Канси»; принцип толкования; принцип расположения слов; иероглиф.

Предметом изучения в представленной работе является сопоставительный анализ толковых словарей русского и китайского языков на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и китайского «Словаря Канси». Цель анализа состоит в выяснении сходства и различия в характере объяснения значения слов и составлении структуры толковых словарей в русской и китайской лексикографической традиции.

Исследование проведено при использовании описательного и сопоставительного метода, опирается на сравнительный анализ структуры и подачи информации в словарной статье исследуемых словарей.

Полученные выводы позволяют отметить сходные черты русского и китайского толкового словаря: 1) при объяснении значения слова оба словаря используют одинаковые (или сходные) способы; 2) структура обоих словарей отражает формально-семантические связи между словами; 3) оба словаря в процессе толкования слов приводят сведения этнографического и лингвокультурологического характера; 4) и русский, и китайский толковый словарь приближаются к словарю комбинированного типа. В работе отмечаются важные различия в структуре алфавитного и иероглифического словаря, в характере предоставляемой словарной информации.

Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением лексикографии русского и китайского языков.

Статья посвящена сопоставлению принципов толкования слов в русской и китайской лексикографии. В качестве материала исследования мы выбрали «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и китайский «Словарь Канси», потому что именно эти наиболее авторитетные словари служат фундаментальным материалом при изучении принципов толкования русских и китайских слов, кроме того, при сопоставительном

рассмотрении обоих словарей, принадлежащих разным культурам и лексикографическим традициям, мы не только убеждаемся в очевидных различиях, но и обнаруживаем поразительные сходства принципов составления словаря и подачи материала.

Задачей нашей работы является сравнение принципов составления толковых словарей русского и китайского языков, сопоставление характера отраженной в словарях информации, принципов ее подачи и др.

Прежде чем описывать особенности толковых словарей в русской и китайской лексикографической традиции, хотелось бы определить тип выбранного словаря: «Толковые словари – типы словарей, в которых толкуются (объясняются) значения слов и фразеологизмов какого-либо языка средствами самого этого языка» [БРЭ]. Итак, главная задача толкового словаря – объяснить значение слова, поэтому для нас будет очень важно выяснить и сопоставить следующие особенности русского и китайского толкового словаря:

- 1) принципы толкования слов в русской и китайской лексикографии;
- 2) объем информации и способ подачи материала в русском и китайском толковом словаре, состав словарных статей.

Четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» вышел в свет в 1863–1866 годах и включал более 200 тысяч слов, которые отражали не только лексику русской письменной речи XIX века, но и лексику живой, разговорной речи, что подчеркнуто в самом названии словаря Даля. Кроме того, для объяснения значений слов и в качестве иллюстрации их контекстного значения словарь В.И. Даля содержит более 30 тысяч пословиц, поговорок, фразеологических оборотов русского языка. В словаре много диалектной лексики, поэтому его можно рассматривать как «областной» словарь, который широко представляет живой русский язык во всех многообразных формах его проявления. Благодаря описанию широкого пласта диалектной лексики, выражений русской разговорной речи словарь В.И. Даля предоставляет бесценный материал для изучения картины мира русского народа, является базой исследований по русской этнографии, занимает почетное место среди источников по истории быта русского народа и в целом русской культуры. Великое значение словаря В.И. Даля, по Д.Н. Ушакову, заключается в направленности этого издания и его просветительском значении: «Составляя свой словарь в пособие для усвоения “утраченного нами духа языка”, Даль хотел дать книгу не только такую, в которой можно лишь справляться, но которую можно и читать» (цит. по: [Никитин, 2014]). Словарь использует алфавитный принцип расположения материала, широко распространенный в европейской и русской лексикографии с XIX века и отвечающий алфавитной системе письма. Объем издания составляет четыре тома.

Выбор данного русского толкового словаря в качестве материала для исследования объясняется тем, что это один из самых первых и авторитетных словарей в русской лексикографии. Академик В.В. Виноградов высоко оценивает словарь В.И. Даля. «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком» [Кузьменко, Ткаченко, 2016, 4].

Второй выбранный для исследования словарь – китайский толковый «Словарь Канси» – был составлен Чжан Юйшу и Чэнь Тинцзин по приказу императора Канси при династии Цин (работа над текстом была начата в 1710 и завершена в 1716 году).

Китайский язык, как известно, использует иероглифическую, а не алфавитную систему письма, поэтому материал в словаре располагается в зависимости от структуры иероглифов.

Иероглифы в данном словаре расположены по ключевой системе (всего 214 ключей), в зависимости от количества черточек в ключах словарь разделен на 12 томов, названных двенадцатью циклическими знаками¹. В данном словаре всего содержится 47 035 иероглифов, поэтому «Словарь Канси» считается самым объемным словарем Китая.

Далее будем подробно рассматривать и сравнивать принципы толкования слов и устройства словарных статей в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и китайском «Словаре Канси».

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. В.И. Даль впервые назвал свой словарь *толковым*, потому что он не только приводит многочисленные синонимы к слову, но и толкует, объясняет особенности значения слов и понятий. Словарь содержит богатейшую информацию о слове, несмотря на то что в данном словаре система стилистических и грамматических помет мало используется, потому что метаязык лексикографического описания еще был разработан недостаточно подробно.

В.И. Даль не считал необходимым давать в словаре строгую научную дефиницию понятию, он писал в «Напутном слове»: «Общие определения слов и самих предметов и понятий дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее... Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело» [Даль, 1980, 11]. Поэтому он объясняет, толкует значение слова с помощью ряда синонимов, сообщая самые разнообразные сведения о предмете, а в качестве иллюстрации контекстного употребления слова приводит пословицы и поговорки русского народа. Именно такой метод, по мнению В.И. Даля, является оптимальным способом толкования слова.

¹ Знаки двенадцатиричного цикла издавна применялись в Китае для летосчисления.

Таким образом, мы можем выделить три главных принципа толкования слов в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

1. Широкое использование объяснения значения слова через синонимы, через сочетания, показывающие контекстное употребление слова.

В качестве примера даем часть словарных статей «меркнуть» и «скорый».

МЕРКНУТЬ, померкнуть или темнеть, терять свет либо блеск, померцаться, тускнеть, тускнеть [Даль, 1881, 327].

СКОРЫЙ, о движении, шибкий, проворный, бойкий, быстрый, прыткий; | о сроке, близкий, наступающий, грядущий; | о действии, спешный, торопкий; немедленный [Даль, 1882, 210].

2. Подача самых разнообразных частных сведений о предмете и явлении.

Проиллюстрируем такой способ толкованием слова «шляпа».

ШЛЯПА ж. мужская головная покрывка, из твердого припаса; кожаная, бумажная, валяная, поярковая, соломенная и пр. Круглая шляпа, с прямою тульей, стопкою, и круглыми полями. Треугольная шляпа, служебная и лакейская. Русские шляпы разн. видов зовутся: кучерская или прямая, ровная; с подхватом; с переломом; шпилек простой или бурлацкая; шпилек московский; шпилек ровный; кашник; верховка; шляпок, ямская; поповская. Есть еще: срезок, похожая на верховку; буфетка, на подхватную и пр. [Даль, 1882, 660].

3. Толкование слова путем указания на многочисленные контекстные употребления, а именно наличие множества русских пословиц, поговорок и фразеологических оборотов (их около 30 000). Этот ценный энциклопедический и этнографический материал, как уже было сказано, составляет яркую особенность толкового словаря Даля, оказывается ключом к сокровищнице национальной русской картины мира. При наиболее употребительных словах В.И. Даль приводит множество пословиц и поговорок, например, в словарной статье «деньги» автор перечислил 60 устойчивых оборотов речи: *Денежка не Бог, а бережет; Деньги не голова: наживное дело* и т.д. [Даль, 1880, 439–440].

Стоит обратить внимание, что в словаре В.И. Даля большинство заглавных слов оказываются знаменательными частями речи – именами существительными, прилагательными и глаголами. При толковании глаголов и прилагательных Даль часто использует синонимы, а для объяснения значения существительных часто приводит разнообразные сведения о предметах и понятиях, их характеристики и т.п.

В словаре В.И. Даля насчитывается более 200 тысяч слов, причем словарные статьи располагаются в алфавитном порядке. В XIX веке алфавитный порядок стал занимать доминирующее положение среди разных принципов расположения слов, но В.И. Далю не совсем нравился такой порядок, потому что он оказывался чисто техническим способом подачи материала и не отражал семантические, словообразовательные и др. связи слов.

Поэтому Даль выбирает не строго алфавитный порядок, а располагает материал по алфавитно-гнездовому принципу: бесприставочные слова одного корня объединяются в общую словарную статью, но сами корни расположены в алфавитном порядке. Такой корнесловный способ, по мнению В.И. Даля, очень хорошо показывает формально-семантическую соотнесенность русских слов, которой лишен алфавитный порядок. Структурные и семантические связи, раскрываемые путем подобной подачи материала, иллюстрируют законы русского словообразования и смыслообразования, раскрывая русскую языковую картину мира.

В качестве примера сошлемся на словарную статью «улыбаться» в словаре В.И. Даля.

Улыба́ться, улы́бнуться, ухмыля́ться, осклабля́ться, усмехаться, церк. улыска́ться новг. умиля́ться; смеяться молча, про себя; показывать выраженьем уст и лица расположенье ко смеху. Она премолю улыбается. Он улыбнулся от удовольствия, растянув рот по уши. Он улыбнулся на всю комнату, расхохотался. Старушки улыбались ей, лъстя; Пушкин. Улыбнись, моя краса, на мою балладу! Жуковский. *Зря, утро улыбается, глядит радостно. *Ему счастье улыбнолось, склонно, везет. Улыбанье ср. улыбка, улыбочка ж. ухмыленье, осклабленье, усмешка. Есть улыбка веселья, улыбка умиленья, улыбка жалости, скорби, насмешки. Набьет и улыбка оскомину. Улыбчивое лицо, человек. Улыба об. кто улыбается; улыба моя, ласковый привет. Улыбнуть кого, калужск. твер. обмануть, надуть, не дать посуленого. Видно тебя улыбнули, только посулили, а не дадут. Вероятно, это вышло от шуточного выраженья: вещь улыбнолась, пропала, нет ее [Даль, 1882, 503].

В словарной статье приводятся следующие сведения о слове:

1) *словарное гнездо*: мы видим однокоренные слова *улыбаться* (его совершенный вид – *улыбнуться*), *улыска́ться* (то же *улыбаться* на церковнославянском), *улыбанье*, *улыбка*, *улыбчивое*, *улыба*, *улыбнуть*. Все слова принадлежат к одному словообразовательному гнезду;

2) *грамматические пометы*: В.И. Даль в своем словаре очень скромно отмечает грамматические описания, для существительных указывает род, для глаголов – видовую пару, управление и некоторые другие характеристики. В примере мы видим род у существительного (*улыбка*, ж.), видовую пару (*улыбаться* – *улыбнуться*), управление (*улыбать* кого);

3) *толкование через синонимы*: *улыбаться* – *ухмыля́ться, осклабля́ться, усмехаться*; *улыбка* – *ухмыленье, осклабленье, усмешка*;

4) *пример контекстного употребления слова*: кроме примеров употребления слова в разговорной речи, включая шуточные выражения, в данной словарной статье В.И. Даль цитирует фразы Пушкина и Жуковского.

Конкретная словарная статья ярко демонстрирует особенности толкования в словаре В.И. Даля: особая система подачи материала – алфавитно-

гнездовая, особые способы толкования слов, дополнительные сведения этнолингвистического и социоллингвистического характера. Именно эти особенности демонстрируют лексикографические приемы В.И. Даля.

Таким образом, принципам толкования в «Толковом словаре живого великорусского языка» свойственны специфические черты, которые позволяют не только понять значения русских слов, но и обнаружить этнографические, социоллингвистические и диалектные особенности объясняемой в словаре лексики.

Толковый словарь В.И. Даля отличается от современных толковых словарей в самих принципах толкования: автор предпочитает избегать дефиниции и объясняет значение путем перечисления синонимов и примерами контекстного употребления слова. Именно эти особенности воплощают лексикографический дискурс В.И. Даля.

Кроме того, по типологии Л.В. Щербы, словарь Даля оказывается словарем, совмещающим разные типы лексикографической информации, то есть словарем композитного типа: это и толковый словарь, и словарь синонимов, и словарь пословиц и поговорок и т.п. [Гак, 2001, 5].

«Словарь Канси» – толковый словарь китайского языка. «Словарь Канси», как и другие толковые китайские словари, опирается на принципы толкования слов, разработанные еще учением 训诂学 [сюньгусюэ] – школой комментирования / толкования древних текстов, основной задачей которой является толкование слов путем анализа иероглифов. Сюньгусюэ сформировалось достаточно давно, и в «Словаре Канси» мы находим приемы толкования слов уже в развитом состоянии.

Стоит отметить, что в древние времена все китайские памятники были зафиксированы на письменности вэньянь², которая сильно отличается от живой разговорной речи байхуа³. Граница между вэньянь и байхуа была очень четкой: вэньянь употреблялся только в письменной речи, этой системе записи были присущи компактная структура и скрытое за формой сложное и глубокое значение, поэтому необходим был специальный комментарий или толкование для точного понимания написанного. Задача словаря в древние времена заключалась именно в толковании значений слов, записанных иероглифами, то есть объяснении иероглифов. С течением времени иероглифы приобретали дополнительные, часто переносные значения, поэтому в «Словаре Канси» составители не только перечисляли значения иероглифов, но и иллюстрировали контекстное употребление слова, приводили цитаты с объясняемым иероглифом в каждом значении, ссылаясь на

² Вэньянь – классический письменный язык, использовавшийся в Китае в основном до начала XX века в литературных произведениях, научных публикациях, официальных документах и для деловой переписки.

³ Байхуа – одна из форм китайского письма, которая оказывается наиболее близкой к разговорной норме китайского языка, образует лексическую и грамматическую основу современного литературного китайского языка.

источники. Толкование значения иероглифа в «Словаре Канси» также написано на вэньянь.

Важно отметить, что в китайских словарях зафиксированы структурно-семантические особенности слов китайского языка и традиция их записи в иероглифике. В словарной статье «Словаре Канси» отражается одна из значительных особенностей китайского слова – полифония (многоголосие) и многозначность иероглифа, то есть у одного иероглифа может быть несколько чтений (произношений), соответственно, и несколько значений.

Словарь фиксирует способ чтения иероглифов: фаньце⁴ (способ чтения иероглифа через прочтение двух других иероглифов) [Яхонтов, 1980, 99] или прочтение путем приведения омонимичного иероглифа (чтение иероглифа через омоним). Кроме того, в словарных статьях указываются источники, зафиксировавшие данное произношение иероглифа (другие словари, художественные или научные тексты).

Например, иероглиф «中» в «Словаре Канси» имеет 5 разных произношений, и для каждого варианта автор приводит исконные значения и перечисляет многочисленные переносные значения. Так, у первого произношения иероглифа «中» имеется 17 значений, у второго – 5, у третьего, четвертого и пятого – по одному значению. Поэтому в китайском языке один иероглиф в словаре может иметь много значений, которые определяются произношением записанного иероглифом слова.

В словарной статье значения многозначного иероглифа перечисляются в хронологическом порядке, что показывает развитие и изменение семантики иероглифов, в качестве примеров контекстного употребления слова приводятся цитаты из разных памятников, которые являются шедеврами древнекитайской литературы и философии. В результате такого толкования значений иероглифов создается величественная панорама китайской языковой картины мира, а «Словарь Канси» выступает как энциклопедия китайской цивилизации и культуры.

«Словарь Канси» широко использует три традиционных приема толкования значения слов, разработанные еще Сюньгусюэ.

1. Самым частотным способом толкования слова является ряд синонимов, то есть значение одного иероглифа объясняется другим иероглифом. Например, иероглиф 执 [чжи] имеет несколько значений: 1) 持 [чи] – *держать*; 2) 处 [чу] – *быть*; 3) 捕 [бу] – *ловить* и т.п. [李, 2014, 377].

⁴ Фаньце – способ чтения иероглифа через прочтение двух других, так называемое разрезание (фаньце 反切): первый знак обозначал слог с той же инициальной, второй – с той же финальной и тоном, что и чтение неизвестного иероглифа. Например, duān ‘прямой’ разрезается иероглифами duō 多 ‘много’ и guān 官 ‘чиновник’: d(uō) + (g)uān = duān.

2. Кроме синонимического способа авторы в словарных статьях широко используют определение значения слова, то есть объяснение значения слова через характеристику понятия [冯, 1997, 23]. В качестве примера также приведем значение иероглифа 执 [чжи]: 父之友曰执友 – друг отца называется чжи [李, 2014, 377].

3. Несколько отличным способом толкования значения является описательный, при котором авторы стараются объяснить смысл слова путем описания. Например, 垂 [чуй] – 自上而下 сверху вниз (спускаться) [李, 2014, 362].

Эти три принципа толкования слов, используемые в «Словаре Канси», также широко применяются в современных толковых словарях китайского языка.

Что касается принципа расположения иероглифов в «Словаре Канси», то он продолжает традицию древнейшей китайской лексикографии, то есть использует порядок расположения по ключам. Иероглифический ключ – это базовый элемент китайской письменности, который обладает особой смысловой значимостью и выступает мотиватором значений, то есть иероглифы с одинаковыми ключами имеют общую сему (элемент значения) или общую формальную принадлежность [Ли, 2022, 179].

В 100 году н.э. Сюй Шэнь впервые систематизировал все китайские иероглифы по ключам, выделив всего 540 ключевых знаков, и составил первый словарь, в котором иероглифы были расположены в ключевом порядке. С того времени ключевая система стала доминирующим принципом в китайской лексикографии в течение почти двадцати веков.

«Словарь Канси» также использует ключевой принцип, но по сравнению со словарем Сюй Шэнь количество ключей в «Словаре Канси» значительно меньше – оно сокращено до 214, порядок расположения ключей также был упрощен – по количеству черточек ключа читатель может легко найти нужный ключ, а дальше – нужный иероглиф. Таким образом, иероглифический принцип расположения материала оказывается общим формальным и семантическим компонентом. Например, иероглифы в «Словаре Канси» группируются по ключам (по форме) и по семантике, которой обладает сам ключ: под ключом «вода – 氵» перечисляют следующие иероглифы: 河 (река), 湖 (озеро), 海 (море), 泪 (слеза), 酒 (алкоголь) и т.д., то есть слова, которые имеют общую сему «вода, жидкость».

Поскольку найти нужное слово в иероглифическом словаре не всегда просто, важной составной частью «Словаря Канси» является словник – перечень иероглифов с указанием номера страницы. В выбранном издании словаря (переиздан в 2014 году) словник составляет 208 страниц.

Дальше проанализируем устройство словарной статьи в «Словаре Канси», в качестве примера приведем иероглиф 創 [чуан].

創 [创]

(一) chuāng 《唐韵》《集韵》《韵会》初良切。《正韵》初莊切。并音疮。

1) 《说文·刀部》：“伤也。本作‘刃’，或作‘创’。”徐曰：“此正刀创字，言刃所伤也。”《汉书·曹参传》：“身被七十创。”2) 《汉书·班固叙传》：“礼义是创。”注：“师古曰：创，始造之。音初良反。”

(二) chuàng 《唐韵》初亮切。疮去声。

1) 始也，造也。《孟子·梁惠王下》：“创业垂统。”2) 伤也。《汉书·匈奴传》：“人民创艾战斗。”3) 愆也。《书·益稷》：“予创若时。”注：“禹自言愆丹朱之恶，不敢慢遊也。”

(三) qiāng 《集韵》千羊切。音锵。

1) 瑒，或作創。瑒瑒，玉聲。2) 《玉篇》：古文“疮”字。《礼记·曲礼》：“头有疮则沐。”余详疒部十画。[李, 2014, 160]

Перевод на русский:

1. Заглавный иероглиф 創 [创] написан в традиционном и упрощенном (в скобках) варианте письма.

Первое чтение данного иероглифа – [chuāng], зафиксировано в словарях «Танъюнь» (словарь рифм VIII века), «Цзи юнь» (словарь рифм 1037 года), «Юнь хуй» (словарь рифм 1292 года), было представлено способом фаньце с помощью двух иероглифов: [чу][лян], а в словаре «Чжэн юнь» (словарь рифм 1375 года) было записано способом фаньце с помощью других двух иероглифов: [чу][чжуан], дальше проводится омонимичный иероглиф: [у]. Стоит обратить внимание на добавленную транскрипцию слова на пиньинь⁵ для удобного чтения, тогда как в древних изданиях такая транскрипция, естественно, отсутствовала.

Прочтение [chuāng] иероглифа 創 имеет два значения: 1) *ранить ножом* (далее автор приводит две цитаты с иероглифом в данном значении); 2) *начать, создать* (аналогично автор приводит цитаты с другим значением).

⁵ Пиньинь – система официальной транскрипции на базе латиницы для записи произношения китайских иероглифов, принятая после реформы орфографии в 1956 году.

Под чтением [chuàng] автор указывает три значения: 1) *начать*; 2) *рассказать*; 3) *наказывать* (данное значение слова иллюстрируется цитатами).

Вариант чтения [qiāng] предлагает два значения данного иероглифа: 1) звукоподражательное слово: *звук удара нефрита*; 2) *чирей* (цитаты, демонстрирующие эти значения).

Итак, в словарной статье мы обнаруживаем следующие сведения о слове (иероглифе):

1) *произношение*: автор не только указывает разные способы чтения иероглифа, но и ссылается на источники. Кроме того, каждое прочтение одного иероглифа оказывается многозначным словом, разные значения одного и того же иероглифа группируются по вариантам произношения (чтения);

2) *толкование значения* слова (иероглифа): составители словаря стараются перечислять все значения иероглифа – исконные и переносные, используя для этого разные способы (синонимичный, определительный и описательный), располагая примеры из текстов в хронологическом порядке;

3) *демонстрация значения* слова путем *контекстного употребления*. Цитаты из разных литературных памятников не только указывают источник иероглифа, но и объясняют его значения, демонстрируя тем самым богатство и своеобразие китайской языковой картины мира.

Таким образом, в «Словаре Канси» также предлагается толкование слова, в частности путем приведения многочисленных синонимов и примеров контекстного употребления, однако с учетом особенностей китайского языка и китайской письменности словарь приводит различные варианты прочтения иероглифов, указывает значение каждого варианта произношения со ссылками на авторитетные источники цитирования. Кроме того, словарь использует традиционный для китайской лексикографии принцип ключевого расположения иероглифов.

Мы проанализировали информацию о слове и принципы составления словарных статей в двух авторитетных толковых словарях русского и китайского языков – «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаре Канси», обнаружили сходство и различия в представлении значения слова в этих словарях.

Сопоставительный анализ особенностей объяснения значения слова в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаре Канси» позволяет сделать следующие выводы.

Несмотря на независимое развитие русской и китайской лексикографической традиции и на различия в языковой системе русского и китайского языков, два толковых словаря демонстрируют очевидное сходство:

1) при объяснении значения слова оба словаря используют одинаковые способы, а именно толкование значения слова через синонимы, описательный способ, примеры контекстного употребления слов (поговорки, пословицы и фразеологизмы, а также цитаты из авторитетных литературных источников);

2) структура обоих словарей отражает формально-семантические связи между словами. Если словарь Даля опирается для этого на алфавитно-гнездовой принцип подачи слов, то в «Словаре Канси» такую соотнесенность слов осуществляет ключевая система;

3) в словаре В.И. Даля встречается не так много грамматических помет, поскольку система описания грамматической семантики слов не была еще в то время достаточно разработана, в китайском словаре также почти не содержится информации о грамматических характеристиках толкуемых слов;

4) оба словаря в процессе толкования слов приводят сведения этнографического и лингвокультурологического характера, что позволяет говорить о возможности опираться на эти словари при описании русской и китайской языковой картины мира;

5) и русский, и китайский толковые словари приближаются к словарю комбинированного типа: помимо объяснения значений слов приводятся синонимы, пословицы, поговорки и крылатые выражения и т.п.

Однако типологические различия слов русского и китайского языков предопределили особенности составления русских и китайских толковых словарей.

Структура словарей сильно различается, поскольку для русского языка самым удобным оказался алфавитный принцип расположения слов, а китайский словарь продолжает традиционную для китайской лексикографии ключевую систему.

Словарная статья русского толкового словаря включает однокоренные слова, демонстрирующие словообразовательное гнездо. А словарная статья китайского словаря обязательно описывает варианты произношения иероглифа, кроме того, из-за широко развитой омонимии в китайском языке для каждого прочтения иероглифа необходимо указывать множество его значений.

В словаре В.И. Даля широко представлена разговорная, диалектная лексика, в качестве иллюстраций употребления слов автор приводит пословицы и поговорки, а «Словарь Канси», продолжая книжную традицию китайской лексикографии, ориентирован на письменные авторитетные для китайской культуры тексты.

Итак, сопоставление словарей разного типа позволяет не только выявить типологические особенности русского и китайского языков, представленные в словарях, но и подчеркнуть своеобразие лексикографической традиции, сформированной в рамках различных лингвистических школ.

ЛИТЕРАТУРА

Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

Гак В.Г. Словарь В.И. Даля в свете типологии словарей // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 3–11.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Гостиный двор, № 17 и 18; М.: Кузнецкий мост, д. Третьякова, 1880–1882. В 4 т.

Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б. Становление лексикографии в отечественном языкознании // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2-1. С. 166–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-leksikografii-v-otechestvennom-yazykoznanii> (дата обращения: 12.12.2022).

Кузьменко Т.Н., Ткаченко Н.А. Хранитель великорусского языка: к 215-летию со дня рождения В.И. Даля. Ставрополь, 2016. 48 с.

Ли Л. Сопоставительный анализ исторических словарей в русской и китайской лексикографической традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 175–182.

Никитин О.В. Владимир Даль: «Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит». 2014. URL: <https://omiliya.org/article/dal-kto-na-kakom-yazike-dumaet-k-tomu-narodu-prinadlezhit> (дата обращения: 12.01.2023).

Сичинава Д. 20 вещей, которые надо знать о словаре Даля. URL: <https://arzamas.academy/materials/1100> (дата обращения: 08.11.2022).

Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: УРСС, 2009. 312 с.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 265–304. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm> (дата обращения: 12.12.2022).

Яхонтов С.Е. История языкознания в Китае (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 92–109.

冯志伟. 现代术语学引论, 北京: 语文出版社, 1997.

李伯钦, 任德山. 现代插图版康熙字典, 北京: 九州出版社, 2014.2.

邱晓琴. 意义理论对词典释义的启示 // 福建省外国语文学会2012年会论文集, 2012.

孙娜. 语文词典释义方式探析. 黑龙江大学, 2014.

徐世荣. 一字多音的产生、发展及其原因—《多音字汇览》序[J]. 语言教学与研究, 1988.

徐时仪. 汉语语文辞书发展史, 上海: 上海辞书出版社, 2016.03: 384-388.

张志毅, 张庆云. 现代语文辞书的整体观 // 中国语文, 1999, 第4期.

Li Ling

*Postgraduate Student,
Department of General and Comparative History Linguistics,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Comparative Analysis of the «Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language» by V.I. Dahl and the Chinese «Kangxi Dictionary»

The subject of study in the presented work is a comparative analysis of explanatory dictionaries of Russian and Chinese languages based on the material of the «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» by V.I. Dahl and the Chinese «Kangxi Dictionary». The purpose of the analysis is to clarify the similarities and differences in the nature of the explanation of the meaning of words and to compile the structure of explanatory dictionaries in the Russian and Chinese lexicographic tradition.

The study was conducted using a descriptive and comparative method, based on a comparative analysis of the structure and presentation of information in the dictionary entry of the dictionaries under study.

The obtained conclusions allow us to note the similarities between the Russian and Chinese explanatory dictionary: 1) when explaining the meaning of a word, both dictionaries use the same (or similar) methods; 2) the structure of both dictionaries reflects the formal semantic connections between words; 3) both dictionaries in the process of interpreting words provide information of an ethnographic and linguocultural nature; 4) both Russian and Chinese explanatory dictionaries approach a dictionary of a combined type. The paper notes important differences in the structure of the alphabetic and hieroglyphic dictionary, in the nature of the dictionary information provided.

The results of the research conducted in this article can be used in research and teaching activities related to the study of the lexicography of the Russian and Chinese languages.

Key words: comparison; explanatory dictionary; «Explanatory dictionary of the living Great Russian language» by V.I. Dahl; Chinese «Kangxi Dictionary»; principle of interpretation; principle of word arrangement; hieroglyph.

REFERENCES

Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language [Tolkoviĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka]. St. Petersburg: Gostiny Dvor, no. 17 and 18; Moscow: Kuznetsky Bridge, D. Tretyakov, 1880–1882. In 4 vol. (in Russian).

Dubovsky Yu.A., Zagraevskaya T.B. The formation of lexicography in Russian linguistics [Stanovlenie leksikografii v otechestvennom iazykoznanii]. *Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, no 2-1, pp. 166–171. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-leksikografii-v-otechestvennom-azykoznanii> (accessed on December 12, 2022) (in Russian).

Feng Zhiwei. Introduction to Modern Terminology [Xian'dai shu'yu'xue yin'lun]. Beijing: Chinese Press, 1997 (in Chinese).

Gak V.G. Dictionary of V.I. Dahl in the light of the typology of dictionaries [Slovar' V.I. Dalia v svete tipologii slovarei]. *Questions of linguistics*, 2001, no. 3, pp. 3–11 (in Russian).

Kuzmenko T.N., Tkachenko N.A. Keeper of the Great Russian language: to the 215th anniversary of the birth of V.I. Dahl. [Khranitel' velikorusskogo iazyka: k 215-letiiu so dnia rozhdeniia V.I. Dalia]. Stavropol, 2016. 48 p. (in Russian).

Li Burchin, Ren Deshan. Modern Illustrated Kangxi Dictionary [Xian'dai cha'tu'ban Kangxi zi'dian]. Beijing: Kyushu Publishing House, 2014 (in Chinese).

Li L. Comparative analysis of historical dictionaries in the Russian and Chinese lexicographic tradition [Sopostavitel'nyi analiz istoricheskikh slovarei v russkoi i kitaiskoi leksikograficheskoi traditsii]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2022, no. 4, pp. 175–182 (in Russian).

Nikitin O.V. Vladimir Dal: «Who thinks in what language, belongs to that people» [Vladimir Dal': «Kto na kakom iazyke dumaet, tot k tomu narodu i prinadlezhit»]. 2014. Available at: <https://omiliya.org/article/dal-kto-na-kakom-yazike-dumaet-k-tomu-narodu-prinadlezhit> (accessed on January 12, 2023) (in Russian).

Qiu Xiaoqin. The Implications of Meaning Theory on Dictionary Interpretation [Yi'yi li'lun dui ci'dian shi'yi de qi'shi]. Proceedings of the Fujian Foreign Language Association 2012 Annual Conference, 2012 (in Chinese).

Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. [Leksikologiya sovremennogo russkogo iazyka]. Moscow: URSS. 2009. 312 p. (in Russian).

Shcherba L.V. Experience of the general theory of lexicography [Opyt obshchei teorii leksikografii]. *Language system and speech activity*. Moscow: Nauka, 1974, pp. 265–304 Available at: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba9.htm> (accessed on December 12, 2022) (in Russian).

Sichinava D. 20 things to know about Dahl's dictionary [20 veshchei, kotorye nado znat' o slovare Dalia]. Available at: <https://arzas.academy/materials/1100> (accessed on November 8, 2022) (in Russian).

Sun Na. An Analysis of the way of Chinese Dictionary Interpretation [Yu'wen ci'dian shi'yi fang'shi tan'xi]. Heilongjiang University, 2014. (in Chinese).

Xu Shirong. The Emergence, Development and Causes of monosyllabic Polyphonic. [Yi'zi duo'yin de chan'sheng, fa'zhan ji'qi yuan'jin]. Language Teaching and Research, 1988 (in Chinese).

Xu Shiyi. History of Chinese Dictionaries. [Han'yu yu'wen ci'shu fa'zhan'shi]. Shanghai: Shanghai Dictionaries Publishing House, 2016.03: 384–388 (in Chinese).

Yakhontov S. E. History of linguistics in China (I thousand BC – I thousand AD). [Istoriia iazykoznaniiia v Kitae (I tys. do n. e. – I tys. n. e.)]. *History of linguistic teachings*. The Ancient World. L.: Science, Leningrad branch, 1980, pp. 92–109 (in Russian).

Zhang Zhiyi, Zhang Qingyun. A holistic View of Modern Chinese Dictionaries. [Xian'dai yu'wen ci'shu de zheng'ti'guan]. Chinese Language, 1999, no. 4 (in Chinese).

The Great Russian Encyclopedia [Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia]. Available at: <https://old.bigenc.ru/> (in Russian).

Т.И. Воронцова

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия*

А.А. Воронцова

*Потсдамский университет
Потсдам, Германия*

УДК 802.0-56

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-73-83

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ КАТЕГОРИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *эвиденциальность; эвиденциальная стратегия; эпистемическая операция; модальность; дейктический феномен; семантическая категория; морфологический маркер; модальное значение; эмпирическое исследование; дискурсивные традиции.*

В статье рассматривается проблема взаимосвязи и взаимодействия таких лингвистических явлений, как категории эвиденциальности и эпистемической модальности. Авторы используют описательный, а также сравнительно-сопоставительный методы исследования. Категории эвиденциальности и эпистемической модальности активно изучаются российскими и зарубежными лингвистами. Одно из первых определений эвиденциальности как грамматической категории принадлежит Р.О. Якобсону. Многие российские и зарубежные ученые активно изучают специфику функционирования этих категорий в различных языках, формы ее презентации. Несмотря на существование различных подходов к проблеме корреляции категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, очевидно, что существует тесная связь между рассматриваемыми категориями и их не следует изучать в отрыве друг от друга в качестве самостоятельных языковых явлений.

Текст всегда создается с определенной целью – проинформировать, убедить или развлечь читателя. Одной из основных функций текста является передача информации, которая может исходить из разных источников. Она может быть получена из наблюдений говорящего, из выводов, сделанных им, или сообщена говорящему одним или несколькими людьми. Лингвистическая идентификация источника информации автором текста называется эвиденциальностью.

Исследования категории эвиденциальности занимают ученых в течение последних двадцати пяти лет. За это время появилось множество научных работ, в которых явление рассматривалось с различных точек зрения. К наиболее важным ранним исследованиям, посвященным эвиденциальности, относятся

работы таких авторов, как Ф. де Хаан, Т. Уиллет, Т. Гивон, Дж. Ньюитс, Ф.Р. Палмер, А.Ю. Айхенвальд.

Изначально концепция категории эвиденциальности была сформулирована применительно к неевропейским языкам Южной Америки после того, как в некоторых из них были обнаружены определенные морфемы, используемые для идентификации источника информации. В таких языках, как кечуа (язык индейского народа Южной Америки) и аймара (язык народа, живущего в Андах), категория эвиденциальности имеет хорошо развитую систему морфологических маркеров [Aikhenvald, 2014; Plungian, 2001]. В то же время существуют и другие определения эвиденциальности, сформулированные применительно к европейским языкам, в которых в большинстве случаев отсутствуют грамматические формы данной категории.

Исследования эвиденциальности начались с интереса лингвистов к языкам с морфологическими эвиденциалами. Термин «*evidently*» впервые был упомянут Ф. Боасом в справочнике «*Handbook of American Indian Languages*» [Voas, 1911, 43]. Автор описывает источник информации, выраженной глаголом, на примере языка квакиутль. После работы Ф. Боаса дальнейшие исследования эвиденциальности в американских языках были проведены Е. Сапиром, М. Сводешем, Д.Д. Ли и другими.

Эвиденциальность как грамматическая категория получила широкую известность благодаря работе Р.О. Якобсона 1957 года «*Shifters, verbal categories and the Russian verb*». В данном исследовании категорий глаголов в русском языке, в смысловом содержании которых есть отсылка к источнику, термин «эвиденциальность» употребляется впервые. Явления, описываемые автором как «рассказанные события», классифицируются по способу передачи события: говорящий сообщает о событии на основании чужого сообщения, догадки или собственного предыдущего опыта [Jakobson, 1971, 135]. Одно из первых определений эвиденциальности принадлежит Р.О. Якобсону. Он представил его в своей уже упомянутой работе «*Shifters, verbal categories and the Russian verb*»: «*Evidential is a tentative label for the verbal category which takes into account three events – a narrated event (En), a speech event (Es) and a narrated speech event (Ens), namely the alleged source of information about the narrated event. The speaker reports an event on the basis of someone else’s report (quotative, i.e. hearsay evidence), of a dream (revelative evidence), of a guess (presumptive evidence) or of his own previous experience (memory evidence)*» [Jakobson, 1971, 135].

В 1982 году Т. Гивон опубликовал свое эссе «*Evidentiality and epistemic space*», в котором эвиденциальность объяснялась как основа каждой эпистемической операции. Автор различает эвиденциальную силу, эвиденциальный источник и эвиденциальное обоснование. Согласно Т. Гивону, с помощью эвиденциальных маркеров отмечаются только те факты, которые сам говорящий считает истинными. Если утверждения имеют характер

гипотез, то эвиденциальная маркировка невозможна [Givón, 1982]. Автор рассмотрел категорию эвиденциальности на примере трех неродственных языков: киньяруанда, шерпа и юте.

Работа Л. Андерсона 1986 года, посвященная изучению «эвиденциалов», имеет большое значение в исследовании эвиденциальности. Под «эвиденциалами» он подразумевает морфосинтаксические элементы, которые указывают на природу знания в утверждении говорящего [Anderson, 1986, 273]. Определение Л. Андерсона больше касается эвиденциальных форм выражения, чем эвиденциальности как семантической категории. В своей работе автор отличает подлинные эвиденциалы от других форм выражения, таких как модальные глаголы, перфект в английском языке [Anderson, 1986, 277].

Т. Уиллет в 1988 году дает следующее определение эвиденциальности: «Evidentiality is the linguistic means of indicating how the speaker obtained the information on which s/he bases an assertion» [Willett, 1988, 55]. Й. Ауэра и В.А. Плунгян определяют эвиденциальность следующим образом: «Evidentiality concerns the indication of the source or kind of evidence speakers have for their statements» [Auwera, Plungian, 1998, 85]. По мнению А.Ю. Айхенвальд, понятие «эвиденциальность» означает «grammatical category that has source of information as its primary meaning» [Aikhenvald, 2006, 320]. На основании приведенных выше определений разных языковедов можно констатировать, что в научной литературе существует консенсус в отношении того, что с помощью эвиденциальных маркеров указываются источники утверждений или предположений говорящего.

Важной и часто цитируемой работой в исследовательской литературе по эвиденциальности является монография А.Ю. Айхенвальд «Эвиденциальность», опубликованная в 2004 году. В этой монографии изучение эвиденциальности осуществляется на материале более чем 500 языков. А.Ю. Айхенвальд использует термин «эвиденциальное выражение» для всех лингвистических реализаций эвиденциальности, которые подразделяются на эвиденциалы и эвиденциальные стратегии. К первой группе относятся грамматизированные маркеры эвиденциальности, а под стратегией эвиденциальности А.Ю. Айхенвальд понимает категории и формы, приобретающие вторичные значения, так или иначе связанные с источником информации. А.Ю. Айхенвальд сосредотачивается на выражениях эвиденциальности в разных языках, но в значительной степени игнорирует те, которые имеют не полностью грамматизированную эвиденциальную систему [Aikhenvald, 2004, 105].

Позднее эта радикальная позиция была оспорена группой лингвистов, критикующих ограничение семантической области грамматическими средствами выражения и утверждающих, что сюда также должны быть включены лексические средства с эвиденциальной функцией. В 2010 году Г. Дивальд и Е. Смирнова поставили перед собой цель показать, что различ-

ные лексикализованные системы с такой функцией существуют и в европейских языках без грамматикализованных средств выражения эвиденциальности [Diewald, Smirnova, 2010].

Используя эмпирические исследования, Б. Вимер дает обзор выражений репортативной эвиденциальности в европейских языках. Он рассматривает выражения, свидетельствующие о том, что говорящий основывается на высказываниях третьих лиц. Автор относит сюда все элементы с этой функцией – от связанных морфем до лексических единиц и конструкций. Приравнивая грамматикализацию к лексикализации, автор занимает позицию, противоположную точке зрения А.Ю. Айхенвальд, отмечая, что одно не исключает другого и что их отношения следует рассматривать как отношение целостной единицы к составляющим более крупного синтаксического формата [Wiemer, 2008, 65].

П. Дендейл и Л. Тасмовски исследовали феномен доказательности во французском языке. В своей работе они различают эвиденциальность в узком и широком смысле. Под эвиденциальностью в узком смысле авторы понимают маркирование происхождения знания говорящего, в широком смысле – источник и достоверность знания говорящего, а также включают области эпистемической модальности [Dendale, Tasmowski, 2001, 342]. Дж. Фичи, Г. Хасслер, Г. Фолькманн участвуют в исследованиях эвиденциальности в романских языках.

Работа Г. Хасслер «Temporalität, Aspektualität und Modalität in romanischen Sprachen» посвящена связи между тремя категориями – времени, вида и модуса, аспектуальными средствами выражения в романских языках. В работе также представлены результаты выполненного автором недавнего исследования функциональной структуры категорий аспектуальности, модальности и эвиденциальности в романских языках, которые ранее не были представлены в последовательном виде. Г. Хасслер рассматривает грамматические категории времени, вида и модальности и их семантические характеристики как ономаσιологическую отправную точку и относит эти и другие языковые средства с аналогичными функциями к семантическим категориям темпоральности, аспектуальности и модальности. Она отмечает, что такой подход ограничивается реализацией временных, аспектуальных и модальных маркировок в предложениях и высказываниях и не является функциональным в смысле изучения коммуникативных намерений говорящих [Haßler, 2016, 5]. Часть работы посвящена исследованию эвиденциальности в романских языках. Автор рассматривает эвиденциальность как дейктическое явление, анализирует архитектуру эвиденциальности в романских языках и в немецком языке. При анализе аспектуальности и эвиденциальности Г. Хасслер обращается к теории функционально-семантических категорий, которая была разработана русским лингвистом А.В. Бондарко в 1987 году в его работе «Теория функциональной грамматики» и впоследствии использовалась многими лингвистами в сравнительном языковом анализе.

Среди лингвистов, изучавших эвиденциальность в русском языке, можно отметить Н. Козинцеву, Е.В. Падучеву, А.Б. Летучего, В.А. Плуныяна и др. В научной литературе можно найти ряд исследований лексических маркеров эвиденциальности, основанных на конфронтационных работах в рамках славянских языков, включая, например, работу А. Чапиги, анализирующую дискурсивные маркеры русского и польского языков, или работы М. Краузе, в которых было представлено сравнение русских и боснийско-хорватско-сербских эпистемических ярлыков. К. Яник провел систематическое исследование маркеров эвиденциальности с точки зрения дискурсивных традиций. В работе конфронтационно проанализированы русские и немецкие исторические очерки и автор задается вопросом, в какой мере эпистемические позиции и источники, на которые он опирается, выражены в этих текстах эксплицитно.

Эвиденциальность также изучали следующие немецкие лингвисты: Х. Фатер, Г. Ольшлегер, А. Сока, Г. Дивальд, Е. Смирнова и многие другие. Исследование «Evidentiality in German: Linguistic Realization and Regularities in Grammaticalization» [Diewald, Smirnova, 2010] содержит систематическое описание кодирования эвиденциальности в современном немецком языке, а также диахроническую реконструкцию соответствующих источников грамматикализации со времен древневерхнемецкого языка. В антологии Г. Дивальд и Е. Смирновой, состоящей из восьми статей, показано, что грамматикализация представляет собой постепенный процесс. Они заявляют, что эвиденциальность следует рассматривать как семантико-функциональную область, которая может быть реализована с помощью различных лингвистических средств и поэтому не должна ограничиваться грамматикализированными маркерами [Diewald, Smirnova, 2010, 12].

Во внутренней структуре категории эвиденциальности, опираясь на исследования в разных языках, можно выделить два основных вида: прямую и косвенную эвиденциальность. Можно сказать, что это различие касается природы происхождения знания говорящего. Прямая эвиденциальность возникает, когда говорящий лично засвидетельствовал источник информации, используя доказательства, полученные посредством чувственных восприятий – визуальных, аудитивных и др. [Willet, 1988; Aikhenvald, 2004].

«Я своими глазами видел, как какая-то неопрятная девушка подливала из ведра в ваш громадный самовар сырую воду, а чай, между тем, продолжали разливать. Нет, милейший, так невозможно! – Я извиняюсь, – заговорил ошеломленный этим внезапным нападением Андрей Фокич, – я не по этому делу, и осетрина здесь ни при чем. – То есть как это ни при чем, если она испорчена!» (Булгаков М.А. Мастер и Маргарита).

Косвенные формы эвиденциальности предполагают, что источник информации не может быть засвидетельствован непосредственно говорящим, но исходит из вербального общения или вывода, то есть является результатом его ментальной деятельности.

«– Да уж я знаю, что вы пересмешиница. – Откуда это вы взяли? – Да все говорят, – сказал Саша. – Скажите, сплетник какой! – притворно строго сказала Людмила. Саша покраснел» (Сологуб Ф.К. Мелкий бес).

При этом такие ученые, как Л. Андерсон, Т. Уиллет, Ф. де Хаан, В.А. Плунгян и др., выделяют пересказательный тип (reported, mediated) и инференциальность (inferring, reflected).

В своей статье в 1986 году Л. Андерсон первым упомянул несколько форм эвиденциальности, выделяя прямую эвиденциальность, а также наблюдение, умозаключение и вывод, сделанный на основе логики и других фактов [Anderson, 1986, 274]. Т. Уиллет позже разделяет базовую дихотомию эвиденциальности на прямую и косвенную, в зависимости от того, является источник информации первичным или вторичным. Косвенная эвиденциальность делится на сообщаемую эвиденциальность, которая базируется на вербальном сообщении, и инферентную эвиденциальность, выводимую из косвенных данных. В случае сообщаемой подкатегории существует еще одно различие между информацией из вторых или третьих рук и народной мудростью, передаваемой устно (фольклор). В инферентной категории автор различает причины, которые можно считывать из воспринимаемых переживаний (результаты), и чисто ментальные структуры (рассуждения). Классификация, сделанная Т. Уиллетом, позже использовалась лингвистами в их исследованиях эвиденциальности в разных языках. Некоторые авторы также предложили дальнейшие модификации классификации, например В.А. Плунгян. Он отмечает, что деление на прямые и косвенные доказательства применимо не ко всем языкам, и предлагает модификацию классификации, лучше отражающую типологические различия эвиденциальной системы. В конечном счете, однако, его представление возможных систем эвиденциальных маркеров содержит виды, предложенные Т. Уиллетом. Автор выделяет следующие три типа источника информации:

- прямая информация: прямое восприятие посредством визуального, сенсорного ввода;
- косвенная информация: вывод через интерпретацию признаков, логическая дедукция;
- опосредованная информация: цитируемое свидетельство, отчеты других лиц, общий фонд знаний;
- непосредственная информация: прямой доступ к фактам [Plungian, 2001, 353].

Несмотря на терминологические различия в специальной литературе, структуры категории эвиденциальности, установленные разными авторами, в основном совпадают: помимо подразделения на прямую / косвенную эвиденциальность, выделяются также засвидетельствованные /

прямые / сенсорные (*attested / direct / sensory*), сообщаемые / опосредованные / цитируемые (*reported / mediated / quotative*) и инференциальные / пересказательные (*inferential / reflected*) подтипы.

С увеличением количества новых исследований в области эвиденциальности развиваются новые подходы, в дискуссиях ученых формируются различные точки зрения. Один из спорных вопросов – отграничение категории эвиденциальности от родственных явлений, особенно от категории эпистемической модальности. Их корреляция привела к развитию диаметрально противоположных концепций. Некоторые исследователи предполагают, что эти две категории независимы друг от друга, другие утверждают, что инференция является областью пересечения двух категорий, согласно третьей точки зрения, эвиденциальность считается подкатегорией эпистемической модальности.

Эвиденциальность и эпистемическая модальность рассматриваются также как два отдельных феномена. При этом средства выражения эвиденциальности выступают в роли языковых маркеров, указывающих на источник информации или тип полученных данных. Сторонниками данной точки зрения являются Ф. де Хаан, Г. Лазард, А.Ю. Айхенвальд, Г. Хасслер, М. Сквартини и другие. Ф. де Хаан выступает за разграничение двух категорий и говорит о том, что эпистемическая модальность позволяет говорящему выразить оценку высказываемой информации и на основе этой оценки присваивает высказыванию говорящего меру достоверности, в то время как посредством эвиденциальности говорящий указывает на источник информации, не давая при этом оценки [de Haan, 1997, 4]. А.Ю. Айхенвальд также понимает под эвиденциальностью самостоятельную категорию «*a category in its own right*» [Aikhenvald, 2003] и считает, что она служит прежде всего для указания на источник информации и не имеет никакого прямого отношения к достоверности утверждения [Aikhenvald, 2006, 320].

Согласно другой теории, категории эвиденциальности и эпистемической модальности имеют область пересечения. Эвиденциальность указывает на тип источника информации, а эпистемическая модальность отражает степень уверенности говорящего в достоверности высказывания. Некоторые лингвисты считают, что именно источник информации во многих случаях оказывает прямое влияние на уверенность говорящего. При такой трактовке можно сделать вывод, что эвиденциальность и эпистемическая модальность имеют точки соприкосновения и в определенных ситуациях могут накладываться друг на друга. Данной точки зрения придерживаются такие ученые, как Т. Уиллет, Дж. ван дер Аувера и В.А. Плунгян, И. Мушин [Mushin, 2001a; 2001b], Дж. Ньюйтс [Nuyts, 2001].

Области пересечения в основном касаются эпистемической модальности и косвенной эвиденциальности, и в частности области инференциальности. По мнению Дж. ван дер Аувера и В.А. Плунгяна, инференциальное

прочтение сводится к эпистемической модальности, точнее к эпистемической необходимости, в случае обеих категорий мы имеем дело с достоверностью суждения относительно других суждений. Именно поэтому для перевода на английский язык маркеров инференциальной эвиденциальности зачастую используется глагол *must*, имеющий эпистемическую окраску.

Подобная связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью была отмечена Ф.Р. Палмером в 2001 году. Автор выделяет типологическую категорию дедуктивности – «*the only possible conclusion*» [Palmer, 2001, 29], которая проявляется как в эпистемической, так и в эвиденциальной системе. В.А. Плуниан считает, что эвиденциальные и модальные значения пересекаются в эпистемической модальности, в значении оценки вероятности какой-либо ситуации. Сам факт возникновения вопроса о вероятности указывает на то, что говорящий не имеет непосредственного знания о происшествии; эпистемический маркер содержит больше эвиденциальных свойств, когда указан источник гипотезы говорящего. Автор видит отношения между эвиденциальностью и эпистемичностью следующим образом: в то время как эпистемический маркер всегда тесно связан с эвиденциальным значением, не всегда имеет место обратное, то есть не все эвиденциальные маркеры обязательно подразумевают эпистемическое суждение [Plungian, 2001, 354].

Эвиденциальность рассматривается как подобласть эпистемической модальности. С этой точки зрения средства выражения эвиденциальности рассматриваются как маркеры, которые указывают на тип информации через призму степени ее надежности, вероятности или достоверности. В первом издании своей монографии «*Mood and Modality*» 1986 года Ф.Р. Палмер предположил, что эпистемическая модальность включает в себя как эвиденциальность, так и суждения о необходимости и возможности. Однако позже, во втором издании 2001 года, автор отходит от этой позиции и противопоставляет эпистемическую модальность и эвиденциальность как две подкатегории пропозициональной модальности. Дж. Ньюйтс, изучавший эпистемическую модальность в английском, голландском и немецком языках [Nuyts, 2001], выделяет ряд факторов, побуждающих говорящего сделать эпистемически модальное высказывание: дискурсивную функциональность, эвиденциальность и перформативность. Он также понимает эвиденциальность как часть категории эпистемической модальности (цит. по: [Volkmann, 2005, 92]). Сторонниками данного подхода являются О. Кобрин, Дж. Байби, Т. Уиллет, Э. Инфантидоу, Л. Мэттьюсон, Э. МакКриди, Н. Огата, Т. Петерсон и другие.

Мы представили краткий обзор иногда противоречивых взглядов в научной литературе на отношения между эвиденциальностью и эпистемической модальностью. Кроме того, мы хотели бы рассмотреть еще одно явление, которое также имеет отношение к теме. Этот подход, определяющий эвиденциальность как дейктический феномен, упоминался в предыдущих исследованиях и снова привлек внимание ученых несколько лет назад.

В работе «Temporalität, Aspektualität und Modalität in romanischen Sprachen» Г. Хаслер указывает, что эвиденциальность тесно связана со ссылкой на источник информации, с одной стороны, и эпистемической позицией говорящего – с другой. В этом контексте, по мнению ученого, представляется оправданным рассматривать эвиденциальность как дейктическое явление, поскольку маркеры эвиденциальности относятся к элементам внеязыкового контекста, а именно к источнику информации и к говорящему, имеющему к ней доступ [Haßler, 2008, 362].

В научной литературе в ряде работ упоминается дейктический характер эвиденциальности (Р.О. Якобсон, А. Шлищтер, Г. Фолькманн, Г. Хаслер, Г. Дивальд и Е. Смирнова). По мнению Хаслер, признание дейктического характера эвиденциальности и описание ее как дейктического явления помогает определить место эвиденциальности в языке и провести различие между эпистемической модальностью и эвиденциальностью. Автор отмечает, что дейксис предполагает перспективу с точки зрения говорящего, которую слушатель должен переинтерпретировать, исходя из своей дискурсивной позиции [Haßler, 2008, 363].

Несмотря на существование различных подходов к проблеме корреляции категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, большое количество исследователей сходятся во мнении о том, что существует тесная взаимосвязь рассматриваемых категорий и их не следует изучать в отрыве друг от друга в качестве самостоятельных языковых категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Aikhenvald A.Y. Evidentiality in Grammar // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier, 2006.
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality in typological perspective // Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2003.
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald Alexandra Y. & Dixon R.M.W. *The Grammar of Knowledge. A Cross-Linguistic Typology. Explorations in Linguistic Typology 7*. Oxford: Oxford University Press. 2014.
- Anderson L. Evidentials, path of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries // Chafe W., Nicols J. (eds.). *Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood: Ablex, 1986.
- Auwers J. van der, Plungian V. Modality's semantic map // *Linguistic Typology*. 1998. 2. P. 79–124.
- Boas F. *Kwakiutl. Handbook of American Indian Languages*. Washington: Government Printing Office, 1911.
- Dendale P., Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions // *Journal of Pragmatics*. 2001. 33.
- Diewald G., Smirnova E. *Evidentiality in German: Linguistic realization and regularities in grammaticalization*. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010.
- Givón T. *Evidentiality and epistemic space // Studies in Language*. 1982. 6.
- Haan F. de. *The Interaction of Modality and Negation. A Typological Study*. New York, London: Garland, 1997.

Haßler G. History of Linguistics 2008. Selected papers from the eleventh International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XI), 28 August – 2 September 2008, Potsdam, 2008.

Haßler G. Temporalität, Aspektualität und Modalität in romanischen Sprachen. Berlin / Boston: De Gruyter, 2016.

Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb // Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. P. 130–147.

Mushin I. Evidentiality and Deixis in Narrative Retelling // Journal of Pragmatics. 2001. 32.

Mushin I. Evidentiality and Epistemological Stance: Narrative Retelling. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2001.

Nuyts J. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions // Journal of Pragmatics. 2001. 33. P. 383–400.

Palmer Frank R. Mood and modality. Cambridge, 2001.

Plungian V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of Pragmatics. 2001. 33.

Völkman G. Weltsicht und Sprache: Epistemische Relativierung am Beispiel des Spanischen. Tübingen: Narr, 2005.

Wiener B. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // Wiener B., Plungian V.A. (Hgg.). Lexikalische Evidenzialitätsmarker im Slavischen. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband. 2008. 72.

Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // Studies in Language. 1988. 12.

T.I. Vorontsova

*PhD of Philology, Doctor, Honored Professor,
Herzen Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia*

A.A. Vorontsova

*Postgraduate,
Potsdam University
Potsdam, Germany*

To the Question of Correlation between the Categories of Evidentiality and Epistemological Modality

The article deals with the problem of interconnection and interaction of such linguistic phenomena as the categories of evidentiality and epistemic modality. In the article descriptive and comparative methods of the analysis are used. The categories of evidentiality and epistemic modality are intensively studied by Russian and foreign scientists. One of the first definitions of evidentiality belongs to a famous scientist R. Jakobson. Many Russian and foreign scientists study peculiarities of functioning of these categories in different languages, the forms of their presentation. There are many strategies of investigating the problem of correlation of the categories of evidentiality and epistemic modality and we came to the conclusion that these categories are so closely connected with each other that they shouldn't be studied as separate linguistic phenomena.

Key words: *evidentiality; evidential strategy; epistemological operation; empirical research; modality; deictic phenomenon; semantic category; morphological marker; modal meaning; empirical investigation; discourse traditions.*

REFERENCES

- Aikhenvald A.Y. & Dixon R.M.W. The Grammar of Knowledge. A Cross-Linguistic Typology. Explorations in Linguistic Typology 7. Oxford: Oxford University Press, 2014 (in English).
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality in Grammar. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier, 2006 (in English).
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality in typological perspective. *Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.). Studies in Evidentiality*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2003 (in English).
- Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004 (in English).
- Anderson L. Evidentials, path of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. *Chafe, W., Nicols, J. (eds.). Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood: Ablex, 1986. (in English).
- Auwers J. van der, Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, no. 2, pp. 79–124 (in English).
- Boas F. Kwakiutl. Handbook of American Indian Languages. Washington: Government Printing Office, 1911 (in English).
- Dendale P. and Tasmowski L. Introduction: Evidentiality and related notions. *Journal of Pragmatics*, 2001, no. 33 (in English).
- Diewald G., Smirnova E. Evidentiality in German: Linguistic realization and regularities in grammaticalization. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2010 (in English).
- Givón T. Evidentiality and epistemic space. *Studies in Language*, 1982, no. 6 (in English).
- Haan F. de. The Interaction of Modality and Negation. A Typological Study. New York, London: Garland, 1997 (in English).
- Haßler G. History of Linguistics 2008. Selected papers from the eleventh International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XI), 28 August – 2 September 2008, Potsdam, 2008 (in English).
- Haßler G. Temporalität, Aspektualität und Modalität in romanischen Sprachen. Berlin/Boston: De Gruyter, 2016 (in German).
- Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. *Jakobson R. Selected Writings*. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971, pp. 130–147 (in English).
- Mushin I. Evidentiality and deixis in narrative retelling. *Journal of Pragmatics*, 2001, no. 32 (in English).
- Mushin I. Evidentiality and Epistemological Stance: Narrative Retelling. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2001 (in English).
- Nuyts J. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33, pp. 383–400 (in English).
- Palmer Frank R. Mood and modality. Cambridge, 2001 (in English).
- Plungian V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 2001, no. 33 (in English).
- Volkman G. Weltsicht und Sprache: Epistemische Relativierung am Beispiel des Spanischen. Tübingen: Narr, 2005 (in German).
- Wiemer B. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen. *Wiemer B., Plungian V.A. (Hgg.). Lexikalische Evidenzialitätsmarker im Slavischen*. Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband, 2008, no. 72 (in German).
- Willet T. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*, 1988, no. 12 (in English).

Р.В. Белютин

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'27

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-84-95

**ПРАГМАСЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ ФУТБОЛЬНЫХ
ФАНАТОВ В БАННЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале немецкого языка)**

Ключевые слова: *спортивный дискурс; дискурс спортивных фанатов; баннерная коммуникация; теория речевых актов; прагмасемантика.*

В статье рассматриваются и анализируются высказывания немецких футбольных фанатов на баннерной продукции, которая задействуется ими в качестве средства коммуникации во время матчей. Дискурс футбольных фанатов – особая лингвосемиотическая формация, отражающая картину мира представителей данной субкультуры. Именно он, при всем многообразии точек пересечения дискурсов, несмотря на интенсивный обмен концептами между ними, обеспечивает спортивному дискурсу эксклюзивность и позволяет рассматривать его как неотъемлемую составляющую спортивной языковой картины мира. Дискурс футбольных фанатов складывается из определенного набора субдискурсов, среди которых значимое место отводится так называемой баннерной коммуникации – с ее мощным перлокутивным эффектом. Классификация высказываний осуществляется с опорой на теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, с учетом последних достижений в развитии данной теории и современных постулатов прагмасемантики. Выявляются наиболее эффективные приемы и механизмы построения высказываний с целью достижения необходимого прагматического эффекта (метафора, языковая игра, прецедентность и др.), анализируются экстралингвистические маркеры и показатели, влияющие на характер высказывания, его хронотоп и т.д. По итогам проведенного исследования определяются перспективы дальнейшего изучения заявленной проблематики, которые видятся в контрастивном анализе баннерной коммуникации на материале разных языков (например, немецкого и русского), комплексной обработке отдельных субдискурсов, отражающих актуальные реалии и ключевые темы внутриколлективного мировосприятия и др. В работе использовались лингвистические и общие семиотические методы анализа: семантической и прагматической интерпретации, социально-контекстуальный анализ, метод толкований, сравнительно-сопоставительный метод и др.

Роль спорта как коммуникации в современном мире трудно переоценить. Значимость спортивной коммуникации, по Б.А. Зильберту и А.Б. Зильберту, заключается в том, что спорт – это не только «голы, очки, секунды, но огромная сфера человеческой деятельности» [Зильберт Б.А., Зильберт А.Б., 2001, 45], которую необходимо изучать в самых разных проекциях и перспективах, учитывая многочисленный и разнообразный состав «клиентов» и «агентов» (по В.И. Карасику [Карасик, 2000]) спортивного дискурса, разные виды деятельности, «возложенные» на его участников, и т.п.

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает дискурс спортивных фанатов, поскольку они значительно важнее и ценнее, чем любая телевизионная или интернет-трансляция спортивного соревнования, и они являются такой же интегративной составляющей спортивного события, как спортсмены, тренеры, комментаторы и т.д.

О том, что такое спорт без зрителей, мы узнали во время пандемии коронавируса. Специалист в области социологии спорта Р. Гугутцер охарактеризовал эту новую реальность следующим образом: «Man kann an den Geisterspielen gut erkennen, dass eine Atmosphäre etwas anderes ist als eine kollektive Emotion, die von Menschen gezielt hergestellt wird. Die Stimmung fehlt. Genauer gesagt der affektive Raum, der einen umfasst und erfasst» [Spiegel Sport, URL].

В данной работе речь будет идти о футбольных фанатах – самой большой категории спортивных фанатов в Германии. Футбол в этой стране продолжает оставаться спортом номер один: рекорды посещаемости футбольных матчей, равно как и просмотров по телевидению и в Интернете, постоянно обновляются, и даже рядовые матчи собирают внушительную по количеству аудиторию. Научное объяснение этому феномену дает известный философ, историк культуры Х.У. Гумбрехт: «Stadien sind die konkurrenzlos-mächtigen Magneten des Spieltags, Lebens-Zentrum der Fans, ohne Alternative oder Ablenkung» [Gumbrecht, 2020, 126–127].

Научные исследования данной субкультуры начались в 80-х годах прошлого столетия. Сначала это были социологи, которые пытались найти объяснение деструктивному поведению футбольных фанатов, их агрессии, праворадикальным устремлениям, затем к изучению футбольных фанатов как социальной группы подключились этнологи, музыковеды, специалисты в области гендерных наук и др. (см.: [Kopiez, Brink, 1998; Илле, 2018 и др.]).

Постепенно этим особым, карнавальным миром (в терминологии А. Зюльцле, ср. «eine karnevaleske Sonderwelt» [Suelzle, 2011, 123]) и различными формами его репрезентации («Fußballfans bedienen sich unterschiedlicher Kommunikationsformen» [Claus, Gabler, 2018, 373]) заинтересовались лингвисты и специалисты в области теории коммуникаций. О специфике дискурса немецких футбольных фанатов и его лингвистических свойствах сообщалось в публикациях специального выпуска серии Duden [Flickflack, Foul und Tsukahara, 2009], коллективной монографии «Дискурс футбольных

фанатов в национальных и транснациональных проекциях» [Beljutin, Burkhardt, 2021], отдельных работах отечественных и зарубежных языковедов [Белютин, 2022; Meier-Vieracker, 2018 и др.].

Наименее изученным, по нашим наблюдениям, остается так называемый баннерный дискурс футбольных фанатов. Транспаранты и баннеры – неотъемлемая составляющая перформанса, который болельщики (в основном фанаты) организуют на стадионах во время матчей. А. Буркхардт причисляет их к особому типу оптических знаков, отмечая в качестве преимущества более широкие возможности в плане тематической представленности текстов и их высокий резонансный потенциал, но выделяя такой недостаток, как невозможность оперативно (баннеры, как правило, изготавливаются накануне матча и доставляются на стадион уже в «упаковке») отреагировать на актуальные события, происходящие на футбольном поле или в околфутбольном пространстве. Ср.: «Zwar ist mithilfe mitgebrachter Fahnen und Spruchbänder keine spontane Reaktion auf aktuelles Geschehen möglich, dafür koennen mithilfe schriftlicher Texte differenziertere Botschaften übermittelt werden, als dies durch die kollektive Mündlichkeit der Sprechchöre möglich ist» [Burkhardt, 2009, 186].

Большинство баннеров используется фанатами только один раз – их размещают с целью выразить свое отношение к чему-либо или кому-либо «здесь и сейчас». Многие фан-клубы имеют неизменные баннеры – «визитные карточки», которые, как правило, вывешиваются на стадионе во время домашнего или гостевого матча любимой команды: на них традиционно прописаны названия фанатской группировки и их лозунг(и) (см. рис. 1).

Рис. 1. Фан-группа «Шикерия» футбольного клуба «Бавария» (Мюнхен), регулярно демонстрирующая баннер против репрессий по отношению к фанатам (1)

Материалом нашего исследования послужили высказывания, представленные на баннерах немецких футбольных фанатов в нынешнем сезоне профессиональной футбольной лиги для немецких футбольных клубов (бундеслига, вторая бундеслига, третья лига и др.). Помимо этого, для анализа привлекались тексты баннеров, встречавшихся на немецких стадионах в прошлые годы, – их включение в корпус примеров продиктовано особой оригинальностью языкового оформления, интересными, малоизученными лингвострановедческими фактами и др. Большая часть примеров была отобрана из популярного спортивного журнала «11 Freunde», еженедельно публикующего наиболее яркие и содержательные баннеры немецких футбольных болельщиков в разделе «Kurvenschau» (обзор перформансов на фанатских секторах), другие заимствованы из репортажей спортивных СМИ и с сайтов фанатов. Общее количество проанализированных баннеров составило более 500 единиц.

Тексты баннеров исследовались с позиций прагмасемантики – подхода, который зародился на стыке семантики как языковедческой дисциплины и прагматики как речеведческого направления. Преимущества прагмасемантической концепции видятся в том, что «она в значительно большей степени “улавливает” специфику изучения дискурса как многомерного образования, наделенного такими свойствами, как интеракциональность, интенциональность, социальность и др.» [Белютин, 2019]. В рамках прагмасемантики параллельно изучаются семантические законы функционирования дискурса и прагматические аспекты коммуникации адресанта и адресата с обязательным учетом экстралингвистического контекста, в котором происходит акт «потребления».

Классификация высказываний, размещенных на баннерах немецких футбольных фанатов, выстраивалась с опорой на теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [Новое в зарубежной лингвистике, 1986], которая не теряет своей ценности и актуальности в контексте новых лингвистических парадигм и подходов.

Один из постулатов теории речевых актов состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является «осуществление определенного вида актов, таких как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т.д.». Применительно к дискурсу немецких футбольных фанатов были выделены следующие речевые действия:

– **высмеивание.**

«Ihr müsst heute Abend hungern, weil eure Fotzen mit euch im Block rumlungern» (2).

Фанаты из Дрездена, приехавшие на выездной матч своей команды против клуба «Санкт-Паули», решили высмеять своих «визави» – фанатов-мужчин футбольного клуба из Гамбурга, обыгрывая банальную бытовую

тему – гастрономическую заботу о них со стороны любимых женщин. Помимо высмеивания, в высказывании демонстрируется пренебрежение к женской части футбольной аудитории из числа соперников – дрезденцы используют метонимический прием и вместо прямого номинанта концепта «Frau» помещают в данную фразу лексему «Fotze» (наружные тазовые половые органы женщины);

– **оскорбление.**

«*Ein Österreicher ruft und ihr folgt blind. Wo das endet, weiß jedes Kind. Ihr wärt gute Nazis gewesen!*» (3).

Красной карточки, если следовать футбольной терминологии, заслуживает «обращение» фанатов клуба «Эрцгебирге» к поклонникам футбольной команды «Ред Булл Лейпциг» во время очередного «саксонского» дерби. Оскорбительные выпады в адрес представителей Лейпцига в этот раз были с референцией к нацистской Германии – на это фанатами «Эрцгебирге» было указано прямо (Nazis) и в имплицитной форме (Ein Österreicher – использование антономазийного варианта (происхождение) для обозначения лидера НСДАП). Известно, что основателем клуба «Ред Булл Лейпциг» являлся австрийский миллиардер Д. Матешич;

– **предупреждение / угроза.**

«*Mit eurer Ignoranz habt ihr euch zum Affen gemacht – DFB/DFL Ihr werdet von uns hören*» (4).

Не утихает противостояние между футбольными фанатами и чиновниками из профильных ведомств – Немецкого футбольного союза (DFB) и Немецкой футбольной лиги (DFL). Поводов для несогласия у немецких футбольных фанатов очень много: не случайно практически на каждом футбольном матче фанаты разных клубов разворачивают баннеры с нелюбезными надписями в адрес этих организаций. В данном примере фанаты выражают свое возмущение тем, что руководители футбольных ведомств абсолютно не считаются с интересами фанатов, игнорируют их мнение по целому ряду важных для их «профессиональной» деятельности вопросов. При этом они склонны переходить к тактике запугивания: фраза «Вы о нас еще услышите» может быть расценена как угроза, которая обычно воплощается в беспорядках со стороны фанатов, бойкоте матчей и пр.;

– **злопожелание.**

«*Tod und Hass dem BSV*» (5).

Нередко злопожелания оформляются в адрес команды-соперника и ее фанатов. Особенно «популярной» для стадионов Германии является фраза «Смерть и ненависть...», которая дополняется на каждом матче соответствующим названием клуба. Наши наблюдения показывают, что без этого злопожелания не обходится практически ни одно дерби (в данном случае речь идет о нижнесаксонской битве между клубами «Ганновер 96» и «Айнтрахт» (Брауншвейг));

– **критика.**

Критические стрелы фанаты немецких футбольных клубов готовы направлять в адрес многих оппонентов, к которым они причисляют «чужие» клубы, полицейских, даже представителей «родной» команды (как правило, руководство), если, по их мнению, последние ставят собственные интересы выше клубных, если они не взаимодействуют с фанатами должным образом. Нередко фанаты для усиления прагматического эффекта задействуют оригинальные образы, сравнения и т.п.

«Lieber Becher auf dem Rasen, als Flaschen im Vorstand!» (6).

В данном примере фанаты футбольного клуба «Пройссен» (Мюнстер) привлекают метафору (Flasche (букв. (пустая) бутылка) – unfähiger Mensch, Versager (лузер, человек, не оправдавший надежд)), чтобы подвергнуть критике руководство клуба. Интересно отметить, что, помимо метафоры, креативные болельщики задействуют дополнительно игру слов, сопоставляя в первой и во второй частях предложения существительные одной тематической группы с последующей метафоризацией второго понятия (Becher – пластиковый стакан для пива, Flasche – бутылка). Посыл фанатов заключается в следующем: еще можно смириться с тем, что некоторые фанаты ведут себя недостойно и бросают на поле стаканчики, куда более опасно, если в правлении клуба (клубов) сидят никчемные, ограниченные люди.

Также непрямым способом фанаты называют и критикуют представителей органов правопорядка, которые, по их мнению, обращаются с ними грубо и жестоко.

«Egal ob Berlin oder anderswo – Die Gewalttäter tragen Uniform» (7);

– **возмущение.**

«Göttlich fordert und die Südkurve schweigt: Kollektivstrafen für euch Oke!» (8).

Возмущение фанатов связано с инициативой президента «Санкт-Паули» Оке Геттлиха ввести более жесткие санкции по отношению к клубам, чьи болельщики устраивают беспорядки на стадионах. Оке настаивал на коллективных наказаниях для фан-группировок (хотя еще в 2017-м чиновники обещали разбирать каждый случай в отдельности) и снятия баллов с проштрафившихся клубов в турнирной таблице. Заметим, что и в этом случае фанаты продемонстрировали умение лингвокреативно подойти к решению коммуникативной задачи, обыграв имя президента «Оке» и английское «okey»;

– **протест.**

В протестном баннерном дискурсе все чаще обозначается конфликт между фанатами и полицией. Фанаты жалуются на чрезмерно жестокое обращение, штрафные меры, полное отсутствие взаимопонимания и т.п. и решительно протестуют против того, чтобы стадионы априори считали местом преступления. Для большей убедительности выбрана

соответствующая аллюзия – название популярного в Германии криминального сериала «Tatort».

«*Tatort Spieltag – stoppt die Prügelcops in Uniform*» (9);

– **требование.**

Вместе с тем фанаты способны не только давать волю эмоциям и ограничиваться критикой: в их арсенале достаточно требований, которые они озвучивают в рамках баннерной коммуникации. Среди самых актуальных «коллективных» требований – снижение стоимости входных билетов, сохранение «классических» названий для стадионов, защита от полицейского произвола и мн. др.

«*Hannover 96 für alle – Ticketpreise runter*» (10).

«*Für immer Westfalenstadion. Für immer Sportpark Ronhof*» (11).

«*Soziale Fanarbeit vor polizeilichen Eingriffen schützen*» (12).

Безусловно, присутствуют в дискурсе футбольных фанатов высказывания с мелиоративной коннотацией: как правило, они выполняют солидаризирующую, интегрирующую, стимулирующую, мотивирующую функции и ориентированы на адресатов из категории «Свой круг» (в терминологии О.С. Иссерс);

– **восхищение.**

«*Bist uns're Droge, machst uns high*» (13).

Для того чтобы подчеркнуть свое сверхэмоциональное отношение к любимому клубу, фанаты клуба «Гройтер Фюрт» отважились на заимствование из сферы-источника «Наркотики», имплицировав в высказывание такие когнитивные признаки, как «зависимость», «пик эмоциональных ощущений» и др.;

– **поддержка.**

«*Wir für euch@ihr für uns – gemeinsam zum Klassenerhalt*» (14).

Данная фраза появилась на баннере фаната клуба «Бохум», который пытается сохранить прописку в высшем футбольном дивизионе. Посыл фанатов очевиден: они готовы быть с командой при любых обстоятельствах, но ожидают от своих кумиров, что те будут выкладываться на футбольном поле ради своих болельщиков;

– **клятва, обещание.**

«*Sankt Pauli bis zum Tod*» (15).

Речевой акт клятвы также является неотъемлемой составляющей коммуникативного поведения языковой личности футбольного фаната, клятвенные формулы и высказывания обнаруживаются в дискурсивных практиках футбольных фанатов разных клубов (в данном случае – «Санкт-Паули»). Как правило, в таких высказываниях обязательным атрибутом демонстрации верности и преданности становится концепт «Смерть»: фанаты подчеркивают, что любовь к любимой команде будет сохраняться до тех пор, пока бьется их сердце;

– **признание (в любви).**

«... wir sind vor lauter Liebe so krank» (16).

Концепт «Любовь» репрезентируется в дискурсе футбольных фанатов разными способами, одним из самых проверенных и «надежных» является его метафорическое осмысление, нередко через сферу-источник «Болезнь».

Не обходят стороной фанаты события, которые касаются отдельных личностей, каким-либо образом связанных с клубом: они соболезнуют (уход из жизни ветеранов клуба, фанатов, наиболее активно поддерживавших команду, и др.), желают выздоровления «легендам», игрокам действующего состава и др., поздравляют себя и других представителей клуба с юбилеями, благодарят и т.п.;

– **соболезнование.**

«Ruhe in Frieden, Moritz» (17).

Так болельщики клуба «1860» (Мюнхен) отреагировали на смерть активиста фан-движения Моритца, погибшего в результате ДТП;

– **пожелание.**

«Gute Besserung, Icke» (18).

Фанаты этого же клуба выразили поддержку Т.Ю. Хэсслеру (прозвище «Ике»), который на протяжении нескольких лет играл за «1860», и этот период фанаты оценили как один из самых успешных в истории клуба;

– **поздравление.**

«Aus einem Hobby wird ein Verein. Die Geburtsstunde des Meidericher Spielvereins» (19).

Такой краткий поздравительный адрес подготовили фанаты «Дуйсбурга» в честь 120-летия с момента основания клуба;

– **благодарность.**

«Ewiger Ruhm all jenen, die das Untier besiegen» (20).

Достаточно оригинально фанаты клуба «Ганновер 96» выразили свою благодарность во время принципиальнейшего поединка их любимой команды с заклятым врагом – командой «Айнтрахт» из Брауншвейга. Фанаты обратились через надпись на баннере ко всем, кто когда-либо внес свой вклад в победу над главным соперником всех времен, при этом название клуба из Брауншвейга прозвучало не в его прямой номинации, а через «многоходовку» – с вербальной атакой (Untier) на эмблему клуба (брауншвейгский лев) и параллельной негативной характеристикой всех, кто симпатизирует этой команде.

Лингвокреативность футбольных фанатов находится на высоком уровне, что позволяет им умело жонглировать имеющимися в их распоряжении ресурсами для достижения определенного прагматического эффекта. Так, в следующем примере за якобы речевым актом «благодарность» умело скрыта ирония фанатов: в буквальном прочтении они «благодарят» игроков своего клуба «Шальке 04», ставя себя на их место, за то, что и в данном сезоне они «многочисленным составом» неустанно следовали за своими фанатами.

«Wir danken der Mannschaft, dass sie uns auch in dieser Saison so zahlreich hinterhergereist ist» (21).

Безусловно, рассмотрение данной проблематики представленными примерами не ограничивается. В статье отображен только участок этого большого коммуникативного пространства, которое все более активно используется футбольными фанатами для решения своих коммуникативных задач в соответствии с коллективной картиной мира, которая формируется данной субкультурой.

Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что баннерный дискурс, организуемый и разворачиваемый футбольными фанатами, складывается из различных актов общения, которые в общем и целом укладываются в пять основных, предложенных Серлем: репрезентативы (фанаты сообщают адресатам о том или ином положении вещей), директивы (фанаты пытаются побудить адресатов сделать что-либо), комиссивы (фанаты связывают себя теми или иными обязательствами), экспрессивы (фанаты выражают те или иные переживания), декларативы (фанаты производят посредством своих высказываний те или иные изменения).

При этом примеры дают нам понять, насколько многосложен может быть акт общения: критика может одновременно содержать требование к адресату, а может быть имплицирована в высказывание, оформленное по всем языковым канонам как благодарность. Такова прагматика высказываний, которые наносятся на баннеры.

Отметим, что круг адресатов, с которыми футбольные фанаты коммуницируют через баннеры, достаточно разнообразен, что объясняется вовлеченностью большого количества разных участников в те события, процессы, которые формируют фанатскую картину мира (игроки, тренеры, руководство родной команды, представители «чужих» клубов, руководители лиг, топ-менеджеры, полиция, судьи и др.). Примечательно, что в целом ряде случаев баннерная коммуникация с отдельными участниками может развиваться в диаметрально противоположную аксиологическую сторону: фанатам ничего не стоит вывести кого-либо из своего круга (например, нападающего любимой команды, который снизил к себе требования и начал страдать безголевой засухой) и подготовить уничижительные баннеры, а через некоторое время «простить» игрока и закрепить акт прощения в соответствующем баннере.

Несмотря на лапидарность, свойственную однофразовым текстам, многие высказывания фанатов, размещаемые на баннерах, отличаются метафоричностью, включением юридического аспекта (языковая игра, использование чужого текста для языковой игры) и др.

Перспективным представляется дальнейшее изучение баннерной коммуникации с участием футбольных фанатов – в рамках отдельного субдискурса (широкий общественный резонанс получили, например, такие

темы, как «Чемпионат мира по футболу в Катаре», «Создание клуба “Ред Булл Лейпциг”», «Деятельность владельца клуба “Хоффенхайм” Д. Хоппа» и мн. др.); анализ субдискурса футбольных дерби в контексте так называемой баннерной войны и др.

Полезным в плане выявления зон совпадения и расхождения в языковом оформлении текстов баннеров будет сопоставление дискурсов в разных языках. Наши наблюдения показывают, что российские футбольные фанаты не уступают своим коллегам «по цеху» ни в плане разнообразия иллокутивных типов предложений, оказывающихся на баннерной продукции, ни по оригинальности донесения до реципиентов необходимой информации. Ср.:

«*Не стой на пути*» (22) (надпись на баннере фанатов московского «Локомотива» перед поединком с «Краснодаром»).

«*Здесь не место крысам*» (23) (реакция фанатского объединения «Спартак» на утечку информации о содержании текста баннера, которое директорат Российского футбольного союза посчитал оскорбительным и неприемлемым).

ЛИТЕРАТУРА

Белютин Р.В. Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.

Белютин Р.В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 119–129.

Зильберт Б.А., Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 17. С. 45–55.

Илле А.М. Футбольные фанаты в поле политики // Телескоп. 2018. № 3(129). С. 35–37.

Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных теорий // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 1. С. 7–79.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. 424 с.

Beljutin R., Burkhardt A. (Hgg.). Fankultur und Fankommunikation in nationalen und transnationalen Diskursen / Дискурс футбольных фанатов в национальных и транснациональных проекциях. Bern, 2021. 268 S.

Burkhardt A. Der zwölfte Mann. Frankkommunikation im Fußballstadion // Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache / Hrsg. A. Burkhardt und P. Schlobinski. Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. S. 175–194.

Claus R., Gabler J. Sprache und Kommunikation in Fußballfangruppen // Sprache in sozialen Gruppen (Hrsg. E. Neuland und P. Schlobinski). Berlin, Boston: de Gruyter, 2018. S. 370–384.

Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache / Hrsg. A. Burkhardt und P. Schlobinski. Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. 320 S.

Gumbrecht H.U. Crowds: Das Stadion als Ritual von Intensität. Frankfurt am Main: Klostermann, Vittorio, 2020. 154 S.

Kopiez R., Brink G. Fußball-Fangesänge. Eine *Fanomenologie*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1998. 275 S.

Meier-Vieracker S. Im Fadenkreuz. Metapragmatik und semiotic ideologies im Fußballfandiskurs // Kodikas / CODE. 2018. № 3–4. S. 245–259.

Spiegel Sport. Warum fühlt sich Sport ohne Zuschauer so falsch an? URL: <https://www.spiegel.de/sport/sportsoziologie-im-interview-warum-fuehlt-sich-sport-ohne-zuschauer-falsch-an-a-d9c5f558-9a8b-4d88-b571-286376191a87> (дата обращения: 12.05.2023).

Sülzle A. Fußball, Frauen, Männlichkeiten. Eine ethnographische Studie im Fanblock. Frankfurt a. M.: Campus, 2011. 395 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. <https://www.imago-images.de/fotos-bilder/schickeria-banner> (дата обращения: 10.05.2023).
2. <https://www.deutschlandfunk.de/frauen-in-der-ultraszene-wir-sind-da-100.html> (дата обращения: 02.05.2023).
3. https://www.focus.de/sport/fussball/fussball-aue-verurteilt-nazi-vergleiche-auf-allerschaerfste_id_4460256.html/ (дата обращения: 21.05.2023).
- 4–7. <https://11freunde.de/suche?q=Kurvenschau+> (дата обращения: 10.05.2023).
8. <https://11freunde.de/artikel/kurvenschau-stadionnamen/8459243> (дата обращения: 12.05.2023).
9. <https://11freunde.de/suche?q=Kurvenschau+> (дата обращения: 12.05.2023).
10. <https://11freunde.de/artikel/tochter-verkaufen-ist-haram/8503110> (дата обращения: 12.05.2023).
- 11–20. <https://11freunde.de/suche?q=Kurvenschau+> (дата обращения: 11.05.2023).
21. <https://www.fussball-kultur.org/fussball-kulturpreis/hall-of-fame/fussballspruch-des-jahres/> (дата обращения: 02.05.2023).
22. <https://www.championat.com/football/news-3896443-ne-stoj-na-puti-banner-fanатов-loko-motiva-pered-matchem-s-krasnodarom.html> (дата обращения: 01.05.2023).
23. <https://dzen.ru/media/footballugolok/5-samyh-skandalnyh-bannerov-spartaka-vs-pominaem-luchshee-60b9335577f4f3143e1dbbd2> (дата обращения: 03.05.2023).

R.V. Belyutin

*PhD in Philology, Doctor,
the German Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Pragmatic Semantics in Football Fans' «Banner» Communication in the German Language

The article deals with utterances of German football fans written on banners used by them during matches as a means of communication. Football fans' discourse is a distinctive linguistic semiotic form that reflexes the world view of representatives of this subculture. Despite the diversity of discourses it intersects with and a variety of concepts it exchanges with, it is the fan communication that provides the sports discourse with uniqueness and allows us to regard it as an integral part of the sports linguistic view of the world. Football fans' discourse is formed by a number of subdiscourses, the so-called banner communication is one of them, possessing a prominent perlocutionary effect. The classification of utterances is based upon the theory of speech acts by J. Austin and G. Searle, but it also takes into consideration the latest achievements in this field as well as contemporary principles of pragmatic semantics. The article reveals the most effective techniques and mechanisms of building utterances to achieve the required pragmatic effect (metaphor, play on words, precedence, etc.),

analyses extralinguistic markers and features influencing the pattern of the utterance, its chronotope and so on. The study opens up the perspectives for further research into the above mentioned topic, among which we see contrastive analysis of banner communication in different languages (e.g. German and Russian), complex examination of some subdiscourses reflecting culture-specific elements of immediate interest and urgent topics of fans' world view and others. The paper facilitates linguistic and classical semiotic methods of analysis: semantic and pragmatic interpretation, social contextual analysis, method of interpretation, comparative analysis method, etc.

Key words: sports discourse; sports (football) fans' discourse; banner communication; speech act theory; pragmatic semantics.

REFERENCES

- Belyutin R.V. A Study on Pragmatic and Semantic, Linguistic and Mental Projections of the German Sports Discourse [Pragmasemanticheskie i lingvomentalne proekcii nemeckogo sportivnogo diskursa: monografiya]. Smolensk, 2019. 336 p. (in Russian).
- Belyutin R.V. On Discrimination in German Football Fans' Discourse [K voprosu o diskriminacii v diskurse nemeckih futbolnyh fanatov]. *Bulletin of Moscow University*, vol. 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2022, no. 3, pp. 119–129 (in Russian).
- Zil'bert A.B. Sports discourse: basic concepts and categories. Language, consciousness, communication [Sportivnyj diskurs: bazovye ponjatija i kategorii. Jazyk, soznanie, kommunikacija]. Moscow: MAKS Press, 2001, no. 17, pp. 45–56 (in Russian).
- Ille A.M. Football Fans in the Field of Politics [Futbol'nye fanaty v pole politiki]. *Telescope*, 2018, no. 3(129), pp. 35–37 (in Russian).
- Issers O.S. Linguistic Manipulation in the Light of Cognitive Theories [Rechevoe vozdejstvie v aspekte kognitivnyh teorij]. *Bulletin of Omsk University*, 1999, Is. 1, pp. 74–79 (in Russian).
- Karasik V.I. About discourse types [O tipah diskursa]. *Language personality: institutional and personal discourse*. Volgograd: Change, 2000, pp. 5–20 (in Russian).
- New on Foreign Linguistics. The Theory of Speech Acts [Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevyh aktov]. Is. 17. Moscow: Progress, 1986. 424 p. (in Russian).
- Beljutin R., Burkhardt A. (Hgg.). Fankultur und Fankommunikation in nationalen und transnationalen Diskursen / Discourse of football fans in national and transnational projections [Diskurs futbolnyh fanatov v nacional'nyh i transnacional'nyh proekciyah]. Bern, 2021. 268 S. (in German and in Russian).
- Burkhardt A. Der zwölfte Mann. Frankommunikation im Fußballstadion. *Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache*. Hrsg. A. Burkhardt und P. Schlobinski. Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. S. 175–194 (in German).
- Claus R., Gabler, J. Sprache und Kommunikation in Fußballfangruppen. *Sprache in sozialen Gruppen* (Hrsg. E. Neuland und P. Schlobinski). Berlin, Boston: de Gruyter, 2018. S. 370–384 (in German).
- Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache / (Hrsg. A. Burkhardt und P. Schlobinski). Band 10. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. 320 s. (in German).
- Gumbrecht H.U. Crowds: Das Stadion als Ritual von Intensität. Frankfurt am Main: Klostermann, Vittorio, 2020. 154 s. (in German).
- Kopiez R., Brink, G. Fußball-Fangesänge. Eine *Fanomenologie*. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1998. 275 s. (in German).
- Meier-Vieracker S. Im Fadenkreuz. Metapragmatik und semiotic ideologies im Fußballfandiskurs. *Kodikas / CODE*, 2018, no. 3–4, S. 245–259 (in German).
- Spiegel Sport. Warum fuehlt sich Sport ohne Zuschauer so falsch an? Available at: <https://www.spiegel.de/sport/sportsoziologe-im-interview-warum-fuehlt-sich-sport-ohne-zuschauer-falsch-an-a-d9c5f558-9a8b-4d88-b571-286376191a87> (accessed on May 12, 2023) (in German).
- Stülze, A. Fußball, Frauen, Männlichkeiten. Eine ethnographische Studie im Fanblock. Frankfurt. M.: Campus, 2011. 395 s. (in German).

Л.И. Гришаева

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 811.1'42

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-96-112

**«ДЕТСКИЕ» АНЕКДОТЫ КАК СРЕДСТВО И СПОСОБ
ПОДДЕРЖАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ¹**
(часть 1)

Ключевые слова: *субъект познания и коммуникации; личностная и коллективная идентичность субъекта; «детские» анекдоты как тип текста; способы и средства поддержания и воспроизводства культурной идентичности.*

Статья посвящена описанию функционального потенциала одного из способов социализации носителей языка и культуры – «детских» анекдотов в немецкой языковой культуре. Эти типы текста характеризуются очевидной культурной спецификой, объективируемой не столько через среду функционирования и реализацию соответствующих функций разнообразными средствами и способами, сколько через главных персонажей. В фокусе анализа – Фрицхен (Fritzchen), который в силу явной культурной специфики интерпретируется как культурный герой (в духе Гирта Хофстеде). Поэтому ситуации, в которых повествуется о действиях Фрицхена в официальном и неофициальном общении и о его реакциях на окружение и его действия, анализируются как способ сообщения коллективному субъекту социальных норм, как способ воспроизведения в культуре социальных эталонов «от противоположного», как средство поддержания культурной непрерывности и культурной идентичности в синхронии и диахронии. По этой

---

¹Чтобы сохранить авторскую систему аргументации для читателей, предлагаемая статья публикуется в двух частях, поскольку объем статьи в отдельном номере журнала относительно жестко регламентируется. Причиной является также стремление редакции и автора публикации сделать основания для рассуждений максимально прозрачными для читателя, а аргументацию соответствующих положений ясной и предельно доступной для критического осмысления. Следствием такого решения являются изменения формального свойства: отсутствует аннотация перед второй частью, ссылки на цитируемую литературу присутствуют в обеих частях в соответствии с ходом рассуждения, сохраняется и единство нумерации примеров в обеих частях. Примеры снабжаются нумерацией, учитывающей как часть (первую или вторую), в которой приводится соответствующий пример, так и общий порядок в системе доказательства формулируемых тезисов; ср.: пример (1) 4 или пример (2) 22, что означает соответственно пример 4 в первой части или пример 22 во второй части (Редакция).

причине качества характера, приписываемые Фрицхену в «детских» анекдотах, осмысляются как компоненты коллективной идентичности коллективного субъекта, относящиеся к ядерной части прежде всего коллективной идентичности и единичных, и коллективных субъектов как носителей немецкой языковой культуры.

Более или менее внимательные наблюдения над функционированием языка как средства познания и коммуникации в разнообразных современных условиях позволяют понять, что сегодня предельно очевидными стали некоторые особенности использования языковых средств в различных условиях. Актуальными тенденциями в организации текстов разного типа правомерно признать прежде всего такие: гибридизацию в содержательной, формально-структурной, функциональной организации текстовой ткани, карнавализацию различного – в том числе серьезного и даже сакрального – содержания как все более активно востребованный прием наррации, креолизацию как семиотическую гетерогенность при порождении текстов, повышение доли образных и метафорических средств в текстовом пространстве среди вербальных и невербальных средств выражения интенции адресанта, экспрессивизацию и эмотивизацию как способы объективации смыслов при порождении текстов, скрытое и явное манипулирование сознанием, восприятием и действиями партнеров по коммуникации, а также порождение фейков и конструирование симулякров при реализации коммуникантами своих коммуникативных стратегий в интеракции и др.

Нельзя не обратить внимание также на появление новых форматов дискурса наряду с явными и/или менее очевидными трансформациями его различных форматов на фоне сопоставления последних с конвенциональными способами организации соответствующих форматов дискурса. Нельзя также не заметить активного закрепления в языковой культуре новых коммуникативных пространств и/или практик, сопровождаемых доселе неизвестными носителям языка и культуры и/или непривычными для последних коммуникативными техниками (см. о перечисленных выше особенностях организации различных текстов и дискурсивных практик, например: [Анисимова, 2019; Гришаева, 2020; 2021; Девкин, 2015; Махлин, 1987; Трошина, 2009; Шилихина, 2013; Bierwirth, 2000; Griem, 2001; Grischaewa, 2020; 2022; Köster, 2000; <https://bigenc.ru/linguistics/text/2138518> и мн. др.]).

Весьма любопытным обстоятельством становится выявление того, что в разных культурных пространствах прослеживаются сопоставимые, если не идентичные по сути, тенденции. И, задаваясь вопросами о причинах отмеченных тенденций, с одной стороны, и об их последствиях при порождении текстов в дискурсивной деятельности и/или для нее – с другой, нельзя не прийти к умозаключению о неслучайности соответствующих процессов, а именно об

их особой значимости для формирования и поддержания культурной идентичности носителей языка и культуры, представляющих разные поколения².

Постановка проблемы, цель и задачи исследования. Перечисленные и некоторые иные особенности организации текстов и форматов дискурса побуждают всех, кто изучает соответствующие процессы разными приемами с различными исследовательскими доминантами, определиться с подходами к анализу упомянутых явлений. Подходы к изучению таких феноменов, предельно обобщая, правомерно охарактеризовать как атомистический и холистический.

Первому подходу свойственно пристальное исследовательское внимание к некоторому явлению, изучаемому независимо от его природы, характера его функционала и особенностей сферы его функционирования изолированно от иных, будь они родственными анализируемому феномену или принципиально иными. Такой подход, естественно, имеет полное право на существование как детально раскрывающий особенности проявления объекта исследования в тех или иных условиях.

Второй подход представляется более продуктивным, поскольку он позволяет интерпретировать используемые носителями языка и культуры разнородные способы и различные языковые и невербальные средства как средства и способы **решения** в тех или иных дискурсивных условиях определенной **коммуникативной и когнитивной задачи**.

В силу этого в фокусе анализа оказываются процессы сознательного, частично осознаваемого или даже вообще не осознаваемого самим интерактантом, иногда даже интуитивного **выбора** коммуникантами способов и средств взаимодействия с другими носителями культуры. Такой выбор осуществляется из множества потенциально вероятных изофункциональных единиц, которыми носители культуры владеют более или менее эффективно, осознавая свой выбор или даже совсем не задумываясь над ним. Носители языка и культуры выбирают из тех средств и способов, которые – по крайней мере, с точки зрения самих коммуникантов – обеспечивают им достижение своей цели здесь и сейчас. Наряду с этим изучаются основания и мотивы (осознаваемые самими коммуникантами или интуитивные) для подобного выбора, а также способы организации соответствующих средств в интеракции некоторого типа.

²Ср. в этой связи высказывание Л.А. Козловой о значимости когнитивной эмпатии в межкультурной коммуникации и в процессах вторичной социализации субъекта, то есть аккультурации: «Можно полагать, что развитие способности к эмпатии, умению воспринимать мир с позиции иной культуры и адаптировать свою коммуникативную деятельность с учетом этого понимания, признавать и принимать *otherness* (*другость*) без утраты при этом собственной национальной идентичности – это и есть основа конструктивного би/мультикультурализма» [Козлова, 2021, 32].

Выражаясь иначе, холистический подход к анализу коммуникативных продуктов, то есть текстов различного типа, побуждает исследователя осознать, в чем именно и как реализуются основные функции языка как средства познания и коммуникации, а также как именно через тексты того или иного типа фиксируются гетерогенные, гетерохронные, гетеросубстратные сведения о мире.

Подобный подход позволяет выявить, как структурируется информационный поток, кто, как и почему выстраивает взаимодействие, имеет ли место манипулирование, кто владеет властью в дискурсе и каким образом поддерживает ее, насколько успешным и продуктивным может быть такого рода взаимодействие с помощью средств культурных кодов и т.д.

Поэтому **цель** предлагаемой статьи заключается в описании функционального потенциала текста определенного типа – «детский» анекдот – в конкретном культурном пространстве³.

Отсюда понятно, что основной исследовательской **задачей** является описание способов реализации функции «поддержание культурной идентичности коллективного субъекта», что, собственно, и составляет сущность социализации единичных субъектов в конкретное культурное пространство. Решение иных задач сознательно выносится за скобки – частично из-за того, что многие из них уже довольно успешно решены, частично по причине объективных требований к содержательной и формальной организации текста типа «научная статья».

Подобная целеустановка обусловлена тем, что изучаемый тип текста, во-первых, имеет самое непосредственное отношение к диалектике универсального и культурно специфического при осмыслении функционального потенциала языка как культурного кода. Это очевидно уже только потому, что ситуации взаимодействия между представителями разных поколений являются, бесспорно, одной из важных универсальных характеристик любого социума, а способы взаимодействия между поколениями варьируются не только от культуры к культуре, но и в зависимости от периода бытования той или иной культуры⁴.

Во-вторых, анализируемый тип текста имеет абсолютно однозначную привязку к строго определенному набору ситуаций и к определенной категории коммуникантов с очевидными для исследователя характеристиками и

---

³ См. подробнее значимые сведения о бытовом анекдоте в его сопоставлении с историческим, например: [Миловская, 2008; 2019; <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-nemetskih-ankdotov/viewer>; <https://www.studienkreis.de/deutsch/ankdote-merkmale-beispiele/>].

⁴ Любопытно вспомнить в этой связи такие типы культур, как префигуративные, постфигуративные и кофигуративные, при характеристике которых учитывается вклад поколений родителей и детей в поддержание культурной идентичности, а также степень влияния на процессы, сопровождающие первичную и вторичную социализацию, то есть инкультурацию и аккультурацию.

определенными социальными ролями с известными функциями в социуме. Соответствующие сведения относятся к знаниям, разделяемым всеми носителями культуры, и, следовательно, коммуникация основывается на соотношении сведений, объективируемых средствами культурных кодов, и сведений, со-активируемых в коммуникации. А это, в свою очередь, предоставляет коммуникантам возможность по-разному играть на соотношении в коммуникации эксплицируемого и имплицитного и тем самым варьировать степень воздействия на партнеров по интеракции либо на не-коммуникантов.

В-третьих, обсуждаемый тип текста явно специализируется на коммуникативной задаче «дать пример(ы) социализации в конкретное культурное пространство». Поэтому вполне правомерно ожидать, что в таком случае закономерно сообщать тем или иным образом такие образцы взаимодействия в некоторых условиях с носителями культуры, которые либо поощряемы, либо порицаемы в конкретном культурном пространстве. Стоит ли при этом напоминать, что, как правило, эти сведения в культуре не эксплицируются столь очевидно, несмотря на то что они являются частью ценностной картины мира и служат очевидной основой для взаимодействия?

В-четвертых, в «детских» анекдотах самым естественным образом явно и неявно сопоставляются два способа взаимодействия в одних и тех же пространственно-временных и социокультурных координатах и два способа использования языковых средств двумя категориями носителей языка и культуры. С одной стороны, это взрослые, уже успешно социализированные в культурную среду, с другой – дети, только начинающие осваивать премудрости и сложности социальных контактов. Доступ к соответствующим сведениям, как правило, весьма затруднителен не только для коммуникантов с иной культурной идентичностью (изучающих иностранный язык, например), но и для ряда категорий коммуникантов с той же культурной идентичностью, что и у персонажей «детских» анекдотов.

Наконец, все перечисленные выше параметры изучаемого типа текста не задаются исследователем в целях анализа, то есть названные характеристики, можно сказать, заданы объективно. Поэтому исследовательские процедуры и приемы описания изучаемого материала уже не могут по определению подпадать столь очевидно под жесткое влияние теоретических установок и представлений субъекта анализа о том, как устроен текст и с помощью каких процедур он сможет это показать, что-то доказать и/или верифицировать.

Названные выше разнородные признаки текста, принимаемые во внимание при анализе, **имманентны** интенциональным, содержательным, формально-структурным и функциональным характеристикам самого текста как способа и средства фиксации дискурсивной деятельности носителей языка и культуры в тех или иных коммуникативных условиях (см. подробнее результаты макротекстового семантического и синтаксического анализа способов организации бытового анекдота: [Гришаева, 2001, 171–178]). (Ср. цитируемые

наблюдения с данными, полученными в процессе исследования текстов с иными целеустановками: [Девкин, 2015; Миловская, 2008; 2019; Тарасенкова, 2011; 2014; Шмелева, Шмелев, 2002 и др.]

Значимость упомянутых характеристик для анализируемого типа текста, имманентных описываемым коммуникативным продуктам, трудно переоценить. Так, Л.А. Козлова, анализируя позицию Д. Барнлунда относительно так называемой «interpersonal equation» («межличностной согласованности») в коммуникации, складывающейся из трех компонентов: схождения перцептуальных ориентаций, схождения систем убеждений и верований, схождения стилей коммуникации, подчеркивает: «Перечисленные компоненты, обеспечивающие **взаимопонимание и успех** коммуникации, имеют большое значение даже **при общении в рамках одной культуры**, а при межкультурном общении их значимость еще более возрастает, поскольку существуют различия в перечисленных составляющих, потенциально содержащие в себе угрозу для успеха коммуникации» [Козлова, 2021, 75] (курсив наш. – Л. Г.).

Таким образом, ясно, что предлагаемый ракурс анализа актуален не только в текстотипологической плоскости и/или в качестве теоретической проблемы в различных научных сферах⁵, но и в прикладном отношении: как с точки зрения изучения внутрикультурной коммуникации, так и для анализа процессов и результата (позитивного и/или негативного⁶) межкультурной коммуникации.

Материал и методы его описания. Чтобы осмыслить, сколь привлекательным и многообещающим объектом приложения исследовательского интереса может быть «детский» анекдот, достаточно вспомнить о том, что в немецкой культуре есть не только Фрицхен (Fritzchen), но и Малышка Эрн (Klein Erna) – общеизвестные в немецком языковом пространстве персонажи, действия которых и реакции на окружающий их мир взрослых во многом уникальны, по крайней мере, они не дублируют друг друга⁷. Интересно в этой связи сравнить анекдоты о Фрицхене с анекдотами о Малышке Эрне:

ПРИМЕР (1) 1: *Mamma aus'n Fenster: «Klein Erna, muscha die Katze nich immer an Schwanz ziehn!» Klein Erna: «Tu ich scha auch gaa nich. Die Katze zieht immer, ich halt ihr bloß fest!»*

⁵См. в статье «Юмор» лаконичный анализ различных концепций юмора и содержательный комментарий к функциональному потенциалу юмора, например: «психологическая, социальная функция эмоциональной стабилизации и преодоления сложных жизненных ситуаций» [Bierwirth, 2000, 211].

⁶Обоснование двух альтернатив (позитивный и негативный коммуникативный результат) в разности межкультурной коммуникации в частности и коммуникации вообще см. подробнее: [Гришаева, 2020, 221–226].

⁷Кстати, в русском культурном пространстве аналогичный персонаж, пожалуй, один – Вовочка. Например: *Вовочка, когда ты наконец исправил плохие оценки? – Папа, я каждый день стараюсь это сделать, но учительница ни на минуту не оставляет классный журнал без просмотра.* Ср. примеры (1) 1 и (1) 2, а также (2) 11, (2) 12 и др.

ПРИМЕР (1) 2: *Lehrerin: «Fritzchen, nenne mir ein paar Tiere!» Fritzchen fängt an aufzuzählen: «Pferdchen, Eselchen, Schweinchen...» Unterbricht ihn die Lehrerin: «Fritzchen, lass doch bitte das '-chen' am Ende weg». Fritzchen: «Okay. Eichhörn, Kanin, Frett!»*

ПРИМЕР (1) 3: *Klein Erna fragt ihre Mutter: «Mama, warum hast du denn so einen dicken Bauch?» Darauf die Mutter: «Da ist das Baby drin». Klein Erna fragt: «Hast du denn das das Baby gern?» Die Mutter antwortet: «Ja, sehr sogar!» Klein Erna erwidert: «Warum hast du dann das Baby aufgegessen?»*

Таким образом, очевидно, что основным мотивом для выбора «детских» анекдотов в качестве эмпирического материала стало то, что обсуждаемый здесь персонаж представляет собой **культурного героя** в понимании последнего Г. Хофстеде [Hofstede, 2006]. Дело в том, что при классификации культур Г. Хофстеде особое внимание обращает на культурные различия, которые проявляются самым разным образом. Наиболее значимыми признаются при этом четыре характеристики, с помощью которых можно описать разнородные проявления культуры: символы, герои, ритуалы и ценности. Героями Г. Хофстеде называет персонажей, «живых или мертвых, реально существующих или вымышленных, которые наделены свойствами, имеющими высокий статус в культуре; они поэтому служат поведенческими образцами. И даже такие фантастические фигуры или персонажи комиксов, как Барби, Бэтмен или же его противоположность Снуппи в США, Астерикс во Франции или Олли Б. Боммель (мистер Бумбл) в Нидерландах, представляют собой культурных героев» [Hofstede, 2006, 8].

В обозначенном контексте Фрицхена правомерно характеризовать как культурного героя для немецкоязычного культурного пространства. Это справедливо для Фрицхена даже в большей степени, нежели для Малышки Эрны, поскольку последняя однозначно привязана к определенному немецкому диалекту, к определенной местности с ярко выраженными региональными особенностями, к определенной, легко узнаваемой носителями культуры эпохе, а также поскольку про нее знает меньшее число носителей языка и культуры, чем про Фрицхена; ср.:

ПРИМЕР (1) 4: *Bei Hagenbeck: «Klein Erna, geh nich so nah ran an die Eisbären – bist sowieso schon so erkältet!»*

Характерно, что вплетение в повествование однозначно интерпретируемых в качестве региональных (то есть, по сути, локальных), темпоральных и диалектальных маркеров коллективной идентичности коллективного субъекта становится яркой отличительной чертой анекдотов про Малышку Эрну, ср.:

ПРИМЕР (1) 5: *An ein schön waamen Sonntag fahrn Mamma, Klein Erna und Klein Bubi mit'n Dampf von Landungsbrücken nach Blankenese zum Baden. Und wie sie denn in Blankenese ankommen, sagt Mamma zu Klein Erna: «Klein Erna, wo is denn Klein Bubi!?» «Der is schon bei Neumühlen in Wasser gefallen!» «Dummes Gör, muscha gleich sagn!»*

Следует назвать еще одно значимое в обсуждаемом контексте обстоятельство. Содержательным стержнем «детских» анекдотов становится явное наставление подрастающему поколению в той или иной ситуации либо весьма прозрачный намек на то, что и как надо делать и как не надо делать здесь и сейчас. Другими словами, в «детском» анекдоте речь идет, по сути, о **раскрытии** содержания социальных эталонов взаимодействия. Это, очевидно, информация, доступ к которой затруднен (в особенности для носителей иных культур), если не владеть свободно соответствующими приемами интерпретации воспринимаемых сведений, то есть соответствующими когнитивными техниками декодирования комплекса культурно специфических сведений о мире. При этом характерно, что текст «детского» анекдота содержит разнообразные сведения о **цельном** фрагменте культурно специфической внеязыковой действительности. Подобные сведения необходимы для продуктивного взаимодействия носителей языка и культуры (см. примеры). Однако текст предоставляет реципиенту также примеры **конвенциональных образцов вербализации** соответствующих сведений о способах и средствах решения таких коммуникативных и когнитивных задач, которые максимально востребованы в языковой культуре.

Иначе выражаясь, высказанные мысли можно сформулировать и таким образом: через «детский» анекдот внимательный наблюдатель получает доступ к сведениям, разделяемым всеми носителями языка и культуры, а также к образцам поддержания и воспроизведения в культуре коллективной идентичности коллективного субъекта.

Методику анализа эмпирического материала правомерно охарактеризовать как комплексную, учитывающую разные аспекты функционирования языковых средств, с помощью которых решается конкретная коммуникативная и когнитивная задача – сообщение носителям языка и культуры социального опыта. Сказанное предполагает описание изучаемых единиц с когнитивной, номинативной и коммуникативной точек зрения при холистическом подходе к анализу текстов в целом. Это позволяет с той или иной степенью уверенности определить по крайней мере три комплекса весьма значимых сведений: (1) набор социокультурно релевантных знаний, необходимых коммуникантам для более или менее успешного взаимодействия в известных условиях (знания о коммуникативной ситуации); (2) разнородные и разноуровневые средства вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений, востребованных при решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи; (3) способы и средства реализации конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, адаптированные к вариативным условиям в коммуникативной ситуации некоторого типа.

Первый комплекс сведений дает исследователю представление о когнитивных стратегиях. Следование когнитивным стратегиям, сложившимся в языковой культуре, позволяет субъекту селектировать воспринимаемые

сведения, категоризовать и концептуализировать их, включая в те или иные ментальные категории, а также перспективировать и профилировать весь комплекс активированных и со-активированных сведений о мире – и при этом выполнять соответствующие когнитивные операции и действия согласно когнитивным образцам, принятым в определенной языковой культуре. В результате реципиент структурирует информационный поток согласно конвенциям, сложившимся в конкретной языковой культуре.

Правомерно говорить о когнитивных стратегиях прямой и косвенной идентификации, аксиологической идентификации, дескрипции, сгущения негативных смыслов и др. (см. примеры (1) 1, (1) 2, (1) 6, (1) 9 и др.). Тип когнитивной стратегии можно определить по характеру признака / признаков, по которому / которым воспринимаемый объект (в широком смысле) подводится под ту или иную ментальную структуру (см. подробнее: [Гришаева, 2020, 21–71, 136–157, 204–254]).

Второй комплекс сведений позволяет исследователю выявить мотивы номинативной деятельности коммуникантов при решении ими некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, а также определить основания для выбора конкретных номинативных средств из набора изофункциональных, то есть выполняющих одну и ту же функцию. Правомерно говорить о номинативных стратегиях прямой и косвенной идентификации, аксиологической идентификации и пр. (см. примеры (1) 3, (1) 4, (1) 8 и др.), а также различать первичные и вторичные номинативные средства, конвенциональные и окказиональные способы решения номинативных задач (см. подробнее: [Гришаева, 2020, 21–71, 136–157, 204–254]).

Отдельные различные номинативные стратегии довольно легко и надежно распознаются по разнообразным лингвистически значимым характеристикам разноуровневых языковых средств. Имеются в виду семантическая структура лексемы, ее дистрибуция, словообразовательные параметры, грамматические свойства той или иной словоформы, функциональный потенциал последней, способы реализации синтаксических связей, характер синтаксической структуры, способы выражения пропозиции и пр. (см. детали, например: [Гришаева, 2020, 21–71]).

Следовательно, по тому, как обозначается в текстовом пространстве тот или иной референт – будь то субъект, объект, признак, свойства, процесс, состояние, действие или даже ситуация / положение дел, можно определить не только тип номинации и, таким образом, тип номинативной стратегии, но и характер признака, по которому соответствующий объект внеязыковой действительности включается в ту или иную ментальную категорию, то есть в конечном итоге и тип когнитивной стратегии; ср.: *Fritzchen – Fritz, Erna – Klein Erna* и т.д.

Третий комплекс сведений предоставляет исследователю возможность исчислить коммуникативные стратегии, реализация которых обеспечивает субъектам познания и коммуникации решение коммуникативной и когнитивной задачи в известных коммуникативных условиях. Возможно также выявить вариативность соответствующих способов решения актуальных для коммуникантов задач. Вместе с этим складываются благоприятные условия, чтобы выявить и проследить более или менее ярко выраженные корреляции между когнитивными и номинативными, когнитивными и коммуникативными, номинативными и коммуникативными стратегиями первоначально в определенном текстовом пространстве, а в итоге – в типе текста как конвенционально сложившемся в культуре инварианте решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи (см. подробнее аргументацию: [Гришаева, 2020, 21–71, 136–157, 204–254]).

Анализ эмпирического материала. Анализ типологии ситуаций общения, отображенной в «детских» анекдотах, можно признать весьма информативным как в социолингвистическом и когнитивном, так и в текстотипологическом отношении. Исследовательская информативность первого и второго ракурса анализа раскрыта в общих чертах выше (см. также примеры, ярко иллюстрирующие сказанное), относительно третьего следует заметить особый функциональный потенциал данного типа текста из класса нарративов.

Специфика обсуждаемого типа текста заключается в том, что наряду с характеристиками, справедливыми для всех нарративных текстов вообще и анекдотов в частности, «детским» анекдотам имманентна полифункциональность и полиадресация.

Первое качество проявляется в одновременной реализации в одном коммуникативном событии нескольких функций: людической и рекреационной, обличительной и социокритической, воспитательной и ориентирующей (см. примеры (1) 6 – (1) 9 и др.). И все названные функции определенно подчинены функции поддержания и воспроизведения культурной идентичности носителей языка и культуры (см. примеры).

Причина заключается в том, что в анекдоте раскрывается объективная сложность и неоднозначность процессов социализации подрастающего поколения в культуру и обусловленность результата социализации характером социального окружения ребенка и особенностями способов их взаимодействия, а также адекватностью действий взрослого в коммуникации с ребенком (ср. только примеры (1) 6 и (1) 7 с примерами (1) 8 и (1) 9). «Детские» анекдоты не только показывают социальную неопытность ребенка, но и раскрывают нередкую ригидность мышления и некорректность действий взрослого, а также их пагубность для освоения социального опыта ребенком (ср. примеры (2) 12 – (2) 15 и другие).

Косвенным образом главное предназначение «детского» анекдота как средства социализации, поддержания и воспроизведения коллективной идентичности коллективного субъекта определяет и такую макротекстовую структурную характеристику, как его очевидную диалогичность. Интересно, что коммуникативную роль «адресант» имеют в анализируемых текстах преимущественно учитель / учительница и в небольших количествах мать, отец, тетя, бабушка, врач, фермер (примеры (1) 8, (1) 9, (2) 12, (2) 14, (2) 16, (2) 21, (2) 22), в то время как коммуникативная роль «адресат» в подавляющем большинстве случаев – у Фрицхена (примеры (2) 17, (2) 18).

Второе качество анализируемых текстов тесно связано с первым, поскольку очевидно, что, по сути, реальными адресатами «детских» анекдотов являются в первую очередь не дети, которые только по первому впечатлению играют главные роли в «детских» анекдотах, а взрослые с их социальной и эмоциональной слепотой и глухотой (ср. пример (1) 5 с примерами (1) 9, (2) 10, (2) 12, (2) 13, (2) 14, (2) 15, (2) 17 и др.). По этой причине реципиенты текстов замечают когнитивный диссонанс⁸, то есть откровенное противоречие между содержанием активированных при рецепции текста стереотипов сознания, с помощью которых обрабатываются рецепируемые сведения о мире, и описываемыми действиями, локализованными в определенном хронотопе (подробнее о социопсихологическом потенциале стереотипов сознания см., например: [Wintermantel, 1994]). Когнитивный диссонанс поэтому вполне правомерно интерпретировать как **когнитивную основу** для реализации людической и рекреационной функций «детского» анекдота. Это же справедливо и по отношению к социально-критической функции анализируемых текстов.

Отмеченные характеристики «детского» анекдота определяют и его концептуальность, а также среду бытования в культуре, его межтекстовые связи в дискурсивном континууме, особенности его включения в интеракцию, а также способность служить средством реализации различных коммуникативных стратегий, в том числе и аллюзивным средством порицания действий взрослого в асимметричной коммуникации, средством экспликации негативной оценки в ситуациях запрета на выражения негативной оценки и/или неуместности либо недопустимости той или иной строгости ее выражения в культуре и т.д. (ср. примеры (1) 8 и (1) 9, (2) 12 и (2) 13, (1) 5 и (1) 3).

Такой потенциал «детского» анекдота вытекает, по всей видимости, также из особенностей пуанта, который в тексте не эксплицируется, а подразумевается, наступает вне текста (см. подробнее о сюжетно-композиционной структуре анекдота и его концептуальности: [Гришаева, 2001, 170 и далее]) (см. примеры).

⁸Когнитивный диссонанс обобщенно можно сформулировать как «Я знаю X, а делаю НЕ-X».

В ходе анализа «детские» анекдоты поэтому характеризуются как отражающие разнообразные способы социализации подрастающего поколения в немецкую культуру. Они наглядно и убедительно демонстрируют разные последствия, наступающие в результате нарушения социальных эталонов взаимодействия. В текстах делается явный содержательный акцент на негативных последствиях для деятеля при нарушении им принятых в социуме способов взаимодействия, хотя это выражается разными способами при доминанции имплицитирования (см. подробнее: [<https://www.familie.de/schulkind/bilderstrecke/fritzchen-witze-ueber-diese-witze-lachenshon-wir-als-kinder/>; <https://www.leben-und-erziehen.de/kind/spielen/fritzchen-witze-991732.html>; <https://www.wissen.de/wer-ist-eigentlich-fritzchen>] и др.).

Поэтому совсем не удивляет, что в текстах явно преобладают различные – и не только учебные – ситуации в школе, то есть с разной степенью детализации описывается официальное и неофициальное общение между взрослыми в разных социальных ролях и учениками. Таких ситуаций практически в два раза больше, чем ситуаций взаимодействия между взрослыми и детьми в иных условиях (см. примеры (1) 6, (1) 7 или примеры (2) 21, (2) 22). В этой группе чуть более половины составляют анекдоты, повествующие о коммуникации главного персонажа с учителями (см. примеры (2) 10, (2) 11, (2) 18, (2) 19, (2) 20 и др.).

ПРИМЕР (1) 6: *Lehrer: «Stell dir vor, du hast fünf Knöpfe in deiner Hosentasche und dir fallen drei Knöpfe raus. Was hast du dann in deiner Hosentasche?» Fritzchen: «Ein Loch».*

ПРИМЕР (1) 7: *Der Mathe-Lehrer zu Fritzchen: «Wenn ich dir sieben Geschenke gebe und ich dir vier wieder wegnehme, was ist das?» Fritzchen: «Gemein!»*

Приблизительно равны в количественном отношении анекдоты о коммуникации Фрицхена с одноклассниками, директором, а также с теми же категориями коммуникантов в музыкальной школе. Следует сразу подчеркнуть, что точные количественные данные здесь не приводятся из-за нецелесообразности подобного шага, поскольку такой шаг не способствует повышению информативности получаемых результатов и не предоставляет дополнительных и качественно новых аргументов и контраргументов.

Немалую долю в просмотренном материале составляют разнообразные ситуации общения Фрицхена со своими родственниками (матерью, тетей, бабушкой, отцом), причем ситуаций общения с матерью определено в несколько раз больше, чем с другими родственниками. В подобных случаях описывается преимущественно неофициальное бытовое общение.

ПРИМЕР (1) 8: *Vater: «Fritzchen, zünde doch bitte den Weihnachtsbaum!» Nach einer Weile fragt Fritzchen: «Papa, die Kerzen auch?»*

ПРИМЕР (1) 9: *Fritz ist bei seiner Oma. Er mag die Suppe nicht. Die Oma: «Iss jetzt, sonst hole ich den bösen Wolf!» Fritz: «Der frisst die auch nicht!»*

Иные типы коммуникативных ситуаций встречаются единично.

Существенной характеристикой общения между Фрицхеном и взрослыми является обилие вопросительных структур, реализующих преимущественно функцию заполнения информационной лакуны со стороны взрослых и самого Фрицхена. Это обуславливает и преобладание такой формальной макроструктуры текста, как вопросно-ответная секвенция (см. примеры (1) 7, (2) 11, (2) 15, (2) 16, (2) 17, (2) 18, (2) 19, (2) 20, (2) 21). Любопытно, что повествовательные структуры в соответствующих вопросно-ответных секвенциях по своему пропозициональному содержанию нередко не гармонируют друг с другом; ср. примеры (2) 11, (2) 12, (2) 15, (2) 16, (2) 18, (2) 22 с примерами (2) 14, (2) 17. Это, по всей видимости, и становится импульсом для активизации у реципиента текста сведений, как правило, конвенционально имплицитруемых в коммуникативных ситуациях, о которых повествует «детский» анекдот.

В обсуждаемом контексте интересно проследить, какие когнитивные и номинативные стратегии реализуются в анализируемых текстах. Характерно, что номинация персонажей происходит с помощью первичных номинативных средств: *Mutter, Vater, Tante, Lehrer, Lehrerin* и т.д., реже используются диминутивы *Fritzchen*, а также *Oma*. Это означает, что в подобных случаях воспринимаемые объекты (в широком смысле) внеязыковой действительности категоризируются по первичным в культуре признакам, то есть идентифицируются. Поэтому правомерно назвать соответствующую номинативную стратегию стратегией прямой идентификации, поскольку в таких случаях функционируют конвенциональные в культуре средства, специализирующиеся на соответствующих номинативных задачах.

Вторичные номинативные средства используются преимущественно при обозначении ситуаций, номинирующих действия Фрицхена и/или последствия от его неумелых действий. Ср.: *schwangersein* (первичная номинация) – *das Kind aufgeessen haben* (вторичная номинация, а именно эвфемизм, стратегия эвфемизации) или *einen dicken Bauch haben* (дескрипция) (см. пример (1) 3). В подобных случаях реализуются также номинативные стратегии косвенной идентификации, при которой категоризация осуществляется по вторичным и/или третичным в культуре признакам воспринимаемого (номинируемого) объекта. При дескриптивной номинативной стратегии объект не идентифицируется по первичным в культуре признакам, однако номинативные средства активизируют комплекс сведений об объекте, причем сведения об отдельных его признаках последовательно вербализуются в коммуникации, задавая такой когнитивный фон, на котором конфигурация активированных признаков как когнитивная фигура подводится под прототип соответствующей ментальной категории.

Любопытно, что качества характера главного персонажа «детских» анекдотов – ни позитивные, ни негативные – не называются как таковые. Эти сведения остаются результатом инференции, они опираются на знания

о мире, хранящиеся в картине мира субъектов познания и коммуникации как комплексе гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений. В этих процессах значение имеют также владение содержанием прямых и переносных нейтральных и аксиологических автостереотипов, знание паттернов взаимодействия, а также прототипов тех или иных ментальных категорий и сложившееся у субъекта умение владеть разнообразными способами инференции в различных ситуациях рецепции (ср. примеры (2) 12–15, (2) 18–22). Ср. пример (1) 8 с примерами (2) 16, (2) 12, чтобы убедиться, насколько важным становится осмысление воспринимаемого текста, если принимать во внимание активируемые, со-активированные языковыми средствами сведения, с одной стороны, и инференцию сведений – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: МГЛУ, 2019. 122 с.

Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 169–179.

Гришаева Л.И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 291 с.

Гришаева Л.И. Закономерное и случайное при варьировании текстов с прецедентными феноменами // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 18: Литература, идентичность и история в немецкоязычном пространстве. М.: Флинта, 2021. С. 339–366.

Девкин В.Д. Язык и юмор: монография / под общ. ред. И.П. Амзараковой. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2015. 208 с.

Козлова Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 176 с.

Махлин М.Л. Карнавализация // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. 1987. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm> (дата обращения: 23.01.2019).

Миловская Н.Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот (на материале немецкого языка). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.

Миловская Н.Д. Anekdotе и Witz. К проблеме трансформаций // Вестник Ивановского государственного университета. 2019. Вып. 1(19). С. 35–40.

Тарасенкова Ю.В. Анекдот как способ отражения мира // Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы: материалы международной научно-практической интернет-конференции. Красноярск, 2011.

Тарасенкова Ю.В. Современный испанский анекдот «chiste» в жанровом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 109–111.

Трошина Н.Н. Смешение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 5. С. 334–339.

Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 115–118.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 143 с.

Bierwirth S. Humor // Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945. Stuttgart – Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 210–211.

Griem J. Simulakrum // Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie / Hrsg. von Ansgar Nünning. Stuttgart – Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 585–586.

Grischaewa L.I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 17: Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. М.: Флинта, 2020. С. 24–47.

Grischaewa L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 19. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2022. С. 120–144.

Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2006. 555 S.

Köster W. Simulation // Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart / Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart – Weimar: J.B. Metzler, 2000. S. 471–472.

Wintermantel M. Stereotype und Vorurteile aus sozialpsychologischer Sicht // Vorurteile zwischen Deutschen und Polen / Hrsg. von Fr. Grucza in Zusammenarbeit mit T. Namowicz, W. Heine mann, G. Antos. Warschau, 1994. S. 81–91.

<https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/1521388> (дата обращения: 11.03.2022).

<https://www.familie.de/schulkind/bilderstrecke/fritzchen-witze-ueber-diese-witze-lachtenschon-wir-als-kinder/> (дата обращения: 25.03.2022).

<https://www.leben-und-erziehen.de/kind/spielen/fritzchen-witze-991732.html> (дата обращения: 21.04.2022).

<https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-nemetskih-anekdotov/viewer> (дата обращения: 01.06.2022).

<https://uofa.ru/chtotakoe-komicheskii-priem-priemy-sozdaniya-komicheskogo/> (дата обращения: 17.06.2022).

<https://www.studienkreis.de/deutsch/anedkdote-merkmale-beispiele/> (дата обращения: 23.06.2022).

<http://philologos.narod.ru/ling/karasik.htm> (дата обращения: 25.06.2022).

<https://www.wissen.de/wer-ist-eigentlich-fritzchen> (дата обращения: 02.07.2022).

<https://moluch.ru/archive/52/6970/> (дата обращения: 03.07.2022).

<https://bigenc.ru/linguistics/text/2138518> (дата обращения: 03.07.2022).

L.I. Grishaeva

*PdD in Philology, Doctor, Professor,
German Philology Department,
Voronezh State University
Voronezh, Russia*

«Children's» Jokes as a Means and a Way to Maintain the Collective Identity of Native Language Speakers within a Culture

The article is devoted to the description of the functional potential of one of the ways of socialization of native language speakers within a culture, namely «children's» jokes in the German culture. These types of text are characterized by obvious cultural specifics, objectified not so much through the environment of functioning and the implementation of the corresponding functions by various means and methods, but through their main characters. The focus of the analysis is on Fritzchen, who, due to his obvious cultural specificity, is interpreted as a

cultural hero (in Geert Hofstede's terms). Therefore, the situations in which Fritzchen's actions are narrated in official and unofficial communication and his reactions to the environment and his actions are analyzed as a way of communicating social norms to a collective subject, as a way of reproducing social standards in a culture which functions «on the contrary», as a means of maintaining cultural continuity and cultural identity in synchrony and diachrony. For this reason, the character qualities attributed to Fritzchen in the “children's” jokes are interpreted as components of the collective identity of a collective subject, relating to the nuclear part of the collective identity of both individual and collective subjects who speak the German language and exist within the German culture.

Key words: the subject of cognition and communication; personal and collective identity of the subject; «children's» jokes as a type of text; ways and means of maintaining and reproducing cultural identity.

REFERENCES

- Anisimova E.E. Religious discourse: functional and anthropological aspects [Religiosnyi diskurs: funktsionalnyi i antropologičeskij aspekt]. Moscow: MGLU, 2019. 122 p. (in Russian).
- Bergson A. Laughter [Smekh]. Moscow: Iskusstvo, 1992. 127 p. (in Russian).
- Bierwirth Sabine. Humor. *Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart*. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945. Stuttgart-Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 210–211 (in German).
- Devkin V.D. Language and humour [Jazyk i jumor]. Ed. by I.P. Amzarakova. Abakan: Hakasskoje knizhnoje isdatel'stvo, 2015. 208 p. (in Russian).
- Duden. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 s. (in German).
- Griem Julika. Simulakrum. *Metzler Lexikon. Literatur- und Kulturtheorie*. Hrsg. von Ansgar Nünning. Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2001. S. 585–586 (in German).
- Grischaewa L.I. Natural and accidental when varying texts with precedent phenomena [Sakonomerhoje I slučajnoje pri varirovanii tekstov s precedentnymi fenomenami]. *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages*. Vol. 18: Literature, identity and history in the German-speaking space. Moscow: Flinta, 2021, pp. 339–366 (in Russian).
- Grischaewa L.I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? *Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages*. Vol. 17: Typology of texts and discursive practices in the German-speaking cultural space. Moscow: Flinta, 2020, pp. 24–47 (in Russian).
- Grischaewa L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel [Tipologija tekstov I diskursivnyje praktiki v nemeckojazyčnom kulturnom prostranstve]. *Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages*. Vol. 19. Nishni Novgorod: Nishni Novgorod State University of N.A. Dobroljubova, 2022, pp. 120–144 (in Russian).
- Grischaewa L.I. Natural and accidental when varying texts with precedent phenomena. [Sakonomerhoje I slučajnoje pri varirovanii tekstov s precedentnymi fenomenami]. *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages*. Vol. 18: Literature, identity and history in the German-speaking space. Moscow: Flinta, 2021, pp. 339–366 (in Russian).
- Grishaeva L.I. Canned joke as a way of capturing social norms, moral and ethical values of society [Anekdot kak sposob fiksacii social'nyh norm I moral'no-etičeskikh cennostej sociuma]. *Essays on the social power of language*. Voronezh: VGU, 2001, pp. 169–179 (in Russian).
- Grishaeva L.I. Dialogues on intercultural communication [Dialogi o mezhkulturnoj kommunikacii]. Voronezh: NAUKA-JUNIPRESS, 2022. 677 p. (in Russian).

Grishaeva L.I. Text variation in communication [Varirovanije teksta v komunikaciji]. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020 (in Russian).

Götze Lutz, Hess-Lüttich, Ernest W.T. Grammatik der deutschen Sprache. Sprachsystem und Sprachgebrauch. Gütersloh/München: Wissen Media Verlag, 2002. 702 s. (in German).

Hofstede Geert. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 2006. 555 s. (in German).

Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse [Jasukovoj krug: ličnost', koncepty, diskurs]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).

Kosačinina A.V. Implementation of the discursive practice of legitimation of values in pedagogical discourse (by the example of the strategy of appeal to authority) [Relisacija diskursovnoj praktiki legitimacii cennostej v pedagogičeskom diskurse (na primere strategii apellacii k avtoritetu)]. Abstract od dissertation ... kand. of Philolog. sciences. Krasnojarsk, 2021. 25 p. (in Russian).

Koslova L.A. Comparative pragmatics: speech acts in an ethnocultural perspective [Sopostavitel'naja pragmatika: rečevyje akty v etnokulturnom rakurse]. Barnaul: AltGPU, 2021. 176 p. (in Russian).

Köster Werner: Simulation. *Metzler Lexikon Kultur der Gegenwart*. Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler, 2000. S. 471–472 (in German).

Luk A.N. Humour, wit, creativity [Jumor, ostroumije, tvorčestvo]. Moscow: Iskusstvo, 1977. 184 p. (in Russian).

Mahlin M.L. Carnivalization [Karnavalizacija]. *Literary encyclopedic dictionary*. Ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev, 1987. Available at: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm> (accessed on January 23, 2019) (in Russian).

Milovskaja N.D. Canned joke and Witz. To the problem of transformations [Anekdote I Witz. K problem transformacij]. *Bulletin of the Ivanovo State University*, 2019, no. 1(19), pp. 35–40 (in Russian).

Milovskaja N.D. Semantics of the comic. A linguistic household joke (based on the data of the German language) [Semantika komičeskogo. Jasykovi bytovoj anekdot (na materiale nemeckogo jasyka)]. Ivanovo: Ivanov State University, 2008. 137 p. (in Russian).

Pushkarjova O.V. Parody as a way of organizing the plot and composition of a canned joke [Parodirovaniye kak sposob sjuzhetno-koposicionnoj organisacii anekdota]. *Philological sciences*, 1996, no. 2, pp. 35–42 (in Russian).

Shmeljova E.Ja, Shmeljov A.D. Russian cabbed joke: Text and speech genre [Russkij anekdot: Tekst i rečevoj zhanr]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kultury, 2002. 143 p. (in Russian).

Šilihina X.M. Irony in academic discourse [Ironija d akademičeskom diskurse]. *Bulletin of the Voronezh State University*. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2013, no. 1, pp. 115–118 (in Russian).

Tarasenkova Ju.V. The modern Spanish canned joke «chiste» in the aspect of genre [Sovremennyj uspanskij anekdot «chiste» v zhanrovom aspekte]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Linguistics, 2014, no. 3, pp. 109–111 (in Russian).

Tarasenkova Ju.V. Canned joke as a way of reflecting the world [Anekdote kak sposob onraženija mira]. *International scientific and practical Internet conference «Spain and Russia: Dialogue of cultures in the light of the modern civilizational paradigm»*, Krasnojarsk, 2011 (in Russian).

Trošina N.N. Mixing of text models as a technique in advertising discourse [Smešenije tekstovyh modelei kak ghem v reklamnom diskurse]. *Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Scholars of Germanic Languages*. Vol. 5. Moscow: Languages of Slavic culture, 2009. pp. 334–339 (in Russian).

Vulis A.Z. Metamorphoses of the comic [Metamorfozy komičeskogo]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 126 p. (in Russian).

Wintermantel Margret: Stereotype und Vorurteile aus sozialpsychologischer Sicht. *Vorurteile zwischen Deutschen und Polen*. Hrsg. von Fr. Grucza in Zusammenarbeit mit T. Namowicz, W. Heineemann, G. Antos. Warschau, 1994. S. 81–91 (in German).

Л.В. Балакина

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-113-122

**О МНОЖЕСТВЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА «ЯЗЫК» В КНИГЕ
А. ТАЛЬМАЙЕРА «HERAUS MIT DER SPRACHE»**

Ключевые слова: *антропоцентризм; когнитивная лингвистика; концептуализация языка; метафора; метафорическая модель.*

В статье рассматриваются метафорические модели, используемые известным немецким писателем, поэтом, переводчиком Андреасом Тальмайером при описании немецкого языка в его книге «Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer». Внимание к языку как объекту исследования возросло в рамках когнитивной лингвистики, рассматривающей естественный человеческий язык, отражающий все многообразие мира, с одной стороны, как оптимальное средство хранения, творческой интерпретации и трансляции знаний человека об окружающей его действительности. С другой стороны, язык – объект научного лингвистического изучения. Оптимальным инструментом познания этого сложнейшего феномена человеческой культуры является когнитивная метафора, позволяющая осмыслить данное абстрактное понятие более конкретно и структурированно. В процессе анализа нами были выделены наиболее частотные метафорические модели: язык – человек, язык – объект природы, язык – объект деятельности человека, язык – сокровищница, язык – система, язык – хаос. Метафорическое представление о языке оказывается связанным с различными семантическими образами, что свидетельствует о сложности, противоречивости и динамичности объекта исследования, многогранность которого обусловлена многогранностью его носителя – человека.

Гибок язык человека,
речей в нем край непочатый.

Гомер

Язык является исключительно важным феноменом человеческой культуры, и потому вопросы, связанные с возникновением, устройством, функционированием языка, всегда занимали умы не только лингвистов, но и психологов, философов, культурологов, собственно, представителей всех направлений науки, так или иначе связанных с человеком. Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в науке второй половины XX века, ставит

человека во главу угла, а язык признает главной, конституирующей характеристикой человека. То, «как человек осмысливает окружающую реальность и собственный внутренний мир посредством языка, какие использует принципы и механизмы представления, хранения, обработки и передачи полученных знаний в том или ином языковом формате», признается сегодня одной из главных задач современной лингвистики [Болдырев, 2021, 168].

Внимание к языку как объекту исследования возросло в связи с появлением и развитием когнитивной лингвистики, в которой язык понимается как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент, как когнитивный процесс, осуществляемый «в коммуникативной деятельности» и обеспечиваемый «особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Кубрякова, 2004, 406]. Язык стал изучаться в когнитивной лингвистике не только «как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова, 2004, 9]. Таким образом, вся получаемая и перерабатываемая человеком в процессе его деятельности информация находит свое отражение в языке. Однако речь идет не о «зеркальном» отражении человеческим сознанием окружающего мира во всем его многообразии, а об активном творческом процессе интерпретации действительности. «Сам принцип ментального моделирования картины мира, известный как антропоцентрический принцип, непосредственно определяется активной ролью человека в этом процессе, его зависимостью от многих факторов <...>, которые обуславливают избирательность восприятия окружающей реальности и ее осмысления» [Болдырев, 2019, 38]. Исходя из этой особенности структурирования мира в языке, Н.Н. Болдырев предлагает выделять в качестве основной, помимо коммуникативной и когнитивной, интерпретирующую функцию языка [Болдырев, 2019, 40].

Необходимым элементом мышления и, соответственно, языка как «сложного устройства интерпретации мира» [Карасик, 2022, 31], без которого человек не может обходиться при восприятии действительности, признается метафора, под которой в рамках когнитивной парадигмы понимается «ментальная операция», «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев, 2007, 17]. Как указывали основоположники когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора от природы присуща человеческому мышлению и познанию и само человеческое мышление метафорично уже по своей сути [Johnson, Lakoff, 1980, 6].

Обращение к метафорическим проекциям обладает целым рядом преимуществ, в частности, позволяет человеку обработать и преобразовать огромные массивы знаний для последующего управления этими ресурсами в своей коммуникативной деятельности [Белютин, 2022, 74].

Когнитивная функция метафоры особенно важна для восприятия и представления абстрактных сущностей, которые не даны нам в непосредственном ощущении. Как указывал Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff, 1993, 245].

Одной из таких абстрактных сущностей является язык. Язык реализуется в разных воплощениях, и эта множественность репрезентаций обуславливает многоплановость его металингвистических описаний.

Цель нашей статьи – обозначить на примере известной книги немецкого поэта, писателя, эссеиста, драматурга, переводчика и издателя Андреаса Тальмайера «Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer» некоторые метафорические модели, используемые автором при описании немецкого языка. Данная книга – глубокая рефлексия автора над естественным языком. В самом начале книги подчеркивается: «Dieses Buch ist keine Grammatik und keine Stilkunde. <...> Er, Andreas Thalmayer, sei nur ein Amateur, der die Wissenschaft zwar bewundere, die Sprache aber liebe» [Thalmayer, 2005, 11]. Автор противопоставляет в данном контексте науку, в том числе науку о языке, которая «препарирует явления языка», и «естественную лингвистику», как называла ее Н.Д. Арутюнова, то есть спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека [Арутюнова, 2000, 7].

В своей работе мы не ограничивали выборку только метафорическими конструкциями со словом-репрезентантом «язык», но учитывали метафоры с другими репрезентантами, объективирующими концепт «язык», – слова, предложения, высказывания, вокруг которых организуется дискурс.

Как метафорические в работе рассматриваются все обороты, содержащие в эксплицитной или имплицитной форме сравнительный элемент, указывающий на сходство двух объектов.

По результатам анализа наиболее распространенной оказалась концептуализация языка как некоей живой сущности. **Язык – живой организм:** он рождается, развивается, умирает. Автор пишет о живых и мертвых языках (*die lebendigen und toten Sprachen; starb eines natürlichen Todes* [Thalmayer, 2005, 73]), о языковых «врожденных» аномалиях (*Kennzeichnung sprachlicher Mißgeburten* [Там же, 66]), о собственной жизни отдельных частей речи (*Überhaupt führen die Partikel, besonders im Deutschen, ein phantastisches, koboldartiges Leben* [Там же, 168]).

В рамках данной модели используется анималистическая метафора: модальные глаголы мутируют и походят на хамелеона (*Wie alle Hilfsverben ist auch sollen im Laufe seiner Geschichte zu einem geduldigen Lastesel mutiert* [Там же, 127], *die Modalverben gleichen eher einem Chamäleon* [Там же, 128]), слова

способны преодолевать большие расстояния, как птицы (*Geflügelte Wörter gleichen den Zugvögeln; sie können große Distanzen überwinden* [Там же, 70]), а значения слов – плодиться, как кролики (*so können sich die Bedeutungen eines Wortes im Laufe der Zeit vermehren wie die Kaninchen* [Там же, 63]).

Но чаще всего язык идентифицируется на базе уподобления его человеку, его чертам характера, процессам жизнедеятельности. Язык нередко отождествляют с человеком. «Язык – это своего рода аналог человека», – писала Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 2000, 7].

Языку приписываются при этом свойства человека не только и не столько как биологического существа, например, структуры языка могут прокрасться, пробираться куда-либо (*Immer schleichen sich semantische und syntaktische Strukturen aus der natürlichen Sprachen ein* [Thalmayer, 2005, 15]), сколько как социального существа: языковые выражения могут делать карьеру (*dagegen haben obszöne Ausdrücke... im zwanzigsten Jahrhundert eine glänzende Karriere gemacht* [Там же, 54]), языки играют в карты (*...auch in dieser Beziehung lässt sich die Sprache nicht immer in die Karten blicken* [Там же, 66]), слова способны путешествовать (*Daß Zigarre und Tomate eine lange Reise hinter sich haben, ist kein Wunder* [Там же, 70], *...wandern heute immer mehr arabische Vokabeln bei uns ein* [Там же, 71]), заниматься гимнастикой (*nur fällt es einem in der eigenen Sprache gewöhnlich gar nicht auf, zu welchen gymnastischen Übungen die meisten Wörter fähig sind* [Там же, 87]) и т.д.

Язык может выступать также как субъект психических и эмоциональных состояний: так, предложения могут выходить из-под контроля (*Sätze, die aus dem Ruder laufen* [Там же, 23]), языки могут на чем-либо настаивать (*daß die Sprache auf der Notwendigkeit der Kongruenz beharrt* [Там же, 115]), сомневаться и медлить (*andere Sprachen weigern sich, einen Plural zu bilden* [Там же, 100]).

Еще один фокус концептуализации языка в рамках антропоморфной метафоры – поведение. Подобно человеку, языки могут безобразничать (*auch im Alltag treibt das Deutsche mit der Personenflexion allerlei Unfug* [Там же, 95]), позволять себе нечто особенное (*manche Sprachen leisten sich darüber hinaus noch einige Extratouren wie die Aspekte oder Aktionsarten* [Там же, 87]).

Язык сам в какой-то степени управляет человеком, влияет на его поведение: *Jede Sprache regelt mehr oder weniger genau, wie einer den anderen anredet, ihn begrüßt und sich von ihm verabschiedet* [Там же, 45].

Языку атрибутируются такие присущие человеку качества и характеристики, как:

– экстравагантность (*...der Dreijährige gibt... syntaktische und semantische Extravaganzen auf* [Там же, 15]);

– загадочность (*an Rätseln und Mißverständnissen fehlt es... in der alltäglichen Rede nicht* [Там же, 67]);

- богатое воображение (*was andere, weit phantasievollere Sprachen zu bieten haben...* [Там же, 100]);
- упрямство (*so gebärdet sich die Sprache auch in diesem Fall eigensinnig* [Там же, 162]);
- смелость (*tapfer halten sich auch viele Präpositionen* [Там же, 150]);
- бережливость (*das Deutsche ist weniger sparsam* [Там же, 88]);
- и даже физиологическое состояние – сытость (*...weil die Terminologie nie satt wird...* [Там же, 96]).

Как видно из примеров, подавляющее большинство характеристик языка коннотированы положительно, что свидетельствует о традиционно позитивной оценке данного культурного феномена, который определяется, например, как «die schönste und folgenreichste Erfindung der Menschen» [Там же, 12], «ценность без сравнения» [Цивьян, 2006, 31], «едва ли не самая яркая когнитивная способность человека» [Кубрякова, 2004, 44].

Язык, как и субъект его использования, способен думать, автор сравнивает язык с человеческим мозгом: *Eine Sprache entwickelt sich... wie ein menschliches Gehirn. Das versteht sich; denn was die Sprache denkt, was in der Sprache denkt, hat ein Analogon in der Konstruktion unseres Gehirn* [Thalmayer, 2005, 13].

Таким образом, выделяется следующая метафорическая модель, концептуализирующая феномен языка: **язык – орган человеческого организма**, прежде всего мозг. Язык воспринимается как непрерывная мыслительная деятельность. Андреас Тальмайер приводит цитату из Людвиг Витгенштейна о разговорной речи: *Die Umgangssprache ist ein Teil des menschlichen Organismus und nicht weniger kompliziert als dieser* [Там же, 13] – и распространяет эту мысль на весь язык, который, подобно человеческому мозгу, очень сложно устроен. С одной стороны, он функционирует по определенным взаимообусловленным правилам, с другой – в нем существует много исключений, не подчиняющихся, кажется, данным правилам: *Und weil das so ist, treiben es die natürlichen Sprachen ebenso bunt wie unsere Gehirne, denen es ja, wie jeder von uns aus Erfahrung weiß, nicht an Launen, Mucken und Absonderlichkeiten mangelt* [Там же, 13]. Язык развивается по своим, ему понятным и естественным закономерностям, где все элементы этого сложного целого не случайны, ничто не ускользает от его внимания: *weil «der Sprache» allemal mehr einfällt als jedem beliebigen Autor* [Там же, 42]. Язык обладает творческой активностью, он способен развивать новые значения, принимать новые слова, например, из других языков. Границы языка всегда открыты: *Sprachgrenzen sind immer durchlässig, die immer sperangelweit offen standen, an denen kein Paß verlangt und kein Zoll erhoben wurde* [Там же, 70]. Все новое язык пропускает через себя и решает, необходимо ли его сохранить или отторгнуть: *Fest steht, daß das Deutsche, wie die*

meisten Sprachen, über einen Magen verfügt. ...Das Fremde wird auf die Dauer entweder problemlos verdaut oder abgestoßen [Там же, 73].

Одна из важнейших функций языка – сохранять зафиксированные в языке знания для передачи их от одного поколения другому. Эта функция языка отражена в метафорической модели **язык – музей, сокровищница**, хранящая, возможно, неактуальную с точки зрения современности (*Versteinerungen* [Там же, 67]), но обладающую бесспорной культурной ценностью информацией: *Es gibt uns zu verstehen, daß in jeder Sprache ungeahnte Kostbarkeiten schlummern, die es nur auszugraben und zu memorieren gilt* [Там же, 60]; *Wird der Genitiv eines Tages im Museum landen? Man könnte es glauben... Aber so leicht ist ein alter Baum nicht mit der Wurzel auszureißen* [Там же, 152].

В данном примере актуализируется еще одна важная область концептуализации: **язык – объект природы**, например река: *Die Bedeutung eines Wortes kann alle möglichen Mäander bilden, sie kann sich verästeln und verzweigen wie der Lauf eines wilden Flusses, der in ein breites Delta mündet* [Там же, 63].

Чаще всего язык сравнивается с деревом: *Sie blüht und gedeiht wie ein Baum, der fast so groß ist wie die Welt* [Там же, 12–13]. Язык громаден, всеобъемлющ, необъятен, здесь важно обратить внимание и на пространственную метафору *so groß wie die Welt*, автор отождествляет пространственно мир и язык. Действительно, мир не существует вне языка, во всяком случае в сознании человека.

Живучесть языка, гарантию его существования обеспечивает разнообразие языков, которые также характеризуются своими, только им присущими особенностями: *Statt dessen blühen, gedeihen und verwelken auf dem Planeten Tausende von Sprachen, und jede von ihnen verfügt über ihre höchst eigenen Laute, ihre Melodie, ihre Wörter, ihren Bauplan, über Schönheiten und Launen, die keine andere zu bieten hat* [Там же, 37]. При этом некоторые языки довольно близки друг другу, некоторые различаются весьма существенно. Мы традиционно говорим о близких, родственных и неродственных языках. Андреас Тальмайер приводит здесь образ родословной: *...so wurden die Familienverhältnisse nach und nach geklärt, und es entstanden herrlich verzweigte Stammbäume, von denen manche bis auf den heutigen Tag als hieb- und stichfest gelten* [Там же, 65].

Разнообразие языков автор сравнивает опять же с разнообразием мира природы: *Und dass jeder Baum sich von jedem andern unterscheidet, dass jeder Ast sich dahin wendet, wo es ihm passt, und dass es keine zwei Blätter gibt, die einander gleichen, ist schließlich kein Nachteil; es garantiert die Variabilität und damit das Überleben der Pflanzen. Und das gilt auch für die schätzungsweise sechs- oder siebentausend Sprachen dieser Erde* [Там же, 13]. Концепт «язык» представлен в книге не только как растение, но и как биотоп, парк: *Eine Sprache entwickelt sich eher wie jedes andere riesige Biotop* [Там же, 13]; *Manche Teile des Parks, durch den der Weg führt, machen einen verwilderten Eindruck; da ist offenbar lange kein Gärtner vorbeigekommen. Andere Regionen sind immer noch gepflegt mit Rabatten*

und beschnittenen Lorbeeräumchen... Aber das stört uns nicht. Wir greifen auch nicht zur Hacke, um Ordnung zu schaffen [Там же, 12].

Обратим внимание, что в рамках флористической метафоры язык предстает не только в роли субъекта – биотопа, самостоятельной, самодостаточной системы (и это еще одна метафорическая модель: язык – система, о которой речь пойдет чуть позже), но и в роли **объекта деятельности человека**. С одной стороны, язык витализируется, он представляет собой часть живой природы, существующей как бы вне участия человека: *da ist offenbar lange kein Gärtner vorbeigekommen* [Там же, 12]; с другой стороны, это ухоженный парк, имеющий форму, которую ему придал человек в процессе своей деятельности, часть культуры, артефакт. Выступая в семантической роли объекта, язык демонстрирует различные варианты отношения к себе и многообразные действия с ним: его любят, им овладевают, его возрождают, с ним справляются и т.д.: *die Sprache kann man lieben* [Там же, 11], *plattwalzen* [Там же, 11], *betonieren* [Там же, 12], *erfinden* [Там же, 12, 15], *entwerfen* [Там же, 13], *beherrschen* [Там же, 14, 19], *einbleuen* [Там же, 14], *zum Leben erwecken* [Там же, 14], *Leben einflößen* [Там же, 27], *fertig werden* [Там же, 15], *stiefmütterlich behandeln* [Там же, 27], *anklagen* [Там же, 102], *sortieren und in kleinen Schubladen unterbringen* [Там же, 167] и.а.

Следующая, уже упомянутая модель – **язык – система**: *jede Sprache funktioniert auf der Basis eines komplexen, abstrakten Systems von Regeln; jedes Regelsystem ist nach den gleichen... Prinzipien ... aufgebaut; dieses allgemeine Schema kann man sich als ein System vorstellen, das den unterschiedlichsten Sprachen vorgibt* [Там же, 19]; *daß in einem so reichhaltigen System wie der natürlichen Sprache mehr passieren kann...* [Там же, 22]. Язык имеет сложное устройство, и, чтобы эффективно выполнять свои функции, он должен быть таким образом организован внутренне, чтобы все его взаимосвязанные части работали слаженно. Если в какой-то части происходит сбой, это сказывается сразу на работе всей системы, которую А. Тальмайер сравнивает с автомобилем: *Auch wer sich nie über die Grammatik den Kopf zerbrochen hat, merkt, daß er <der Satz> knirscht, ebenso wie es auch dem Autofahrer, der von der Mechanik einer Kupplung keine Ahnung hat, sofort auffällt, wenn das Getriebe kreischt, weil er den falschen Gang eingelegt hat* [Там же, 22].

Если определение языка как системы, механизма является традиционным в лингвистике, то метафорическое представление **языка как хаоса** является неожиданным и противоречащим предыдущей модели: *das Englische mit seinem blühenden Chaos* [Там же, 31], *hier zeigt sich ... das Kuddelmuddel unserer Sprache* [Там же, 152], *die chaotische Potenz der Nachsilbe* [Там же, 160].

Проведенный анализ позволяет нам выделить следующие наиболее частотные метафорические модели: язык – живой организм, язык – человек, язык – орган человека, язык – объект природы, а именно язык – животное,

язык – растение, язык – река, язык – объект деятельности человека, язык – соковыщница, язык – система, механизм, язык – хаос.

Анализ примеров даже из одной книги одного автора показывает: неразрывно связанный с человеком и имеющий для человека неизмеримое значение феномен «язык» демонстрирует глубокую, разностороннюю метафорическую концептуализацию. При этом мы хотели бы указать на двойственный, нередко противоречивый характер языка, повторяющий двойственную, противоречивую природу человека [Арутюнова, 2000, 7]. Язык предстает и как целое (экосистема, человеческий организм), и как часть целого (орган человека, растение); и как объект природы, и как культурный артефакт; и как активно действующий субъект, и как ощущающий на себе действие объект; и как безукоризненно организованная система, и как хаос. Метафорическое представление о языке оказывается связанным с различными семантическими образами, репрезентирующими данный концепт. Многогранность бытия языка обусловлена многогранностью бытия его носителя – человека, ибо «язык создан по мерке человека» [Степанов, 1974, 15], поэтому рефлексия над языком непременно оборачивается рефлексией над субъектом его использования. Осознание сложности и противоречивости феномена «язык» побуждает исследовательскую мысль по-прежнему искать ответы на многочисленные вопросы о сущности, устройстве, функционировании языка, приближаться к исчерпывающим ответам на эти вопросы и констатировать, что открывающиеся новые ипостаси языка в нашем стремительно меняющемся мире ставят перед лингвистом все новые вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.
- Белютин Р.В. О спорт! Ты – метафора! К вопросу о спортизации языков и культур // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 2(58). С. 73–82.
- Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике (16–18 мая 2019 г.) / отв. ред. Т.В. Романова. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 37–44.
- Болдырев Н.Н. Фундаментальное и прикладное значение доминантного принципа организации языкового сознания для науки и образования // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2020 «Национальные проекты и профессорское сообщество». М., 2021. С. 168–171.
- Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. Вып. 1. С. 16–32.
- Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29–42.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
- Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 5–16.
- Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Johnson M., Lakoff G. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.

Thalmayer A. *Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer*. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. 192 S.

L.V. Balakina

*PhD in Philology, Associate Professor,
the German Chair,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

**About a Range of Metaphorical Meanings in the Representation
of the Phenomenon of «Language» in the Book «Heraus mit der Sprache»
by A. Thalmayr**

The article examines the metaphorical models used by the famous German writer, poet, translator Andreas Thalmayr when describing the German language in his book «Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer». Attention to language as an object of research has increased within the framework of cognitive linguistics, which considers natural human language that reflects all the diversity of the world, on the one hand, as an optimal means of storage, creative interpretation and transmission of human knowledge about the surrounding reality. On the other hand, language is an object of scientific linguistic study. The optimal tool for exploring this most complex phenomenon of human culture is a cognitive metaphor, which allows us to comprehend this abstract concept in a more concrete and structured way. In the process of analysis, we identified the following most frequent metaphorical models: language is a person, language is an object of nature, language is an object of human activity, language is a treasury, language is a system, language is chaos. The metaphorical representation of language turns out to be associated with various semantic images, which indicates the complexity, inconsistency and dynamism of the object of research, the versatility of which can be accounted for by the complexity of its carrier – the man.

Key words: anthropocentrism; cognitive linguistics; conceptualization of language; metaphor; metaphorical model.

REFERENCES

Arutyunova N.D. Naïve reflections on the naïve worldview [Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine mira]. *Language about language*. Ed. by N.D. Arutyunova. Moscow: Languages of Russian culture, 2000, pp. 7–19 (in Russian).

Belyutin R.V. Oh, sport! You're a metaphor! On the issue of sportization of languages and cultures [O sport! Ty – metafora! K voprosu o sportizacii yazykov i kul'tur]. *Issues of Smolensk State University*, 2022, no. 2(58), pp. 73–82 (in Russian).

Boldyrev N.N. The dominant principle of the organization of linguistic consciousness [Dominantnyj princip organizacii yazykovogo soznaniya]. *Cognitive language studies*. The main editor of the series: N.N. Boldyrev. Is. XXXVII: *Integrativnye processy v kognitivnoj lingvistike* [Integrative processes in cognitive linguistics]: Proc. of International Congress on Cognitive Linguistics, 16-18th of May 2019. The main editor of the issue T.V. Romanova. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publ. House of TSU; Nizhnij Novgorod, DEKOM Publ., 2019, pp. 37–44 (in Russian).

Boldyrev N.N. The fundamental and applied significance of the dominant principle of the organization of linguistic consciousness for science and education [Fundamental'noe i prikladnoe znachenie dominantnogo principa organizacii yazykovogo soznaniya dlya nauki i obrazovaniya]. *Sbornik tezisev po itogam Professorskogo foruma 2020 «Nacional'nye proekty i professorskoe soobshchestvo»* [Collection of theses on the results of the Professorial Forum 2020 «National projects and the professorial community»]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: All-Russian public organization «Russian Professorial Assembly», 2021, pp. 168–171 (in Russian).

Budaev E.V. Formation of the theory of cognitive metaphor [Stanovlenie teorii kognitivnoj metafory]. *Linguocultural studies*, Is. 1, Ekaterinburg, 2007, pp. 16–32 (in Russian).

Karasik V.I. Modelling language functions [Modelirovanie funkciy yazyka]. *Language and culture*, 2022, no. 58, pp. 29–42 (in Russian).

Kubryakova E.S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of Speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world [Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj toчки zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 560 p. (in Russian).

Stepanov Yu.S. Emile Benveniste and Linguistics on the way of transformation [Emil' Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy]. *Benveniste E. General linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1974, pp. 5–16 (in Russian).

Civ'yan T.V. The world model and its linguistic foundations [Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy]. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 280 p. (in Russian).

Johnson M., Lakoff G. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p. (in English).

Lakoff G. *The Contemporary theory of metaphor. Metaphor and thought*. Ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 202–251 (in English).

Thalmayr A. *Heraus mit der Sprache. Ein bisschen Deutsch für Deutsche, Österreicher, Schweizer und andere Aus- und Inländer*. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. 192 s. (in German).

В.В. Познахирев

Университет «Реавиз»
Санкт-Петербург, Россия

УДК 94(47)«17»:94(4+7)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-123-137

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЛЕННЫХ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И РЯДОВЫХ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДА В XVIII ВЕКЕ

Ключевые слова: военнопленные; кормовые деньги; крупы; места интернирования; провиант; солдаты; хлеб.

В статье рассмотрен порядок питания военнопленных в России, Австрии, Англии, Испании, Пруссии, Турции, Франции и Швеции в ходе основных вооруженных конфликтов XVIII столетия. Реконструированы три ключевые западноевропейские модели продовольственного обеспечения пленников, выработанные в процессе поиска оптимального соотношения между выдачей этим людям продуктов в натуральном виде, с одной стороны, и денег, предназначенных для самостоятельного приобретения ими пищи – с другой. Поэтапно исследованы генезис и эволюция соответствующей российской модели. Показано, что в основу последней был положен принцип равенства продовольственного обеспечения военнопленных и русских солдат гарнизонных войск. Подчеркнуто, что, будучи следствием синтеза отечественного и зарубежного опыта, названная модель сохранила лучшие черты из практики Московского государства. Доказано, что по количеству и ассортименту отпускаемых пленным продуктов (36 кг хлеба и 2–3 кг круп в месяц) Россия до середины XVIII века превосходила любую другую европейскую страну и только с началом Семилетней войны 1756–1763 годов уступила это лидерство Великобритании и Франции (да и то лишь в части, касающейся ассортимента). Отдельное внимание уделено способности отечественной модели относительно легко адаптироваться к тем или иным внешним воздействиям, благодаря которой военно-политическому руководству страны удавалось, в частности, решить проблему непривычной пищи для турецких пленников, дифференцированно подойти к питанию унтер-офицеров и рядовых противника в ходе Русско-шведской войны 1741–1743 годов, а также довольствовать пленных пруссаков на основе принципа взаимности в период Семилетней войны 1756–1763 годов.

Как следует из анализа отечественной историографии, вопросы, связанные с питанием иностранных военнопленных, находившихся в России в XVIII веке, остаются до настоящего времени малоизученными. Если говорить конкретнее, то историками они освещаются в лучшем случае фрагментарно, а вернее – в контексте таких проблем, как общие условия интернирования пленников, трудовое использование этих людей, их взаимоотношения с органами власти держащей в плену державы и др. [Макарова, 1994, 44; Познахирев, 2016, 85; Семенова, 1970, 275, 279]. Пожалуй, единственным на сегодняшний день специальным исследованием по данной теме можно признать разве что нашу статью о порядке и правилах продовольственного обеспечения пленных османов в эпоху русско-турецкого вооруженного противостояния конца XVII – начала XX века [Познахирев, 2013].

Что же касается национальных историографий стран Запада, то здесь ситуация, по сути своей, ничем не отличается от российской [Abell, 1914, 15, 138; Martínez-Radio Garrido, 2016, 42; Morieux, 2019, 218, 321]. Об этом говорит и немногочисленность интересующих нас публикаций, и, главное, неполнота имеющейся информации. Например, такой авторитетный современный историк военного плена, как Э. Мартинес-Радио Гарридо, указывает в одной из своих статей, что в период Войны за испанское наследство 1701–1714 годов пленные англичане, голландцы и португальцы ежедневно получали в Испании по 1,5 фунта хлеба [Martínez-Radio Garrido, 2016, 44]. Однако названный ученый явно затруднился определенно ответить на вопрос: выдавалось ли этим людям, помимо хлеба, хоть что-нибудь еще?

Все изложенное свидетельствует о безусловной *новизне* настоящей работы. *Актуальность* же ее видится в том, что она может способствовать как расширению наших представлений о месте России в мире в раннее Новое время, так и выявлению неизвестных ранее особенностей развития страны, детерминированных петровскими преобразованиями.

Объектом изучения выступают пленные унтер-офицеры и рядовые, отнесенные к числу «здоровых» и находившиеся в местах интернирования. Все иные категории пленников оставлены за рамками данного исследования, поскольку питание их могло отличаться более или менее существенно. Это офицеры и лица, составлявшие их прислугу; члены семей военнослужащих; моряки торговых и рыболовных судов; госпитализированные больные и раненые; пленные, еще не покинувшие театров военных действий, а равно находящиеся на этапах эвакуации или в процессе перемещения между пунктами расквартирования, и др.

Предметом работы является порядок обеспечения пищей солдат любой государственной принадлежности, плененных в ходе Северной войны 1700–1721 годов; Войны за испанское наследство 1701–1714 годов; Войны за польское наследство 1733–1735 годов; Русско-турецких войн 1735–1739, 1768–1774 и 1787–1791 годов; Англо-испанских войн 1739–1742 и 1761–

1763 годов; Русско-шведских войн 1741–1743 и 1788–1790 годов; Семилетней войны 1756–1763 годов; Войны за независимость США 1775–1783 годов; Войны за баварское наследство 1778–1779 годов; Австро-турецкой войны 1787–1791 годов, а также Войн Первой и Второй коалиций 1792–1797 и 1798–1802 годов.

Цель статьи: оценить российскую модель продовольственного обеспечения военнопленных и сопоставить ее с аналогичными моделями, принятыми в странах Запада.

Основными *методами* исследования выступают историко-сравнительный, историко-типологический и историко-ситуационный.

Предварительные замечания. Прежде чем перейти к рассмотрению темы, считаем необходимым обратить внимание на следующее:

а) решая вопросы, связанные с питанием пленников, правительства европейских держав, так или иначе, ориентировались на минимальный уровень продовольственного обеспечения собственных унтер-офицеров и рядовых. В соответствии с указанным принципом в России таким ориентиром служил рацион, установленный для солдат гарнизонных войск;

б) поскольку в отечественной литературе можно встретить не вполне совпадающие подходы к количественным характеристикам продуктов, отпускаемых российским военнослужащим, подчеркнем, что в своих дальнейших рассуждениях мы основываемся на требованиях как сенатского указа от 25 августа 1713 года о приеме в губерниях провианта весом, так и именного указа Петра I от 18 августа 1705 года о даче в гарнизонах солдатам, пушкарям и иных нижних чинов служилым людям годового хлебного жалования.

Первый из названных актов устанавливал, что вес четверти муки равняется 7 пудам 10 фунтам (116 кг), а четверти крупы – 8 пудам (128 кг). Согласно второму документу месячная «провиантская дача» солдата гарнизонных войск составляла 1 полуосьмину ($\frac{1}{4}$ четверти, то есть 29 кг) муки и 1 гарнец ($\frac{1}{64}$ четверти, то есть 2 кг) крупы (обычно овсяной или ячневой) [ПСЗРИ, 1830, 4, 290–291; 5, 53]. При этом взамен муки военнослужащему могли выдать ее эквивалент в виде печеного хлеба (36 кг в месяц).

К сказанному необходимо добавить, что Манифестом от 17 марта 1775 года о высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключения мира с Портой оттоманской, норма выдачи круп была доведена до 1,5 гарнца (то есть до 3 кг) [ПСЗРИ, 1830, 20, 82–86];

в) помимо провианта, солдат получал так называемые кормовые деньги, предназначенные для самостоятельного приобретения им пищи, не подлежащей хранению на армейских складах (мяса, рыбы, масла, овощей и т.п.). Но, поскольку в разное время и в различных регионах страны размер кормовых был неодинаков, в настоящей работе эти суммы указываются лишь по мере необходимости, применительно к тому или иному конкретному случаю;

г) все используемые в статье, но не названные выше национальные единицы объема и веса также переведены нами в метрическую систему. В этой связи русский фунт принят равным 400 г, английский и испанский – 450 г, французский – 490 г, а австрийский – 560 г. Кварта округленно приравнена к 1 л, а любая унция – к 30 г. Пинта сыпучих продуктов соответствует 500 г, а жидких – 570 мл;

д) в завершение считаем нелишним заметить, что указанные в работе нормы довольствия не следует воспринимать в качестве единственного источника существования пленников. В большинстве случаев (если не во всех) эти люди располагали дополнительными доходами в виде адресной и неадресной помощи с родины; вознаграждения за выполнение разного рода работ; выручки от реализации собственных изделий кустарного промысла (детских игрушек, плетеных корзин, курительных трубок и т.п.); сельхозпродукции, выращенной ими на участках, арендованных у местных жителей, и пр.

Питание военнопленных в странах Запада. Анализ порядка и правил продовольственного обеспечения военнопленных в странах Запада позволяет выделить три основные модели.

1. Суть первой состояла в том, что пленникам выдавались лишь кормовые деньги, на которые они должны были самостоятельно приобретать все необходимые им продукты. Например, в Швеции в эпоху Северной войны 1700–1721 годов пленник получал по 3 эре в сутки, в Испании в период Англо-испанской войны 1761–1763 годов эта сумма составляла 8,5 куарто, а в Турции в ходе Войны Второй коалиции 1798–1802 годов – 5 пара [Blomqvist, 2014, 30; Moya Sordo, 2019, 172; Şakul, 2012, 182–183].

К преимуществам данной модели нужно отнести ее простоту, низкий уровень затрат на содержание пленников, а также широкую возможность для последних удовлетворять свои гастрономические пристрастия. Вместе с тем модель имела и серьезные пороки, которые повсеместно ограничивали ее применение. В частности, располагая более или менее существенными средствами (кормовые, как правило, выдавались сразу на неделю), пленные могли использовать их для подготовки к побегу или для коррумпирования охраны. Впрочем, гораздо чаще деньги проигрывались ими в кости, а то и просто терялись со всеми вытекающими отсюда для них последствиями.

2. Другая модель, являющаяся куда более распространенной, позволяла до некоторой степени нивелировать указанные недостатки. Принципиальное отличие ее от предыдущей состояло в том, что взамен части кормовых пленнику выдавали хлебный паек, соответствующий, как правило, норме, предусмотренной для собственного солдата. Например, в австрийской армии в ходе Войны за баварское наследство 1778–1779 годов и Австро-турецкой войны 1787–1791 годов он составлял 16,8 кг (30 фунтов) в месяц, а в испанской в период Англо-испанской войны 1739–1742 годов – 20,25 кг (45 фунтов) [Lázár, 2015, 424; Martínez-Radio Garrido, 2016, 42, 44].

В этой связи небезынтересно отметить, что самая низкая месячная норма выдачи хлеба существовала во Франции (13,2 кг, или 27 фунтов) [Abell, 1914, 5]. Что же касается самой высокой, то она достигала 28,2 кг (60 фунтов) и довольствовались по ней пленные россияне, интернированные в Пруссию в период Семилетней войны 1756–1763 годов [РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 145, 6].

Данная модель гарантировала, что пленник при любых обстоятельствах не останется голодным. Правда, она требовала дополнительных расходов на хлебопечение. Но главный ее недостаток состоял в том, что солдаты различных национальностей традиционно употребляли в пищу разные виды хлеба. Другими словами, привыкшие к изделиям из пшеничной муки американцы, турки и французы не без протестов встречали и английский *Brown George*, и немецкий ржаной хлеб, именуемый ими не иначе как *Die derbe Kost* (похабная пища) [Frankreich und Deutschland, 2001–2004].

3. Третья модель утвердилась примерно в середине XVIII века и до конца столетия практиковалась в основном Британией и Францией. Суть ее заключалась в том, что пленники вообще не получали кормовых денег, но зато им предоставлялся относительно широкий набор продуктов питания. К примеру, в Англии в ходе Семилетней войны 1756–1763 годов месячная норма довольствия пленного француза выглядела примерно следующим образом:

- 17,5 кг (39 фунтов) хлеба;
- 8,8 кг (19,5 фунта) мяса;
- 4 кг (8 пинт) гороха;
- 480 г (16 унций) сливочного масла, которое могло быть заменено 720 г (24 унциями) сыра;
- 26 л (26 кварт) пива [Abell, 1914, 4–5].

Париж, в свою очередь, предусмотрел сходную норму для английских пленников, включавшую в себя:

- 13,2 кг (27 фунтов) хлеба;
- 8,8 кг (18 фунтов) мяса;
- 2,9 кг (6 фунтов) гороха или фасоли;
- 720 г (24 унции) сливочного масла;
- 10,3 л (18 пинт) пива или вина [Abell, 1914, 5–6].

Характерно, что данный подход не остался разовым экспериментом. К примеру, англичане предоставляли почти такой же набор продуктов пленным испанцам и французам в периоды Войн Первой и Второй коалиций 1792–1797 и 1798–1802 годов, а также американцам в ходе Войны за независимость США 1775–1783 годов [Abell, 1914, 15, 136, 221; Lindsey, 1973, 17, 30; Martínez-Radio Garrido, 2016, 49].

Если говорить детальнее, то можно отметить, что количество сливочного масла и пива, выдаваемых пленным в Англии, всегда оставалось неизменным. Вес гороха мог колебаться в пределах от 3,6 кг до 4 кг. Существенным было снижение в отдельные периоды нормы выдачи хлеба: с 17,5 кг

(39 фунтов) до 13,5 кг (30 фунтов). В разное время такое снижение коснулось и американцев, и испанцев, и французов. Впрочем, оно компенсировалось 3,6 кг (8 фунтами) овсяной крупы; 2,7 кг (6 фунтами) муки и 240 г (8 унциями) смальца. «Мясная порция» составляла, как правило, от 8,8 кг (19,5 фунта) до 10,1 кг (22,5 фунта). Часть ее иногда заменяли таким же по весу количеством рыбы (сельди или трески) [Abell, 1914, 138, 221]. Наконец, отметим, что в отдельных пунктах интернирования американцы дополнительно получали 720 г (24 унции) сыра. Однако полагавшаяся им норма мяса при этом снижалась до 6,75 кг (15 фунтов) в месяц [Lindsey, 1973, 26].

Конечно, выше нами очерчены лишь основные национальные тенденции в организации питания военнопленных. Реальность могла быть иной, поскольку зависела от слишком многих факторов (состояния государственных финансов, времени года, размера урожая, степени развития логистики, региональных возможностей, уровня цен и пр.). К примеру, во Франции на начальном этапе Семилетней войны 1756–1763 годов пленные англичане получали лишь хлеб и кормовые в размере 3 соля в день [Laliberté, 2018, 124]. В свою очередь, испанцы, интернированные в Шотландию в ходе Войны Второй коалиции 1798–1802 годов, довольствовались не только всеми перечисленными выше продуктами, но также картофелем, рисом и сардинами [Martínez-Radio Garrido, 2016, 49]. Наконец, необходимо иметь в виду, что свои коррективы в меню вносили и религиозные праздники. Например, в Англии пленным на Рождество обычно готовили пудинг, а в постные дни католики получали вместо мяса жареную фасоль [Abell, 1914, 221].

В целом рассмотренная «англо-французская» модель в наибольшей степени обеспечивала равенство уровня жизни всех пленников, а также позволяла содержать этих людей в полной изоляции, предотвращая не только возможные побег, но и нежелательные контакты с местным населением (что, к слову, и сделало ее востребованной в ходе вооруженных конфликтов XIX–XXI веков). Вместе с тем она не решала проблему непривычного хлеба и, что самое главное, требовала значительных затрат, почему и позволить ее себе могли лишь немногие экономически развитые колониальные державы.

Питание военнопленных в России. Прежде чем говорить о XVIII столетии, необходимо заметить, что в Московском государстве продовольственное обеспечение пленников характеризовалось следующими основными чертами:

а) в силу обширных пространств страны, региональных различий в уровнях развития экономики и ряда иных причин общепринятого подхода к организации питания пленных не существовало. Другими словами, набор продуктов и (или) денежные суммы, предоставляемые этим людям, обычно регламентировались отдельными распорядительными актами, рассчитанными на конкретную группу лиц и ограниченными во времени и пространстве.

Как следствие, в одних случаях пленники получали лишь кормовые в размере 1–2 коп. в день (надо полагать, в зависимости от местных цен). В других суммы не определялись, но «привязывались» к стоимости хлеба в том или ином регионе («давать им корму деньгами <...> смотря по хлебной дороговизне»). В третьих рацион военнопленных фактически зависел от усмотрения тех должностных лиц, в ведении которых они находились («велеть им давать корм на Москве, и в дороге, и в городах, чем мочно сытым быть») [Акты Московского государства, 1, 617; 2, 21, 401–402, 444, 634; 3, 279, 464]. Напротив, перечень продуктов выглядел более или менее конкретизированным. Так, 24 февраля 1661 года, то есть в ходе Русско-польской войны 1654–1667 годов, царь Алексей Михайлович предписывал князю И.А. Хованскому выдавать содержащимся в Пскове полякам хлеб из государственных запасов, а также «покупив моль (то есть мелкую рыбу. – В. П.) велеть им в кашу варить <...> и по времени и рыбы покупать» [Акты Московского государства, 3, 278–279];

б) питание пленных не зависело от их государственной или этноконфессиональной принадлежности;

в) рацион пленника в Московском государстве был сопоставим с довольствием донского казака, несущего пограничную службу (38–60 коп. в месяц, включая компенсацию за невыданный хлеб). Вместе с тем он не достигал тех минимальных значений, которые были предусмотрены для рядовых как солдатских полков (90 коп. в месяц), так и полков стрелецких, – 10 руб. в год (помимо провианта) [ПСЗРИ, 1830, 4, 92–94; Акты Московского государства, 1, 316–317; 2, 54, 401–402; Котошихин, 1884, 101].

Что же касается собственно XVIII века, то здесь процесс эволюции продовольственного обеспечения пленных мы дифференцируем на четыре этапа.

Первый ограничивается рамками Северной войны 1700–1721 годов. Лучше всего он может быть проиллюстрирован несколькими наиболее характерными примерами месячных норм питания пленных шведов, которые в самых общих чертах изложены ниже:

1) 1709–1711 годы, г. Москва. Пленники не работают. Их довольствие включает в себя 21,7 кг муки (0,75 полуосьмины) и 30 коп. кормовых [РГАДА, ф. 248, оп. 7, кн. 410, 56 об.];

2) 1711 год, г. Липецк. Пленные трудятся на металлургическом заводе. Их довольствие ограничено 29 кг муки. Кормовые не предусмотрены. Получают заработную плату в размере 25 коп. [РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 249, 72];

3) 1716–1721 годы, г. Санкт-Петербург и пригороды. Пленные выполняют строительные работы. Довольствие состоит из 29 кг муки и 2 кг круп. Кормовые не предусмотрены. Получают зарплату в размере от 30 до 69 коп. [РГИА, ф. 467, оп. 4, д. 460, 3–4, 34, 36–37].

Анализируя перечисленное, надо признать, что до конца Северной войны уровень продовольственного обеспечения шведов так и не достиг показателей, предусмотренных для русских солдат. Если говорить подробнее, то в первом примере мы видим совпадение размеров лишь «денежной дачи» (30 коп.). Вместе с тем пленники не получали круп, а вес выдаваемой им муки был на 25% ниже российской нормы. Во втором примере мука уже отпускалась сполна. В то же время шведы не довольствовались ни крупами, ни кормовыми деньгами. Третий пример отличается от предыдущего только тем, что провиант впервые стал выдаваться пленникам в том же объеме, что и русским солдатам.

Отдельного внимания заслуживают кормовые деньги, которые в обоих последних случаях оказались фактически подменены заработной платой. Полагаем, что однозначно оценить такую подмену непросто. С точки зрения формальной логики она выглядит откровенно сомнительной. В контексте социальной справедливости, напротив, представляется совершенно обоснованной, поскольку россияне, работавшие в те годы на строительстве Петербурга, получали тот же солдатский провиант и зарплату в размере 50 коп. в месяц, то есть довольствовались наравне со шведами [ПСЗРИ, 1830, 4, 466–467]. Что же касается ее юридической оценки, то, с одной стороны, отечественное законодательство прямо запрещало подобные «манипуляции» с собственными военно-служащими. Так, согласно указу царя Алексея Михайловича от 25 мая 1660 года солдатам, занятым на казенных работах, надлежало платить «по алтыну в день *сверх кормовых их денег* (курсив наш. – В. П.)». Позднее это требование было повторено в указе Екатерины II от 3 октября 1769 года [ПСЗРИ, 1830, 1, 512; 18, 995–996]. Однако, с другой стороны, в отношении пленников аналогичная государственно-правовая норма просто отсутствовала.

Ко второму этапу мы относим вооруженные конфликты 30-х годов XVIII столетия, то есть Войну за польское наследство 1733–1735 годов и Русско-турецкую войну 1735–1739 годов. В указанных хронологических рамках пленники стали уже на регулярной основе получать не только провиант «против солдатских дач», но и «настоящие» кормовые деньги, то есть те, которые не имели ничего общего с их заработной платой.

Однако если в отношении поляков данный подход был реализован без каких-либо осложнений [РГИА, ф. 1329, оп. 3, д. 67, 283 об.], то продовольственное обеспечение беспрецедентного для того времени числа плененных турок (около 11 тыс. человек) поставило российский кабинет министров перед двумя взаимосвязанными проблемами:

- рост заболеваемости османов, вызванный употреблением непривычной пищи (в первую очередь ржаного хлеба);
- расширение практики распродажи пленными казенного провианта (турки реализовывали его местному населению с целью приобретения на вырученные деньги желаемых продуктов питания).

К сказанному необходимо добавить, что Петербург испытывал тогда серьезное беспокойство за судьбу находящихся в турецком плену соотечественников (около 2 тыс. человек) и опасался, что Порта может ужесточить режим их содержания, ссылаясь на негуманное обращение со своими подданными в России.

Оптимальным выходом из сложившейся ситуации могла бы стать замена отпускаемого туркам провианта его денежным эквивалентом (1 коп. на человека в день). Однако кабинет министров по каким-то причинам на это не пошел. Вероятно, в Петербурге возобладало мнение, что пленники не смогут эффективно распорядиться деньгами, начнут голодать и в конце концов потребуют от российских властей дополнительных средств.

Во всяком случае, иного объяснения приведенному факту мы не находим.

Третий этап включает в себя Русско-шведскую войну 1741–1743 годов, Семилетнюю войну 1756–1763 годов и начальный период Русско-турецкой войны 1768–1774 годов (до ноября 1769 года). В сущности, этап этот выглядит абсолютно рутинным. Пленники, как и прежде, получали муку и крупу по норме, предусмотренной для русского солдата. Как и прежде, Военная коллегия доносила Правительствующему сенату, что турки в большинстве своем «ржаного хлеба не употребляют, разве в необходимости, отчего по перемене в пище впадают в болезни» или что от солдатского провианта многие из них «изнурились и в крайнюю пришли слабость» [РГВИА, ф. 16, оп. 1, д. 1853, 26 об.; ЦГИАК Украины, ф. 54, оп. 3, д. 5013, 8].

Некоторое различие наблюдалось лишь в размере кормовых денег. Так, шведским рядовым и унтер-офицерам выдавали в день по 1,5 коп. и 2 коп. соответственно, все турки получали одинаково по 2 коп., а пруссаки по 5,5 коп. (в последнем случае Петербург счел целесообразным руководствоваться принципом взаимности, поскольку российским пленным в Пруссии платили кормовые, соответствующие указанной сумме) [РГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 503, 70, 107–108; РГВИА, ф. 39, оп. 1, д. 430, 34; ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 5938, 1].

Четвертый, заключительный этап охватывает большую часть Русско-турецкой войны 1768–1774 годов (с ноября 1769 года) и последующие вооруженные конфликты XVIII века. Его начало мы датируем 4 ноября 1769 года, когда в пункты расквартирования османских пленников был наконец-то направлен указ Военной коллегии, предписывающий «во отвращение некоторых неполезностей» производить туркам лишь «денежную дачу» из расчета 2 коп. кормовых и 1 коп. взамен провианта, «почему они желаемое покупая пищей себя пропитать смогут, а сверх того в провианте в расчете испечения в хлебы излишнее затруднение минется» [РГАДА, ф. 248, оп. 67, кн. 5951, 109].

Приведенный документ ознаменовал отступление России от традиционной формулы «провиант плюс кормовые» и определил порядок питания пленных османов (но только османов!) во всех дальнейших вооруженных конфликтах с Турцией вплоть до середины XIX столетия. Правда, часть пленников Русско-шведской войны 1788–1790 годов, подобно туркам, довольствовалась кормовыми и денежной компенсацией взамен провианта [РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 298, 3]. Однако мы склонны расценивать эти факты как случайные. И вызваны они были, вероятно, тем, что президент Военной коллегии (князь Г.А. Потемкин) оказался тогда в значительной степени поглощен борьбой с Турцией и освоением Новороссии. Войной же со Швецией фактически руководила сама Екатерина II, не всегда имевшая возможность вникать в те или иные детали.

Впрочем, ближайшие подчиненные императрицы отчасти компенсировали отмеченный недостаток. В этой связи нельзя не вспомнить вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерала И.Г. Чернышева. Получив в 1788 году донесение командира Кронштадтского порта, из которого следовало, что тот ограничил довольствие пленных шведов одними лишь денежными средствами, генерал настоятельно рекомендовал командиру порта сохранять контроль над ситуацией, ибо *«человеколюбие требует, чтоб имея деньги [пленные] не померли с голоду (курсив наш. – В. П.)»* [РГА ВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 396, 43].

Разумеется, как и при освещении опыта стран Запада, мы описали выше лишь базовый подход к питанию пленников. Реальность и здесь могла быть совершенно иной. Так, в 1710 году шведы, которых Петр I в преддверии войны с Османской империей срочно направил на строительство укреплений Азова, получали в месяц по 2,5 четверика (36,25 кг) муки, 2 кг круп и даже... 400 г табака! [РГА ВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 248, 18]. Другим примером может служить гарнизон турецкой крепости на острове Березань, капитулировавшей в ноябре 1788 года. В соответствии с распоряжением кн. Г.А. Потемкина месячное довольствие этих людей составляло 30 кг *пшеничного хлеба*, 12 кг мяса и 3 кг круп (светлейший пытался инициировать мирные переговоры с Турцией, используя авторитет и влияние коменданта Березанской крепости) [НБУВ ИР, IX, 21051–21055, 3].

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам.

1. В Западной Европе XVIII столетия задача обеспечения пленных продовольствием решалась в рамках трех разных моделей, выработанных в ходе поиска оптимального соотношения между выдачей продуктов в натуральном виде, с одной стороны, и денег, предназначенных для самостоятельного приобретения пищи, – с другой.

2. Принятая в Московском государстве модель довольствия пленников носила неупорядоченный характер, оставляла слишком широкий про-

стор для произвола со стороны исполнителей и не имела ясной связи с порядком питания собственных военнослужащих, что делало невозможным ее применение в условиях модернизации страны и создания регулярной армии. Вместе с тем указанная модель была явно ориентирована на то, чтобы исключить саму вероятность полуголодного существования пленников, и эта ее направленность была в полной мере заимствована военно-политическим руководством страны в последующую эпоху.

3. Новая российская модель складывалась на протяжении примерно трех первых десятилетий XVIII века и стала следствием синтеза отечественного и зарубежного опыта. В основу модели был положен принцип равного продовольственного обеспечения военнопленных и русских солдат гарнизонных войск, реализуемый по формуле «провиант плюс кормовые». При этом основной акцент делался именно на провианте, тогда как деньги играли скорее вспомогательную роль.

4. По количеству и ассортименту отпускаемых пленным продуктов (36 кг хлеба и 2–3 кг круп в месяц) *Россия до середины XVIII века превосходила любую европейскую страну* и только с началом Семилетней войны уступила лидерство Великобритании и Франции (да и то лишь в части, касающейся ассортимента).

5. Отечественная модель доказала свою способность не только эффективно функционировать, но и относительно легко трансформироваться под воздействием тех или иных обстоятельств. Последнее подтверждается фактами дифференцированного подхода к выплата кормовых шведским унтер-офицерам и рядовым в 1741–1743 годах, довольствия пруссакам на основе принципа взаимности в период Семилетней войны или выплаты шведам компенсации взамен провианта в 1788–1790 годах. Сюда же, разумеется, необходимо отнести и успешное (хотя, конечно, и не самое быстрое) урегулирование проблемы непривычной пищи для турецких пленников в 1769 году, то есть проблемы, которая в мировой истории военного плена всегда относилась к числу наиболее трудноразрешимых.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 767 с.
- Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. 773 с.
- Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 674 с.
- Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ ИР). IX, 21051–21055.
- Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб.: Археогр. комис., 1884. 196 с.
- Макарова Г.В. Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России // Славяноведение. 1994. № 3. С. 43–50.

Познахирев В.В. Особенности управления контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756–1763 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 83–97.

Познахирев В.В. Особенности продовольственного обеспечения турецких военнопленных в России (конец XVII – начало XX веков) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 2. С. 257–266.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. 1029 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 4. 881 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5. 780 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 18. 1031 с.

ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 20. 1034 с.

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 396.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 248.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3. Кн. 503.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 410.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 67. Кн. 5951.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1853.

РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 145.

РГВИА. Ф. 39. Оп. 1. Д. 430.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 467. Оп. 4. Д. 460.

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 298.

РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 67.

Семенова Л.Н. Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга // Исторические связи Скандинавии и России в IX–XX вв.: сб. статей. Л.: ЛОИИ АН СССР, 1970. С. 269–281.

Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины). Ф. 54. Оп. 3. Д. 5013.

ЦГИАК Украины. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5938.

Abell F. Prisoners of war in Britain 1756 to 1815; a record of their lives, their romance and their sufferings. London: Oxford University Press, 1914. 464 p.

Blomqvist O. A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War. Master Thesis. Stockholm: Historiska institutionen, 2014. 79 p. URL: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (дата обращения: 25.12.2022).

Frankreich und Deutschland im Krieg (18.–20. Jahrhundert): Zur Kulturgeschichte der europäischen «Erbfeindschaft». Ein gemeinsames Forschungsprojekt der Historischen Seminare der TU Braunschweig und der HHU Düsseldorf, gefördert von der Deutschen Forschungsgemeinschaft (2001–2004). URL: https://publikationsserver.tu-braunschweig.de/servlets/MCRFileNodeServlet/dbbs_derivate_00001699/Darstellung_nach_Kommunikatorengrupp-pen.pdf (дата обращения: 25.12.2022).

Laliberté R. Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension. Dans: Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval, 21 au 23 février 2018. Quebec: Université Laval, 2019. P. 111–130.

Lázár B. Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91) // Hungarian Historical Review. 2015. Vol. 4, No. 2. P. 418–444.

Lindsey W.R. Treatment of American Prisoners of War During the Revolution // The Emporia State research studies. 1973. Vol. XXII, No 1. 32 p.

Martínez-Radío Garrido E.C. Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio. En: *Verbum. Analecta Neolatina*. Tomus XVII. Fasciculus 1–2. Budapest: Balassi Kiadó, 2016. P. 18–52.

Morieux R. The Society of Prisoners. *Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century*. New York: Oxford University Press, 2019. 448 p. DOI: 10.1093/oso/9780198723585.001.0001.

Moya Sordo V. Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // *Cuadernos De Historia Moderna*. 2019. Vol. 44, No. 1. P. 159–179.

Şakul K. What happened to Pouqueville's Frenchmen? Ottoman treatment of the French prisoners during the War of the Second Coalition (1798–1802) // *Turkish Historical Review*. 2012. Vol. 3. P. 168–195. DOI: 10.1163/18775462X00302005.

V.V. Poznakhirev

*PhD in History, Associate Professor,
Department of History, Humanities,
Social and Economic disciplines,
«Reaviz» University
Saint Petersburg, Russia*

Food Supply of Captured Non-Commissioned Officers and Enlisted Men in Russia and Western Countries in the XVIIIth Century

The purpose of the study is to reconstruct the procedure for providing food to military personnel of various nationalities captured in the wars of the XVIII century. The object of the article is prisoners interned in Russia, Austria, England, France, Prussia, Spain, Sweden and Turkey. The absence of such works in both domestic and foreign historiography indicates the novelty of the work, and its relevance is due to the fact that it allows us to expand and clarify our ideas about the place of Russia in the world in the early modern period. In the process of investigation, mainly historical-typological and historical-comparative method were used. The source base of the article consists of works published mainly abroad, and documents from six archives of the former USSR. In the course of the study, three key Western European models of food supply for prisoners were identified. The genesis and evolution of the corresponding Russian model are studied step by step. The article shows that the basis of the Russian model was based on the principle of equality of food provision for prisoners of war and Russian soldiers of the garrison troops. The article emphasizes that the Russian model was a synthesis of domestic and foreign experience and retained the best features from the practice of the Moscow state of the XVI–XVII centuries. The article proves that in terms of the quantity and assortment of food products released to prisoners (36 kg of bread and 2–3 kg of cereals per month), Russia surpassed any other European country until the middle of the XVIII century and only with the beginning of the Seven Years' War of 1756–1763 was inferior to the leadership of Great Britain and France (and even then only in terms of the assortment). According to the author, the Russian model of prisoners' nutrition was highly effective and could be easily adapted to any situation, including the ethnic and confessional characteristics of individual groups of prisoners of war.

Key words: *prisoners of war; feed money; cereals; internment sites; provisions; soldiers; bread.*

REFERENCES

Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences [Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk]. Vol. 1. Discharge order. Moscow table. 1571–1634. Saint-Petersburg, 1890. 767 p. (in Russian).

Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences [Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk]. Vol. 2. Discharge order. Moscow table. 1635–1659. Saint Petersburg, 1894. 773 p. (in Russian).

Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences [Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoyu Akademiyey nauk]. Vol. 3. Discharge order. Moscow table. 1660–1664. Saint Petersburg, 1901. 674 p. (in Russian).

Institute of Manuscript of Vernadsky National Library of Ukraine (NBUV IR) [Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V.I. Vernadskogo]. IX, 21051–21055 (in Russian).

Kotoshikhin G.K. About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich [O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha]. 3rd izd. Archaeographic Commission Publ., Saint-Petersburg, 1884. 196 p. (in Russian).

Makarova G.V. New materials about the stay of the participants of the T. Kostyushko movement in Russia [Novye materialy o prebyvanii uchastnikov dvizheniya T. Kostyushko v Rossii]. *Slavic studies*, 1994, no. 3, pp. 43–50 (in Russian).

Poznakhirev V.V. Features of the management of the contingent of Prussian prisoners of war in Russia during the Seven Years' War of 1756–1763 [Osobennosti upravleniya kontingentom prusskih voennoplennykh v Rossii v period Semiletnej vojny 1756–1763 gg.]. *Studies in the History*, 2016, no. 6, pp. 83–97 (in Russian).

Poznakhirev V.V. Features of the food supply of Turkish prisoners of war in Russia (late XVII – early XX centuries) [Osobennosti prodovol'stvennogo obespecheniya tureckikh voennoplennykh v Rossii (konec XVII – nachalo XX vekov)]. *Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences*, 2013, vol. 2, pp. 257–266 (in Russian).

The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoi imperii]. Saint-Petersburg, 1830, vol. 1. 1029 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg, 1830, vol. 4. 881 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg, 1830, vol. 5. 780 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg, 1830, vol. 18. 1031 p. (in Russian).

PSZRI. St. Petersburg, 1830, vol. 20. 1034 p. (in Russian).

Russian State Archive of the Navy (RGA VMF) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo flota]. Fund 172. List 1. Record 396 (in Russian).

RGA VMF. Fund 233. List 1. Record 248 (in Russian).

RGA VMF. Fund 233. List 1. Record 249 (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov]. Fund 248. List 3. Book 503 (in Russian).

RGADA. Fund 248. List 7. Book 410 (in Russian).

RGADA. Fund 248. List 67. Book 5951 (in Russian).

Russian State Military Historical Archive (RGVIA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv]. Fund 16. List 1. Record 1853 (in Russian).

RGVIA. Fund 39. List 1. Record 145 (in Russian).

RGVIA. Fund 39. List 1. Record 430 (in Russian).

Russian State Historical Archive (RGIA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv]. Fund 467. List 4. Record 460 (in Russian).

RGIA. Fund 468. List 43. Record 298 (in Russian).

- RGIA. Fund 1329. List 3. Record 67 (in Russian).
- Semenova L.N. Participation of Swedish workers in the construction of Saint-Petersburg [Uchastie shvedskih masterovyh v stroitel'stve Peterburga]. *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii v IX–XX vv.* [Historical ties between Scandinavia and Russia in the IX–XX centuries]. Collection of scientific articles, LOII AN SSSR. Leningrad, 1970, pp. 269–281 (in Russian).
- Central State Historical Archives of Ukraine in Kiev (TSGIAK Ukrainy) [Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyeve]. Fund 54. List 3. Record 5013 (in Russian).
- TSGIAK Ukrainy. Fund 59. List 1. Record 5938 (in Russian).
- Abell F. Prisoners of war in Britain 1756 to 1815; a record of their lives, their romance and their sufferings. Oxford University Press, London, U.K., 1914. 464 p. (in English).
- Blomqvist O. A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War. Master Thesis. Stockholm: Historiska institutionen, 2014. 79 p. Available at: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (accessed on December 25, 2022) (in English).
- France and Germany at war (18th–20th centuries). The cultural history of European «hereditary hostility» [Frankreich und Deutschland im Krieg (18.–20. Jahrhundert). Zur Kulturgeschichte der europäischen «Erbfeindschaft»]. Ein gemeinsames Forschungsprojekt der Historischen Seminare der TU Braunschweig und der HHU Düsseldorf, gefördert von der Deutschen Forschungsgemeinschaft, 2001–2004. Available at: https://publikationsserver.tu-braunschweig.de/servlets/MCRFileNodeServlet/dbbs_derivate_00001699/Darstellung_nach_Kommunikatorengrup-pen.pdf (accessed on December 25, 2022).
- Laliberté R. Prisoners of war and military captivity at the time of the Seven Years' War. Historical perspectives and elements of understanding [Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension]. Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval, 21 au 23 février 2019, Université Laval, Quebec, Canada, 2019, pp. 111–130 (in French).
- Lázár B. Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91). *Hungarian Historical Review*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 418–444 (in English).
- Lindsey W.R. Treatment of American Prisoners of War During the Revolution. *The Emporia State research studies*, 1973, vol. XXII, no. 1, 32 p. (in English).
- Martínez-Radio Garrido E. C. Prisoners of war in the eighteenth century and humanity in misfortune [Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio]. *Verbum Analecta Neolatina*, Vol. XVII, Fasciculus 1-2, Balassi Kiadó, Budapest, 2016, pp. 18–52 (in Spanish).
- Morieux R. The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Oxford University Press, New York, USA, 2019. 448 p. (in English).
- Moya Sordo V. Prisoners of the Spanish privateers. Treatment of prisoners in the eighteenth century [Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII]. *Cuadernos De Historia Moderna*, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 159–179 (in Spanish).
- Şakul K. What happened to Pouqueville's Frenchmen? Ottoman treatment of the French prisoners during the War of the Second Coalition (1798–1802). *Turkish Historical Review*, 2012, vol. 3, pp. 168–195 (in English).

М.В. Суменкова

*Пензенский государственный технологический университет
Пенза, Россия*

УДК 94(470)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-138-149

**ФЛАГМАНСКАЯ РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ БОРЬБЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИИ
(на примере Пензенской епархии)**

Ключевые слова: *государство; Церковь; антиалкогольная борьба; повседневность; церковно-приходские общества трезвости.*

Статья посвящена роли и значению Русской православной церкви в борьбе совместно с государством и обществом с неумеренным потреблением алкоголя в России в начале XX века. Временной период определяется действием казенной винной монополии. Особое внимание уделено антиалкогольной деятельности Пензенской епархии; обращается внимание на объективные трудности, с которыми столкнулась Церковь при противодействии потреблению алкоголя, что было обусловлено аграрным характером территории, на которую распространялась юрисдикция епархии. Анализируется эффективность антиалкогольной борьбы Церкви и государства. В ее рамках рассматривается работа гражданских Попечительств о народной трезвости, их низкая эффективность, проявлявшаяся в росте затрат казны и при этом повышении душевого потребления спиртного. С ними сравнивается работа церковно-приходских обществ, их успехи и достижения. Рассматривается не только значение употребления спиртных напитков для крестьянского быта и традиций, но и их роль в повседневности священнослужителей. Особое внимание уделяется работе церковно-приходских обществ в годы так называемого «сухого закона», когда гражданская борьба за трезвость была свернута. Проводятся параллели с современным этапом антиалкогольной борьбы с целью учесть ошибки и успехи прошлого в настоящем.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 11 сентября, по случаю Дня трезвости, напомнил об особой духовной значимости трезвого образа жизни и о трагических последствиях злоупотребления алкоголем и призвал в дальнейшем прилагать общецерковные усилия к преодолению алкогольного пристрастия¹.

---

¹Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю Дня трезвости // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5494484.html> (дата обращения: 11.01.2023).

Зависимость общественного развития от конкретного феномена повседневной жизни является частью истории человечества. В числе множества продуктов и предметов, создаваемых и потребляемых людьми, алкоголь занимает особое место ввиду своего многообразного влияния на человека в частности и на общество в целом.

Алкоголь в рамках современной методологии познания – яркий пример триадности диалектического метода: сознательное, системное, стихийное. Сознательное выражается в дихотомии взаимодействия человека и алкоголя: к примеру, с алкоголем веселее праздник – печальнее будни; голландские медики доказали, что 20 г спирта или 50 мл вина в день сокращают смертность на 30–35%, при этом употребление даже 100 г спирта или 500 мл вина ежедневно уже болезнь, что усиливает смертность на те же 30–35%. Системное проявляется в зависимости всех сторон общественной жизни в любой исторический период от алкоголя: греки обеззараживали воду вином; скифы утоляли жажду в военных походах кумысом, вином, медовухой; первое чудо, сотворенное Христом, – превращение воды в вино. Стихийное наиболее ярко характеризует каузальность алкоголизации человека и общества: абсолютная истина – в алкогольепотреблении больше вреда, чем пользы, при этом абстинентов в мире не более 10% (считая отказавшихся от употребления спиртных напитков и принимающих лекарства, большинство из которых на спирту).

Человечество, как элемент материи, находится всегда не только в движении, но и в развитии. Развитие подразумевает качественно-количественные преобразования. Алкоголь, как неотъемлемый компонент жизни человека и общества, является причиной и следствием развития. Человечество в VIII тысячелетии до н.э. получило из перебродивших фруктов жидкость, пригодную не только для утоления жажды, но и для расслабления, увеселения. Целенаправленно виноделием человечество занимается с V тысячелетия до н.э. Чрезмерное употребление бродильных напитков – пьянство – осуждалось, но не являлось проблемой для общества. В VI веке н.э. арабам (алхимикам) удалось путем перегонки получить спирт (в переводе с латинского «дух вина»), в IX веке итальянцы изобрели дистилляционный аппарат. И в соответствии с известным диалектическим законом (количественно-качественных изменений) спирт эффективнее, чем вино, стал использоваться как лекарство (к примеру, в средневековой Европе в борьбе с холерой), однако порождал более пагубные последствия, прежде всего алкоголизм, повышал смертность.

Социальная история транслирует многочисленные примеры трансформации общественного сознания, вызванной возникновением новых укладов в экономике, разрушением традиционных систем ценностей. Это и переход от одной формации к другой (к примеру, от феодальной к капиталистической), и от традиционной к индустриальной цивилизации и др. В

связи с этим начало XX века в России – особый, яркий период в истории, иллюстрирующий развитие, то есть модернизацию, всей общественной системы. Схожесть процессов, происходящих в настоящее время в нашей стране, с изменениями начала XX века ставит на повестку дня необходимость системного анализа исторического наследия.

В начале XX века (аналогично и в начале XXI века) алкоголь благодаря эйфоризирующему воздействию на психику в России использовался как источник получения сверхприбылей, как средство отвлечения народа от насущных проблем. При этом государство, общество в целом осознавало «эффект бумеранга»: алкоголизация населения создавала огромные демографические риски (болезни, смертность, психические расстройства, преступность и др.).

Православная церковь всегда боролась с алкогольным недугом, отличая умеренное потребление вина от страсти – пьянства, алкоголизма. В этой связи необходимо проанализировать причины, методы, результаты и оценить эффективность механизмов государственной и церковной борьбы за трезвость в начале XX века. Пензенская губерния – удачный объект исследования, так как в начале XX века она являлась крупнейшим производителем спирта в Российской империи, аграрным регионом, что позволяет перенести ее пример на парадигму общероссийских общественных процессов.

Реформы второй половины XIX века в России затронули все сферы общественной жизни. Алкоголизация населения признана властью серьезной проблемой. Святейший Синод в 1889 году обратился к духовенству с просьбой о содействии правительству в борьбе с пьянством. Повсеместно стали учреждаться церковно-приходские Общества трезвости (ОТ). Первое было открыто в с. Ростовка Нижнеломовского уезда Пензенской губернии в декабре 1889 года. Устав ОТ, напечатанный в «Губернских ведомостях», предусматривал обязательство членов общества не употреблять спиртные напитки в течение года².

В 1894 году в Российской империи стартовала широкомасштабная алкогольная реформа, преследующая нравственные и финансовые интересы. основополагающие мероприятия правительства включали следующее:

- осуществлялся государственный контроль за качеством спиртных напитков: спирт производился частными винокурными заводами, покупался казной и поставлялся на казенные склады, где он очищался (подвергался ректификации), разливался по бутылкам и опечатывался;
- государство строго регламентировало число, место нахождения, время работы казенных и частных питейных заведений;

---

²Древо. Открытая православная энциклопедия. Пензенская Епархия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/8909.html> (дата обращения: 18.01.2023).

– выделялись достаточные средства на организацию общественной пропагандистской, научно-исследовательской, социальной работы, направленной на борьбу с пьянством.

В 1894 году в Пензенской губернии действовали 39 винокуренных заводов, 1 казенный винный склад, 602 заведения, торговавших спиртными напитками. Населению было реализовано 799 тыс. ведер водки – душевое потребление составляло 0,53 ведра на душу.

В 1913 году на 96 винокуренных заводах губернии было произведено 6,5 млн ведер спирта, действовало 4 казенных винных склада и 804 питейных заведения, при этом душевое потребление составляло 0,77 ведра на душу [Отчет, 1914]. Таким образом, нельзя не признать дихотомию: промышленный переворот, дешевая сырьевая база обеспечивали население работой, но это же сделало спиртные напитки доступными даже для неимущих слоев населения, пьянство стало повседневным.

Аграрный характер Пензенской губернии вывел ее на первое место в Российской империи по производству спирта, и это ярко иллюстрировало культовый характер пьянства населения страны.

Необходимо отметить властное влияние обычаев при употреблении спиртного. К примеру, в селах Наровчатского уезда был распространен «...обычай первый стакан водки плескать на пол покойнику, а затем начинать поминки...» [Невзоров, 1916, 10–13]. Кроме того, существовала неразрывная связь в сознании населения всех обычаев с церковными обрядами. Государственный контроль, установленный за заведениями, торговавшими спиртным, дает нам четкое представление о данном явлении. Каждый продавец обязан был вести специальные шнуровые книги с указанием в них, кто, когда и сколько спиртных напитков купил. Так, в с. Серый Ключ 24 июня на престольный праздник взято 7 четвертей, 25 двадцаток (бутылка 1/20 ведра), 34 сороковки [ГАПО, ф. 164, оп. 1, д. 136, 5]. Следовательно, учитывая традиции русского населения, трудно определить понятия «норма» (трезвость) и «аномалия» (пьянство) в отношении традиционного для повседневной жизни явления – употребления спиртного. 81% всех продаваемых спиртных напитков в Пензенской губернии реализовывался в сельской местности. Обрядовый характер потребления отражает и динамика покупки водки по месяцам. Минимум потребления и в городе, и на селе приходился на март (пост), а максимум не совпадал: на селе выпадал на октябрь, когда у крестьян имелись деньги от проданного урожая (пора свадеб), и январь-февраль из-за рождественского мясода и Масленой недели [Норов, 1904, 44; Воронов, 1914, 12].

Российская империя не являлась светским государством, в связи с этим государственная регламентация продажи спиртного, определяемая Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей, стремилась ограничить именно бытовое потребление. Так, время работы винных лавок устанавливалось с 7 утра до 10 вечера в будние дни, в воскресенье и

другие праздничные дни торговля начиналась по окончании поздней Божественной литургии и вообще запрещалась в пяток Страстной недели, первый день Святой Пасхи и первый день Рождества Христова. По особому распоряжению пензенского губернатора наличие питейных заведений было запрещено на Соборной площади Пензы и в местности, прилегающей с запада к Никольскому приходскому храму. Кроме того, не допускались до торговли спиртным должностные лица волостного и сельского правления, церковные старосты. При этом существовали и противоречия: так, среди продавцов казенных винных лавок 2% составляли дети священников. Необходимо пояснить, что оклад продавца был поставлен в зависимость от объема продаж спиртных напитков.

Таким образом, за годы казенной винной монополии (1894–1914) прибыль государства увеличилась в три раза: с 4 млн руб. в 1901 году до 11,9 млн руб. в 1913 году [Отчет, 1914, 42]. За эти годы изменились и демографические показатели региона: количество больных алкогольными психозами увеличилось в три раза, частота поступления алкоголиков в больницу соответствовала росту потребления в январе и октябре; общий уровень «алкогольной» преступности вырос с 25 до 40%, в 43% возбужденных дел не найдено никаких указаний на алкоголь, а в 17% дел пьяными в момент преступления были обе стороны: и потерпевший, и преступник [Машинцев, 1913]. Под влиянием алкоголя в России совершалось 88% непреднамеренных убийств, наносилось 90% ранений. На третьем месте по числу пьяных преступлений были религиозные преступления – святотатства (80,7%). Кроме того, пьянство не обошло стороной и духовенство: оно, как и все население России, страдало от неумеренного употребления алкоголя. Священнослужители сочувственно относились к обычаю приношения вина за исполнение духовных требоисправлений [Булгаковский, 1900; Рачинский, 1898]. Официальный орган печати «Епархиальные ведомости» неоднократно отмечал случаи злоупотребления спиртными напитками среди священников: «За 1902 г. в Наровчатском уезде Пензенской губернии было судимо 15 лиц духовного звания за поступки, совершаемые ими в пьяном виде: Отец N.N. был переведен в другой приход за пляски в трактире и произнесение в церкви непечатных ругательств...» [Епархиальные ведомости, 1902, 3].

Основным просветительским механизмом трезвого образа жизни в годы казенной винной монополии были Попечительства о народной трезвости (ПОТ), учреждаемые обязательно в каждой губернии с введением монополии. Уставы ПОТ утверждались императором. В состав губернских комитетов входили обязательные члены: губернатор, епархиальные власти, директора народных училищ, прокурор окружного суда и управляющий акцизными сборами. За участие в заседаниях служащие не получали материального вознаграждения от казны. В Пензенской губернии среди членов ПОТ 21% составляли священники [Отчет, 1910, 91]. Деятельность комитетов ПОТ осуществлялась за счет

казны, причем ассигнования, выделенные на проведение мероприятий антиалкогольной направленности, вносились Министерством финансов в статью расходов по казенной продаже питей. Таким образом, покупатель, приобретая казенные спиртные напитки стоимостью 8 руб. 40 коп. ведро, уплачивал из них 1 руб. 74 коп. за антиалкогольную борьбу с ним государства [ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 131, 93]. Членами ПОТ не могли быть продавцы казенных винных лавок, военные, несовершеннолетние. При этом если распространителям спиртного запрещалось становиться активными борцами за трезвость, то таковыми могли быть производители спирта. К примеру, наиболее стабильным и успешным в Пензенской губернии уездным комитетом ПОТ Акцизное управление признало комитет в Мокшанском уезде, председателем которого являлся крупнейший и старейший винокуренный заводчик губернии – князь Д.В. Друцкой-Соколинский, который построил за свой счет народный дом, где проводились антиалкогольные лекции со световыми картинками [Отчет, 1907, 3]. За счет средств, ассигнованных казной на антиалкогольную борьбу, при Пензенском казенном винном складе в здании столовой была организована воскресная школа, открытая с разрешения Пензенского епархиального училищного совета, попечительницей школы была утверждена жена управляющего Пензенского акцизного управления С.А. Королько. Ежегодно в школе обучалось до 70 детей рабочих склада и их родственников [ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 703, 10–252]. В арсенале методов борьбы ПОТ присутствовало устройство чайных, клубов, ночлежных домов, читален, что было характерно для антиалкогольной борьбы и пореформенного периода; появились и новые методы: научное исследование причин и последствий алкоголизма, культивирование спорта, оказание помощи членам ПОТ при устройстве на работу, учебу. Деятельность ПОТ отнимала денежные средства из бюджета (ежегодно до 4 млн руб.), а пьянство усиливалось. В декабре 1907 года на заседании Государственной думы по предложению самарского миллионера Н.С. Чельшева и епископа Гомельского рассмотрен законопроект об упразднении ПОТ. В результате ПОТ остались существовать, но финансирование было сокращено на треть, что фактически привело к ликвидации деятельности Попечительств о народной трезвости³ [ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1256, 34].

Помимо гражданских, повсеместно в стране с началом казенной монополии стали учреждаться церковно-приходские общества трезвости. В начале XX века в империи было учреждено 1767 церковных ОТ [Епархиальные ведомости, 1901, 3]. Пристальное внимание духовных властей к отрезвлению вызвано было не только помыслами о излечении народа от пьяного

³Председатель Инсарского уездного комитета ПОТ в отчете писал: «Что касается народных чтений и развлечений, организуемых уездным ПОТ таковые охотно посещаются лицами трезвыми, развитыми, грамотными. Для большей же части населения – неграмотной, это все непонятно, не интересно. Для них вряд ли что можно придумать вместо спиртных напитков...» [ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1256, 34].

недуга, но и необходимостью оздоровить само духовенство. В Пензенской губернии заботами преосвященного епископа Митрофана к 1911 году создано 124 церковных ОТ, в которых числилось 6124 члена. К 1913 году в губернии церковных ОТ было 618 с численностью 21 161 человек [В борьбе за трезвость, 1914, 61].

Уставы церковно-приходских Обществ трезвости, так же как и гражданских, подчинялись «Правилам об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года, утверждались на местах епархиальным начальством и губернатором. Средства церковных ОТ складывались из взносов членов (действительные члены, дававшие на Библии обет абсолютного воздержания от алкоголя, платили 30 коп. в год), пожертвований благотворителей, сборов с лекций, средств от продажи религиозных антиалкогольных картин, поступлений кружечных сборов, выставленных в церкви с разрешения властей [ГАПО, ф. 16, оп. 1, д. 327, 2, 4, 9; д. 46, 7]. Церковные ОТ активно боролись с пьянством. В отличие от гражданских попечительств, преследовавших неумеренное потребление спиртного, религиозные трезвенные организации были направлены на распространение в народе абсолютной трезвости. Принятие в действительные члены церковного Общества трезвости происходило торжественно: «В воскресный или праздничный день, в присутствии священника и остальных членов, перед иконой святого или Евангелием вступавший давал клятву не пить крепких напитков в течении определенного времени, имя вновь принятого члена записывалось в специальную книгу учета трезвенников» [Ушаков, 2001, 40]. Часто проводились чтения и молебны против пьянства. Самым сильным средством для достижения отрезвления являлась исповедь [Булгаковский, 1900, 12]. В отличие от гражданских трезвенных организаций, деятельность церковно-приходских ОТ была успешной, о чем свидетельствует постоянный рост числа организаций и их членов: кроме того, только церковные ОТ продолжили антиалкогольную деятельность в первые годы мировой войны и так называемого «сухого закона» 1914 года.

Антиалкогольные усилия церковных властей можно признать удовлетворительными, так как введение запрета на продажу спиртных напитков населению с началом военных действий в 1914 году показало, что искоренить бытовое пьянство очень сложно. Законодательным актом и просветительской борьбой невозможно перечеркнуть сложившуюся традиционную культуру населения. Отсутствие легального алкоголя привело к осложнению быта крестьянской среды, где водка, увы, утвердилась как эквивалент при оплате услуг, то, чем благодарят священника за прочтение молитвы родительнице, за крещение новорожденных, причастие больного, поминание покойника, освящение дома, односельцев – за сколачивание гроба, вынос тела и рытье могилы [Воронцов, 1916, 35]. Другой канон, который крестьянам всегда приходилось нарушать, – работа в праздничные дни и воскресенье. Из-за сжатых сроков посадки и сбора урожая крестьяне часто прибегали к институту «помочей» – созыву

односельчан на работу артелью в выходные и праздники за обильное угощение и выпивку. В связи с массовым призывом мужского населения в действующую армию количество семей, вынужденных прибегать к помочам, значительно увеличилось, а расплатиться за работу угощением и выпивкой стало невозможно. Государство пыталось «сверху» помочь населению и церковнослужителям. Четвертая Государственная дума обсуждала законопроект, запрещающий священникам употреблять спиртное при совершении требоисправлений, угощать прихожан вином в храмовые праздники, устраивать мирские помочи с угощением, населению употреблять водку на крестинах, новосельях, похоронах, запрещались даже «запой» или «пропой» невесты на свадьбах [ГАРФ, ф. 102, оп. 302, д. 34, 4]. Для системного анализа бытовой ситуации в стране было проведено специальное анкетирование по вопросу дальнейшего запрещения алкоголя. Результаты анкетирования населения Пензенской губернии в сентябре 1914 года констатировали: «Без водки теперь свадьба скучнее прежних похорон», поэтому крестьяне предпочитали откладывать свадьбы до отмены запрета на торговлю спиртным [Термитин, 1915, 34].

В целом крестьянство, да и приходское духовенство оказалось в идеологическом вакууме, так как социально-экономические условия и законодательная инициатива царского правительства и епархиальных властей диктовали новые нормы жизни, а бытовые традиции, складывавшиеся веками, изменить в течение короткого времени было невозможно. В итоге в деревне сначала вспомнили старинные рецепты приготовления домашнего пива и кваса повышенной крепости. Это отчасти позволило не только удовлетворять сельские потребности, но и возить данные напитки в город для успешной продажи. По данным священнослужителей и полиции, пиво и квас готовили практически в каждой избе, особенно по праздникам, для собственного потребления и для массовой продажи в городе алкогольных суррогатов, пользовавшихся огромным спросом. В 1914 году в Пензенской губернии было зафиксировано 73 случая выделки кваса выше установленной крепости, а в 1916 году – 864 [ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 247, 32; д. 402, 2]. Из них 606 нарушений раскрыто в сельской местности. Суррогаты изготавливались крестьянами преимущественно на праздники и помочи, о чем свидетельствует диаграмма раскрытия тайной торговли опьяняющим квасом по месяцам. Максимум приходился на осенние месяцы, а минимум – на время Великого поста. Крепость конфискованного кваса доходила до 12 градусов. Борьба с незаконной торговлей опьяняющим квасом осложнялась тем, что квас всегда был предметом массового потребления и продавался крестьянами на базарах, но установить, превышает ли крепость 1,2 градуса, было затруднительно. В своих отчетах акцизные чиновники писали: «Борьба с торговлей опьяняющими квасами сильно осложняется невозможностью отличить их от квасов нормальных. Это приводит к тому, что, пока определяется крепость, квасовар успевает продать не один десяток ведер, квасов же

на базар вывозиться много, конфисковать и уничтожать их по одному только подозрению нельзя» [ГАПО, ф. 71, оп. 1, д. 247, 67].

Как известно, бродильные напитки не приносят такого ущерба здоровью, как перегонные, так что более ужасным последствием «запрета» стало появление самогонарения. Этому способствовал ряд объективных обстоятельств: значительная выгодность данного промысла, относительная дешевизна сырья, промышленный переворот, появление беженцев из западных губерний, изготавливавших нехитрые брагоперегонные аппараты и обучавших местное население за небольшую цену пользоваться данными приборами [ГАРФ, ф. 102, оп. 302, д. 34, 6]. Стоимость аппарата не превышала 10–20 руб., а бутылка водки-самокурки крепостью 25–32 градуса продавалась по 6–8 руб., по сведениям департамента полиции.

Необходимо признать, что неумеренное потребление алкоголя в годы «сухого закона» отчасти затронуло и духовенство. «Запрет на продажу спиртных напитков» не был абсолютным. В частности, в губернии продолжало работать 11 епархиальных складов, реализующих денатурированный спирт, используемый для освещения, и виноградное вино. Склады находились на балансе Пензенской епархии, обслуживали только нужды церквей и монастырей и по особому циркуляру управляющего акцизными сборами Пензенской губернии были освобождены от отчетности об обороте. Однако с начала действия «запрета» только в декабре 1914 года церковнослужителям по особым разрешениям было отпущено еще и с казенных складов Пензенской губернии 294 ведра спирта, что составляло 50% всего годового оборота церквей.

Трезвенное движение за годы войны сошло на нет. Большинство Обществ трезвости самораспустились, считая, что запрещение легальной торговли спиртным искоренит потребление.

Как видно из вышеизложенного, отрицательные последствия употребления алкоголя, которые правительство пыталось искоренить «сухим законом», не только не уменьшились, но и усугубились. Были разрушены экономические механизмы, удерживавшие империю от развала. Поиск эффективных форм социального управления вызвал дестабилизацию режима царской власти. Революция победила царизм, церковь, но не смогла победить алкоголь.

В настоящее время государство в очередной раз озаботилось народным здоровьем и демографией. В декабре 2009 года принята Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения РФ⁴. Душевое потребление только по официальной статистике составило 16,2 л абсолютного алкоголя. 70% предусмотренных государственной концепцией мер являются просветительскими. Хотя РФ – государство светское, Церковь не

⁴ Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения РФ (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2. Ст. 264.

может остаться в стороне от народной проблемы. В июле 2012 года при Пензенской епархии создан Отдел по противодействию наркомании и алкоголизму. Совместно с полицейскими и медработниками священнослужители проводят беседы и оздоровительные курсы. В ноябре 2012 года при Петропавловском храме г. Пензы создано первое Общество трезвости, около 200 членов которого приняли обет трезвости. В 2014 году весной прошел крестный ход «Пенза за трезвость!», а в сентябре того же года впервые отметили всероссийский День трезвости, по решению Священного Синода Русской православной церкви – 11 сентября.

Таким образом, правительство и население, при активной поддержке Русской православной церкви возрождая антиалкогольное движение, должны учесть ошибки истории.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаковский Д.Г. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. СПб.: Тип. «Народная польза», 1900. 20 с.

В борьбе за трезвость // Антиалкогольный журнал Московского Попечительства о народной трезвости. 1914. № 1.

Воронов Д.Н. Анализ деревенского потребления в Пензенской губернии. Пенза: Типо-Литография т-ва А.И. Рапопорта и К, 1914. 57 с.

Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. Пг.: Государственная типография, 1916. 67 с.

Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1256.

ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 703.

ГАПО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 327.

ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 131, 247.

ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 7318.

ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 136.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 302. Д. 34.

Епархиальные ведомости. 1901, 1902. Январь.

Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения РФ (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2. Ст. 264.

Машинцев В.В. Алкоголизм и преступность в Пензенской губернии. (Опыт статистического исследования) // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 8.

Невзоров В.Ф. Происхождение обрядового алкоголизма (опыт в области этнографии и истории права). Пенза: Типо-Литография т-ва А.И. Рапопорта и К, 1916. 49 с.

Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. СПб.: Типография Н.Н. Клубукова, 1904. 114 с.

Отчет по казенной продаже питей Пензенского Акцизного Управления за 1906, 1909, 1913 г. Пенза: Типо-Литограф. Губ. Правления, 1907, 1910, 1914.

Рачинский С.А. Письма к духовному юношеству о трезвости. Казань: Синодальная типография, 1898.

Термитин Ф.Е. Голос народа, результаты анкет об отношении населения к прекращению продажи крепких напитков. Пенза: Типо-Литография т-ва А.И. Рапопорт, 1915. 60 с.

Ушакова О. Народный недуг // Родина. 2001. № 8.

Что думает население Харьковской губернии о прекращении продажи водки. Харьков: Харьковское губернское земское управление, 1915. 44 с.

Древо. Открытая православная энциклопедия. Пензенская Епархия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/8909.html> (дата обращения: 18.01.2023).

Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю Дня трезвости // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5494484.html> (дата обращения: 11.01.2023).

M.V. Sumenkova

*PhD in History, Associate Professor,
the Chair of Translation and Translation Studies,
Penza State Technological University
Penza, Russia*

The Leading Role of the Russian Orthodox Church in the Anti-alcohol Struggle of the Early Twentieth Century in Russia (on the Example of the Penza Diocese)

The article is devoted to the role and significance of the Russian Orthodox Church in the struggle with the excessive consumption of alcohol in Russia together with the state and society at the beginning of the twentieth century. The time period is determined by the action of the treasury wine monopoly. Some special attention is paid to the anti-alcohol activities of the Penza Diocese; we draw your attention to the objective difficulties which were faced by the church in countering alcohol consumption because of the agrarian nature of the territory covered by the diocese's jurisdiction. The effectiveness of the anti-alcohol struggle of the church and the state is analyzed. As part of it, the work of the Civil Guardianships on People's Sobriety is considered, their low effectiveness in the framework of the anti-alcohol struggle, which manifested itself in an increase of the treasury costs and at the same time an increase in per capita alcohol consumption. The work of parish societies, their successes and achievements are compared with them. The article also reflects on the meaning of drinking alcohol spirits not only in peasant life and traditions, but also their role in the everyday life of clergymen. Particular attention is paid to the work of parish societies during the years of the so-called Alcohol Prohibition, when the civil struggle for sobriety was minimized. Some parallels are drawn with the current stage of the anti-alcohol struggle in order to take into account the mistakes and successes of the past in the present.

Key words: state; church; anti-alcohol struggle; everyday life; parochial sobriety societies.

REFERENCES

Bulgakovskiy D.G. The role of the Orthodox clergy in the fight against folk drunkenness [Rol' pravoslavnogo duhovenstva v bor'be s narodnym p'yanstvom]. Saint-Peterburg: Type «National Benefit», 1900. 20 p. (in Russian).

In the struggle for sobriety [V bor'be za trezvos't']. *Anti-alcohol magazine of the Moscow Guardianship of national sobriety*, 1914, no. 1, p. 61 (in Russian).

Voronov D.N. Analysis of the rural consumption in the Penza province [Analiz derevenskogo potrebleniya v Penzenskoj gubernii]. Penza: Tipo-Lithography t-va A.I. Rapoport and Co., 1914. 57 p. (in Russian).

Voronov D.N. Village life in the days of sobriety [ZHizn' derevni v dni trezvosti]. PG: State Printing House, 1916. 67 p. (in Russian).

The State Archive of the Penza region [Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO)] (in Russian).

GAPO. F. 5. Op. 1. D. 1256 (in Russian).

GAPO. F. 9. Op. 1. D. 703 (in Russian).

GAPO. F. 16. Op. 1. D. 327 (in Russian).

GAPO. F. 71. Op. 1. D. 131, 247 (in Russian).

GAPO. F. 72. Op. 1. D. 7318 (in Russian).

GAPO. F. 164. Op. 1. D. 136 (in Russian).

The State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO)]. F. 102. Op. 302. D. 34 (in Russian).

Diocesan sheets [Eparhial'nye ведомosti]. 1901, 1902. January (in Russian).

The concept of state policy to reduce the scale of alcohol abuse and the prevention of alcoholism among the population of the Russian Federation (approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009 No. 2128-r) [Konceptiya gosudarstvennoj politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogolem i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya RF (odobrena Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2009 g. № 2128-r)]. *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 2. Art. 264.

Mashintsev V.V. Alcoholism and crime in the Penza province. (The experience of statistical research) [Alkogolizm i prestupnost' v Penzenskoj gubernii. (Opyt statisticheskogo issledovaniya)]. *Journal of the Ministry of Justice*, 1913, no. 8 (in Russian).

Nevezorov V.F. The origin of ritual alcoholism (experience in the field of ethnography and the history of law) [Proiskhozhdenie obryadovogo alkogolizma (opyt v oblasti etnografii i istorii prava)]. Penza: Tipografiya Lithography t-va A.I. Rapoport, 1916. 49 p. (in Russian).

Norov V. Treasury wine monopoly in the light of statistics [Kazennaya vinnaya monopoliya pri svete statistiki]. Saint Peterburg: Printing House N.N. Klobukova, 1904. 114 p. (in Russian).

Report on the public sale of drinks of the Penza Excise Office for 1906, 1909, 1913 [Otchet po kazennoj prodazhe pitej Penzenskogo Akciznogo Upravleniya za 1906, 1909, 1913 g.]. Penza: Tipo-Litogr. Lip. Boards. 1907, 1910, 1914 (in Russian).

Rachinsky S.A. Letters to spiritual youth on sobriety [Pis'ma k duhovnomu yunoshestvu o trezvosti]. Kazan: Synodal Printing House, 1898 (in Russian).

Termitin F.E. The voice of the people, the results of questionnaires on the attitude of the population towards the cessation of the sale of hard drinks [Golos naroda, rezul'taty anket ob otnoshenii naseleniya k prekrashcheniyu prodazhi krepkih napitkov]. Penza: Tipografiya Lithography t-va A.I. Rapoport, 1915. 60 p. (in Russian).

Ushakova O. People's disease [Narodnyj nedug]. *Homeland*, 2001, no. 8 (in Russian).

What does the population of Kharkov province think about stopping the sale of vodka [CHto dumaet naselenie Har'kovskoj gubernii o prekrashchenii prodazhi vodki]. Kharkov: Kharkov Provincial Zemstvo Administration, 1915. 44 p. (in Russian).

The Tree [Drevo]. *Open Orthodox Encyclopedia*. Penza Diocese. Available at: <https://drevo-info.ru/articles/8909.html> (accessed on January 18, 2023) (in Russian).

Appeal of Holiness Patriarch Kirill on the occasion of Sobriety Day [Obrashchenie Svyatejshego Patriarha Kirilla po sluchayu Dnya trezvosti]. *Official website of the Moscow Patriarchate*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5494484.html> (accessed on January 11, 2023) (in Russian).

О.В. Кобец

*Смоленский государственный университет спорта
Смоленск, Россия*

Е.В. Кодин

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94(47).084

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-150-169

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ НА СМОЛЕНЩИНЕ СО СТРАНИЦ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ ПУТЬ», 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: советская национальная политика; коренизация; белорусизация; российские регионы; Смоленщина.

В статье представлена практика белорусизации на Смоленщине в 1920 – первой половине 1930-х годов в формате ее отражения на страницах газеты «Рабочий путь» как органа печати Смоленского губкома РКП(б) – ВКП (б) и губисполкома, а с 1929 года – главного печатного органа Западной области, существовавшей до 1937 года с административным центром в Смоленске.

Материалы «Рабочего пути» не формируют у читателя целостного восприятия политики белорусизации на Смоленщине как в российском регионе с компактным проживанием белорусского населения. В губернии не было ни белорусских колхозов, ни белорусских сельских советов, как это имело место, к примеру, у латышей и евреев. Поэтому основным направлением белорусизации стала система образования, то есть введение в отдельных школах белорусского языка и курса белорусоведения, а также попытки перевода ряда школ на белорусский язык.

При этом даже отрывочные данные разных по жанру и объему газетных материалов свидетельствуют, что ни власти губернии всех уровней вплоть до сельских советов, ни титульное великорусское население, ни даже сами белорусы так и не стали активными сторонниками политики белорусизации, лишь формально участвуя в этом процессе, как в одной из многочисленных социально-политических кампаний того времени.

Белорусизация – это часть советской национальной политики, провозглашенной вначале на X съезде РКП(б) в марте 1921 года, получившей через два года свое развитие в решениях XII съезда партии по коренизации в национальных республиках, предполагавшей формирование в них органов власти из числа местных жителей, владеющих родным языком, знающих

быт, обычаи народов, которые обеспечили бы использование родного языка в государственных органах власти и в учреждениях.

В самой Белоруссии этот процесс был обозначен как задача первостепенной важности даже несколько раньше указанных московских решений, когда в декабре 1920 года Всебелорусский съезд Советов, а затем и вторая сессия ЦИК Белоруссии (февраль 1921 года) постановили принять все меры к усилению работы на белорусском языке. Планировалось постепенно перевести все образовательные учреждения, в которых обучались дети-белорусы, на их родной язык преподавания [Практическое разрешение, 1927, 10]. В учебных заведениях вводился белорусский язык как обязательный предмет. Правда, одновременно с постановкой таких амбициозных задач власти республики признавали, что сил и средств на их реализацию у Белоруссии не было: слишком тяжелыми для экономики оказались разрушительные последствия Первой мировой, Гражданской и польско-советской войн [Практическое разрешение, 1927, 12].

Своеобразием политики коренизации, а следовательно и белорусизации, явилось то, что постановлениями центральных партийных органов одновременно предписывалось проведение в жизнь принципов новой политики не только в самих национальных регионах, но и на российских территориях с компактным проживанием там нетитульного населения.

Смоленская губерния не могла не оказаться в ряду таковых, поскольку вся ее история была тесно связана с Белоруссией начиная с эпохи Великого княжества Литовского. В апреле же 1918 года в связи с наступлением немецких войск Смоленск вообще стал административным центром нового территориального образования – Западной области, в состав которой вошли Витебская, Могилевская и Минская губернии. А 1 января 1919 года именно в Смоленске было провозглашено создание Советской Социалистической Республики Белоруссия. После переезда белорусского правительства в освобожденный от немецких войск Минск Смоленск вернется в лоно Москвы.

К середине 1920-х годов численность белорусов на Смоленщине существенно сократится. И это будет связано не столько с территориальными преобразованиями 1924 и 1926 годов, когда в состав БССР будут переданы смоленские Горецкий и Мстиславский уезды (ныне граничат с Хиславичским, Монастырщинским и Краснинским районами Смоленской области), сколько с происходившими глобальными социально-экономическими трансформациями в России. Если детальное статистическое обследование Смоленщины, проведенное Я.А. Соловьевым в 1885 году, делило все население губернии численностью в 1 миллион 83 тысячи человек на две почти равные части: великороссы составляли более 530 тысяч человек, белорусы – более 550 тысяч человек [Сельскохозяйственная статистика, 1855, 100], то уже через полвека ситуация существенно поменялась. По первой Всероссийской переписи населения 1897 года, где национальная принадлежность

определялась не этнической принадлежностью, а ответом на вопрос о родном языке, на Смоленщине белорусов «по языку» оказалось уже лишь немногим более 100 тысяч человек. А по переписи 1920 года (в границах 1925 года после территориальных изменений 1924 года) количество белорусского населения в губернии сократилось до 5,5 тысячи человек (2,6% от общей численности) [ГАСО, ф. Р-161, оп. 1, д. 2182, 24].

Тем не менее в пределах Смоленской губернии к началу политики белорусизации белорусы являлись второй по численности группой населения после великороссов. При этом никакой «белорусской проблематики» в губернии не было ни в XIX веке, ни в 1920-е годы. Местное население воспринимало белорусов как часть русского народа, говорящую на некоем особом русском языке.

В отличие от самой Белоруссии, в российских регионах со значительной численностью белорусского населения (это были также Брянщина, Псковщина, Сибирь, Урал, Дальний Восток) политика коренизации в основном и в первую очередь коснулась системы общего образования; государственные органы, силовые структуры, армия и даже в большей своей части учреждения культуры оказались не затронутыми процессами белорусизации в той мере, как это было в самой республике.

Об этом говорит и то обстоятельство, что главным проводником политики белорусизации в РСФСР станет Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), который уже в 1922 году поставит задачу введения белорусского языка в школах первой ступени и курса белорусоведения в школах второй ступени в российских регионах с компактным проживанием белорусов. Самое непосредственное отношение это, конечно, имело и к Смоленщине. Однако на практике реализовать поставленные задачи в губернии оказалось не просто. Основных препятствий было два: во-первых, неоднозначная оценка целесообразности и необходимости белорусизации местными властями вплоть до неприятия и противодействия со стороны населения губернии, включая самих белорусов; во-вторых, крайне скудные экономические и финансовые возможности региона (см.: [Кобец, Кодин, 2021; 2019а; 2019б]).

Как это происходило на Смоленщине, можно, хотя и не в полной мере, проследить по публикациям на страницах главной смоленской газеты «Рабочий путь», являвшейся органом Смоленского губкома партии и губисполкома, а затем и основным печатным рупором парторганизации и государственных органов власти образованной в 1929 году Западной области. Поскольку белорусизация на Смоленщине в большей своей части нашла некое преломление только в системе образования, неудивительно, что и на страницах «Рабочего пути» читатель в первую очередь получал информацию о школьной сети губернии, а затем и Смоленщины в территориальных границах Западной области.

Вначале в публикациях отмечаются очевидные позитивные сдвиги в советском образовании по сравнению с царской Россией. Так, если в 1911 году в

Смоленской губернии было 1394 школы с общим количеством учащихся, немногим превышающим 101 тысячу человек, то за первые годы советской власти ситуация значительно улучшилась: на конец 1921 года школ первой ступени (1–4 группы) стало уже 2637, учащихся – более 182 тысяч человек. Средних школ, под которыми тогда понимались школы второй ступени (5–9 классы), девятилетки и школы крестьянской молодежи, до революции в губернии не было вообще, на год введения нэпа их «появилось» 109 с количеством учащихся свыше 11 300 человек [Рабочий путь, 1923, 19 января].

Однако уже на втором году нэпа в губернии наблюдается существенное сокращение численности школ. В интервью для «Рабочего пути» ответственный работник губернского отдела народного образования называл такие цифры по количеству школ на 1922/23 учебный год: школ первой ступени – 1600 в сельской местности и 91 в городах, школ второй ступени и семилеток – 68 в сельской местности и 31 в городах [Рабочий путь, 1922, 10 декабря]. Другими словами, по губернии сеть школ первой ступени сократилась до уровня 1914 года [Рабочий путь, 1922, 25 мая]. Из общего числа почти в 340 тысяч детей школьного возраста в сельской местности оставшиеся школы губернии могли принять в свои стены только немногим более 156 тысяч учеников [Рабочий путь, 1923, 19 января].

Похожей ситуация была и по всей стране. То были первые гримасы нэпа, когда центральные власти, то есть государство, снимали с себя какие-либо финансовые обязательства по части школьного образования. Ответственность за школы полностью перекладывалась даже не на губернский, а непосредственно на уездные бюджеты, которые, конечно же, были абсолютно безденежными.

Не изменили ситуацию в лучшую сторону ни введенный в марте 1922 года Смоленским губернским исполнительным комитетом целевой налог на нужды народного просвещения и здравоохранения [Рабочий путь, 1922, 30 марта], ни идея самообложения крестьян по содержанию школ, поскольку сразу стало ясно, что далеко не каждая деревня могла взвалить на себя такие обязательства. Не прижилась в губернии и практика так называемых «договорных школ». И потому с 1922/23 учебного года самым надежным и, главное, стабильным стало введение платности обучения [Рабочий путь, 1922, 30 марта]. Создание же частных школ для нормализации ситуации с обучением детей категорически отвергалось [ГАСО, ф. Р-13, оп. 3, д. 184, 131].

Такой же тяжелой ситуация была и в школах Горецкого и Мстиславского уездов, недавно переданных Смоленщине из состава Гомельской губернии, которые вскоре войдут в состав Могилевской губернии Белорусской республики. На начало 1924 года, пока Горецкий уезд был в составе Смоленщины, школьная сеть уезда состояла из 124 школ первой ступени, 5 школ второй ступени и одной семилетки. Учащихся было около 10 тысяч. Отмечалось, что не все школы имели «свои» помещения, 62 школы находились в наемных зданиях. По результатам обследования отдельных волостей делался вывод, что

«местная власть до преступности мало уделяет внимания школе». Приводились такие примеры: помещение Котелевской школы Торской волости стояло «без стекол и без крыши», дети учились «в одной половине церковной сторожки», вторая ее половина была свободна, но не было дров для отопления. Как общие недостатки отмечались отсутствие учебников и теснота помещения [Рабочий путь, 1924, 1 января].

В это время конкретно о белорусизации губернская газета не дает никаких материалов. Хотя проблемы национальных меньшинств, конечно, обсуждаются, но без какой-либо конкретики. Так, например, в середине февраля 1924 года губернское совещание заведующих агитационно-пропагандистскими отделами дает такого рода безадресную установку: «На местах изыскать средства на приобретение учебников и пособий для школ нацмен» [Рабочий путь, 1924, 21 февраля]. Кто должен изыскивать? За какие средства? И далее следует требование приступить «к систематическому снабжению литературой на родном языке». Очевидно, что такого рода решения принимались не более как для факта их наличия: мол, вопрос держится на контроле и как бы решается.

Общая же оценка положения школ в губернии на лето 1926 года в заметке о прошедшем губернском совещании заведующих уездными отделами народного образования все еще достаточно нелицеприятна: «Потрепанное за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова “база” нашей школы» [Рабочий путь, 1926, 18 июня].

К этому добавляется перманентная и почти не поддающаяся разрешению проблема ликвидации неграмотности. На начало 1925 года в Смоленской губернии все еще имелось 200 тысяч неграмотных в возрасте 14–35 лет. В основном это были крестьяне [Рабочий путь, 1925, 4 января]. В 1926 году количество неграмотных снизилось до 160 тысяч человек. Но с учетом рецидива неграмотности эта проблема будет оставаться актуальной даже в начале 1930-х годов.

Первая заметка о смоленских белорусах с попыткой некоего анализа их положения в губернии появится на страницах «Рабочего пути» только в начале 1926 года. 13 января публикуется материал «Белоруссы в Смоленской губернии» (так в тексте – две «с»). Называется общая цифра численности белорусского населения в губернии – 81 тысяча человек. Из них сельского населения – 72 тысячи, в городах проживало около 9 тысяч белорусов: больше всего в Рославльском уезде – 49 тысяч (в приграничных волостях – Петровической, Шумячской, Хиславичской, Ершичской, Корсиковской), в Смоленском уезде – около 24 тысяч (в Бохотской, Любавичской, Монастырщинской, Руднянской волостях) [Рабочий путь, 1926, 13 января].

При этом автор публикации явно вводит читателя в заблуждение своим утверждением, что данное население отнесено к белорусам, поскольку «оно го-

ворит на белорусском языке». С этим как раз была большая проблема. Что и признается, по сути, констатацией в том же материале следующего: «До настоящего времени население обслуживается школами на русском языке и учителями, не знающими белорусского языка» [Рабочий путь, 1926, 13 января]. И далее: «...школы к переводу на белорусский язык подготовлены не были, и в 1925/26 уч. году учителя, могущие работать в белорусских школах, начали опять работать на русском языке» [Рабочий путь, 1926, 13 января].

А затем корреспондент позволяет себе вообще поставить под сомнение необходимость белорусского языка на Смоленщине. Читаем: «Часто слышны возражения – откуда эти белоруссы, когда они живут среди русских очень давно. Иногда это пренебрежение к белорусскому языку сказывается и у самих крестьян, которые так долго слышали насмешки над его языком. Вот характерная фраза, сказанная учителю-белоруссу в Рославльском уезде, когда тот заговорил о переводе школ на белорусский язык: “Тэтак гаворим мы дома, а у школе трэба вучицца так, як гаворуць у горадзе”» [Рабочий путь, 1926, 13 января].

И только летом 1926 года ставится в плоскость практического решения вопрос о переводе отдельных школ полностью на белорусский язык. «Школьная сеть на белорусском языке основательно развернется лишь с этого года, – констатирует газета. – До сего времени в школах первой степени белорусский язык преподавался лишь как отдельный предмет, теперь же все преподавание в школах, в которых преобладают дети белоруссов, будет вестись на белорусском языке, начиная с первого класса» [Рабочий путь, 1926, 6 июля]. Заметим здесь сразу: эта задача не будет выполнена в регионе в заявляемом ключе никогда, вплоть до свертывания процесса белорусизации в первой половине 1930-х годов.

Тем не менее в номере от 7 ноября 1926 года, посвященном национальной политике в СССР, корреспондент уже рапортует о серьезных успехах в работе с белорусами: «Достижения белоруссов в Смоленской губернии... значительные. Работа среди белоруссов проводится всего лишь второй год, но несмотря на это она уже принесла большие плоды» [Рабочий путь, 1926, 7 ноября]. Здесь важно обратить внимание на следующее. Во-первых, официальный орган власти признает, что ранее белорусская тематика в губернии вообще серьезно не рассматривалась. Во-вторых, «плоды» работы представлены слишком уж неопределенно. Они перечислены так: «Существует ряд школ на белорусском языке, открыты белорусские отделения при рабфаке и совпартшколе, в некоторых школах вводится белоруссоведение. В некоторых библиотеках и красных уголках уже введены белорусские отделения» (курсив наш. – О. К., Е. К.). Ни количественных, ни тем более качественных показателей работы здесь нет. Хотя само внимание к вопросам белорусского населения губернии, как, впрочем, и других малых народов, уже заметно.

В губернии в то время было 12 национальных меньшинств. На нужды народного образования этой части населения Смоленщины в 1927 году было

отпущено более 133 тысяч рублей, что составляло два процента губернского бюджета. 6 апреля 1927 года на совещании при губисполкоме с представителями национальных меньшинств признавалось, что школы национальных меньшинств в некоторых местах губернии находились «в худших материальных условиях, чем общая школа», и ставилась задача «с нового бюджетного года улучшить их положение путем отпуска достаточных средств на наем помещений, школьный ремонт и приобретение инвентаря», а также «увеличить школьную сеть национальных меньшинств, одновременно обратив особое внимание на развертывание сети белорусских школ» [Рабочий путь, 1927, 3 июля]. Добавим, что кроме школ в 1927 году в губернии имелось всего лишь два инструкторских пункта по ликвидации неграмотности для белорусов, пять красных уголков, шесть белорусских отделений при библиотеках.

1927 год можно в целом считать переломным как в вопросах общего школьного строительства в губернии, так и в вопросах национального образования. «Рабочий путь» с нескрываемой гордостью констатировал, что летом 1927 года в губернии развернулось большое строительство 27 новых школ [Рабочий путь, 1927, 14 августа], одновременно капитально отремонтировалось 431 здание школы [Рабочий путь, 1927, 12 августа]. Такого размаха и внимания к нуждам образования губерния не знала с самого начала десятилетия. Смоленщина уже могла гордиться тем, что по числу школ первой ступени она имела в 1927 году «превышение дореволюционного числа на 210». «Наследие годов разрухи – плохое качество работы школ – из года в год изживается и уже теперь в первых и вторых группах достигнуто вполне нормальное положение», – читаем в одном из номеров губернской газеты осени 1927 года [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Такая оценка в полной мере относилась и к национальным школам. Если в 1924 году, который корреспондент берет для отсчета начала активной работы по развитию сети национальных школ губернии, на Смоленщине имелось всего 15 школ первой ступени и две второй ступени, то в 1927 году их было уже 60 и 11 соответственно [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Аналогичные процессы имели место и в отношении белорусского населения. Да, констатирует газета, работа с этой частью жителей губернии «началась не так давно». Если работа среди латышей и евреев имела «за плечами 8–9 лет, то белорусская – 2–3 года» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября]. Но «и за этот сравнительно короткий срок сделано было порядочно», утверждает корреспондент. И отмечает, что более всего «продвинулась вперед школьная работа». За 1926/1927 учебный год и в начале 1927/1928 года «была основана сеть белорусских школ 1 ступени». И если в 1926/1927 году только в 18 школах первой ступени были переведены на белорусский язык первые группы, то на 1927/1928 год уже 36 школ первой ступени «начали белоруссизироваться» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября]. В школах же повы-

шенного типа, которым в течение двух-трех лет еще предстояло пополняться учениками, завершавшими первую ступень на русском языке, в 1927 году был пока только введен предмет «белоруссоведение». И лишь через два-три года планировалось «постепенно провести полную белоруссизацию» школ повышенного типа [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Одновременно заметим, что именно в этом номере газеты впервые за многие годы было использовано понятие «белоруссизация»! Данная корреспонденция губернской газеты фактически признает тот факт, что, по сути, вплоть до 1926 года вопросами белоруссизации на Смоленщине не занимались: сеть белорусских школ к этому времени еще была только «основана», и школа только «начала белоруссизироваться»! Тем не менее вывод делался следующий: «Все это показывает, что работа среди белорусского населения губернии идет по верному пути, что обслуживание многих тысяч белоруссов на их родном языке необходимо, и к десятилетию Октября, правильно разрешившего национальный вопрос, мы имеем в работе среди белоруссов, несмотря на сравнительно короткий срок, целый ряд реальных достижений» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

При этом буквально за несколько месяцев до такой оценки газета обращает внимание читателя на то, что даже все возрастающие расходы на белоруссизацию не снимают остроты постоянно обсуждаемого, особенно в крестьянском сообществе, вопроса о целесообразности данной политики. Наиболее ярко это было отражено в двух объемных заметках в августе 1927 года под общим названием «Белорусы в Смоленщине».

В самом начале автор заявлял, что ему приходилось довольно часто встречаться с людьми, убежденными в том, что работа среди белорусского населения в Смоленской губернии велась «впустую, что белорусского населения в губернии нет...» [Рабочий путь, 1927, 19 августа]. И далее читатель знакомится с результатами работы, проведенной экспедицией, организованной фольклорно-диалектологической комиссией Института белорусской культуры. Комиссия в июне-июле 1927 года обследовала Смоленскую губернию по маршруту Смоленск – Демидов – Велиж – Белый – Ржев.

В газете приводятся выдержки из отчета комиссии: «Приходилось встречаться с горожанами (речь о Смоленске. – О. К., Е. К.), которые родились и всю свою жизнь прожили в Смоленске, и которые считают себя белорусами, но у которых замечается какая-то боязнь чего-то, будто их может кто-то наказать за то, что они – смоленские белорусы. Это – наследие упорного, в продолжении двухсот с лишком лет, проведения “царской национальной политики”. Приходилось встречаться и с таким типом местной интеллигенции, которая, обрусевши, забыла свой родной язык и культуру, но которая чувствует, что великорусский язык и культура для них чужие. Они говорят: “Мы не великороссы и не белоруссы, а смоляне”» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

«Много есть в Смоленске и таких, которые с пеной во рту рассказывают самые дикие, глупые сплетни, выдуманные великорусскими шовинистами и

черносотенцами о белорусской нации, белорусском языке и культуре, – цитировалось далее из отчета. – Большинство таких врагов белорусщины падает не на обруселых смолян, а на выходцев из Великороссии. Если отбросить ругань, выдумки и тому подобный, не заслуживающий внимания материал, то их детские “рассуждения” сводятся к следующему: “Вообще отделение окраинных народов от России вредно; никаких культур, кроме русской, нет и не нужно; у белоруссов все должно быть чисто русским, об этом говорит и корень “рус”, она исконная русь с некоторыми особенностями; эти особенности есть между Архангельской и Рязанской губ., но отсюда не делается вывод, чтобы и в них делать особые республики. Белоруссизация – искусственная вещь...” Сквозь эти доводы ясно видны русские “союзники” и вообще черная сотня; плохо только то, что они ширятся и популяризируются среди советской беспартийной общественности Смоленска» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

Жителей же Смоленского уезда комиссия в принципе причисляла к белорусам: «Сами себя здешние жители считают “русскими”, и молодежь в большинстве довольно хорошо говорит по-русски. Но не нашлось ни одного белорусского слова, которого бы не знали... Теперь и старое поколение, под влиянием молодежи и русской школы, старается выбросить из употребления какие бы то ни было примеры белорусского языка и смотрят на них, как на “некультурность, отсталость, необразованность”. При этом народные обычаи, обряды, песни и их мелодии, равно как и одежда старого поколения, строения являются одинаковыми с теми, что и в центральной Белоруссии – Минщине» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

В итоге, так же как и в начале XX века сделал по результатам своей этнографической экспедиции Е.Ф. Карский [Карский], комиссия заключала: «Безусловно, что согласно этнографическим и антропологическим данным, население Смоленского уезда (здесь надо пояснить, что тогдашний Смоленский уезд объединял гораздо большую территорию, нежели современный Смоленский район. – Е. К., О. К.)¹ является частью белорусского народа, хотя в большой степени срусифицированного. И возможно, что ранее полученные статистические цифры о национальном составе населения при беспристрастном этнографическом освещении необходимо считать не совсем правильными» [Рабочий путь, 1927, 19 августа]. Комиссия делала вывод, что «те официальные данные о белорусском населении губернии, которые имеются в настоящее время, требуют известного пересмотра» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

Похоже, что перед комиссией стояла задача «найти» на Смоленщине как можно больше белорусов вопреки имевшим место реальным процессам. В этом отношении позиция смоленских губернских властей выглядит более объективной. В конце 1920-х годов последние констатировали, что само бе-

¹ В 1926 году в Смоленский уезд входило 14 волостей, включая нынешние отдельные районы области: Кардымовский, Краснинский, Монастырщинский, Починковский, Руднянский.

лорусское население «уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748, 278], относится к белорусизации «индифферентно», а одной из форм своеобразного сопротивления политике белорусизации становится практика «самозачисления» белорусов в состав российского этноса путем саморусификации, когда предпочтение отдавалось русскому языку вместо белорусского.

К концу 1920-х годов, отмечает известный специалист по межвоенной белорусской истории Ю.А. Борисенко, закончится «активная фаза белорусизации» [Борисенко, 2013, 145], причем как в самой Белоруссии, так и в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. Но это никак не означало, что процесс быстро свернется. Белорусизация на Смоленщине, в первую очередь в части развития национальных школ, продолжится и в рамках нового территориального образования – Западной области, в состав которой Смоленская губерния вошла полным территориальным составом.

В июне 1929 года областное оргбюро ЦК ВКП(б), занимавшееся вопросами формирования Западной области, констатировало следующее: «Общая культурная отсталость Западной области, вытекающая из ее экономической отсталости, не могла не отразиться на состоянии народного образования...» [Рабочий путь, 1929, 9 июня]. Охват школой детей возраста 8–11 лет был равен 75–77%. В Западной области имелось 5813 школ первой ступени с охватом более 453 тысяч учеников, 250 школ повышенного типа, в которых обучалось более 18 тысяч учащихся, из которых 66 имели статус ШКМ (школы крестьянской молодежи), и 42 школы второй ступени – 14 тысяч обучающихся [Рабочий путь, 1929, 20 июля].

Одновременно власти области констатировали «значительное отставание» в работе с нацменьшинствами и всем районам предписывалось считать данный участок работы «одним из важнейших и всемерно его укреплять» [Рабочий путь, 1929, 6 июля]. 29 августа 1929 года «Рабочий путь» опубликовал постановление Запоблисполкома о состоянии работы с национальными меньшинствами области по докладу инструктора ВЦИК Островского [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. В числе общих недочетов в работе с национальными меньшинствами называлась «неясная установка в вопросе проведения украинизации и белорусизации в районах, примыкающих к УССР и БССР, и заселенных представителями соответствующих национальностей, которые, однако, не владеют родным языком, вследствие чего на местах принимались неправильные и неосуществимые решения» [Рабочий путь, 1929, 29 августа], из которых главным был «немедленный перевод на украинский и белорусский язык низового соваппарата». В части Смоленщины следует отметить, что в губернии на протяжении всех 1920-х годов такой вопрос вообще ни разу не поднимался в формате какого-либо решения исполнительной власти.

Указывалось, что многие из имевшихся в области 134 школ первой ступени и 17 школ повышенного типа национальных меньшинств испытывали острую нужду в школьных зданиях, имелся большой недостаток педагогических кадров для украинских, белорусских и немецких школ, несвоевременно и не в полном объеме осваивался бюджет национальных школ [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. Одновременно власти всех уровней призывались «широко развернуть выдвижение на руководящие посты в нацмеррайонах из среды нацменьшинств – рабочих от станка, батраков, крестьян и бедняков» [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. То есть коренизация в трактовках XII съезда РКП(б) дошла до российских регионов с компактным проживанием национальных меньшинств, в нашем случае до Смоленщины, почти через 10 лет. Да и то лишь в формате постановки задач.

В наступившем 1930 году смоленским властям, как и властям других российских регионов, явно было не до белорусизации: все силы и средства были брошены на всеобуч. 12 февраля 1930 года «Рабочий путь» публикует постановление президиума Запоблисполкома «О введении всеобщего начального обучения в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению власти районов, намеченных к сплошной коллективизации, должны были уже с 1 марта 1930 года охватить обучением детей, достигших к 1 октября 1929 года восьмилетнего возраста [Рабочий путь, 1930, 12 февраля].

А еще в это же время были и коллективизация, и раскулачивание, и сельхозналог, и хлебозаготовки, и ликбез, и многое другое! И все это одновременно и безотлагательно!

Летом того же года задачи всеобуча расширились: теперь речь шла уже не только о районах сплошной коллективизации, но и о сплошном в территориальном смысле введении всеобуча. 18 июня 1930 года «Рабочий путь» публикует постановление президиума Западного областного исполнительного комитета от 17 июня того же года о введении в области с осени 1930–1931 года всеобщего обязательного начального обучения для детей в возрасте 8–9 лет и общедоступного для детей 10–11-летнего возраста. Ставилась задача, чтобы уже на начало 1930/1931 учебного года сеть соответствующих школ была достаточной. Для этого предписывалось «в случае недостатка в школьных помещениях, освободить для использования по прямому назначению школьные здания, занятые для других надобностей, а равно использовать закрываемые церкви, быв. помещичьи усадьбы, конфискованные кулацкие дома, клубные помещения и т.д.» [Рабочий путь, 1930, 18 июня]. Особое внимание уделялось детям бедноты: чтобы обеспечить регулярное посещение ими школы, требовалось создать особые фонды для снабжения беднейших учащихся учебниками, учебными пособиями, одеждой, обувью и горячими завтраками [Рабочий путь, 1930, 18 июня].

Конечно, это касалось детей всех национальностей. К этому времени, по данным переписи 1926 года, в Западной области было 363 с половиной

тысячи человек, представлявших нацменьшинства: из них украинцев – 136 тысяч, евреев – чуть более 94 тысяч, белорусов – 78 тысяч человек, остальные – латыши, поляки, эстонцы, немцы, литовцы, цыгане и карелы [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

В 1930 году в области имелось из числа национальных 149 школ первой ступени, 12 семилеток, 4 ШКМ (школы колхозной молодежи), еврейский педтехникум, белорусское отделение педтехникума, белорусское отделение рабфака Смоленского государственного университета. Ставилась амбициозная задача – охватить школой детей национальных меньшинств к концу пятилетки до 50 процентов, в то время как в 1929/1930 учебном году эта цифра по области составляла всего 11,2 процента [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

При этом в области имел место очень большой процент неграмотных среди национальных меньшинств. Так, к примеру, в Великолукском округе (ныне в составе Псковской области) из почти 16 тысяч белорусов грамотных было всего 672 человека, то есть четыре процента. Но это был показатель грамотности на их родном национальном языке. А вот их же грамотность, но на русском языке составляла 47 процентов, то есть показатель увеличился больше чем в 10 раз [Рабочий путь, 1930, 29 июля], что уже само по себе говорит о многом. Так же, как и своего рода признание в самом конце данной газетной заметки в том, что ни местные советские, ни профсоюзные, ни комсомольские организации «до сих пор... не уделяли внимания этой работе» [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

Заведующий областным отделом народного образования Н.С. Резников заканчивал свою заметку на страницах одного из номеров «Рабочего пути» звучным лозунгом: «Борьба за всеобуч есть борьба за социализм!» [Рабочий путь, 1930, 14 октября]. Следовательно, эту борьбу, как и коллективизацию, и раскулачивание, и другие перманентные задачи власти проиграть не имели права. И потому даже этому ответственному чиновнику позволительно было нехватку более 1 тысячи учителей для школ области объяснить привычными для того времени политическими ярлыками: «дезертиры», «летуны», «кулацкие агенты» и т.д. [Рабочий путь, 1930, 14 октября].

Особую тревогу властей в 1931 году вызывало то обстоятельство, что задачи всеобуча реализовывались среди невеликороссов области очень низкими темпами. Так, школой было охвачено только 2,4% детей-украинцев, 2,6% литовцев, 5,6% поляков, 11,9% цыган, 20,7% немцев, 25,1% евреев. Лидерами были латыши – 34,8% и белорусы – 35,9% [Рабочий путь, 1931, 18 февраля]. При этом самой острой проблемой называется не столько низкий процент охвата детей школой, сколько отсутствие учителей, владеющих национальным языком. И потому корреспондент на страницах областной партийной газеты прямо пишет, что «многие школы только номинально счита-

ются национальными, а работа в основном проводится на русском языке» [Рабочий путь, 1931, 18 февраля]. Что, очевидно, никак не соответствовало задачам коренизации, и белорусизации в частности.

Народный комиссариат просвещения рассчитывал улучшить ситуацию в данном направлении посредством проведения в мае-июне 1932 года месячника всесоюзного массового смотра и обследования национальных средних и начальных школ. В Западной области в ходе смотра планировалось обследовать школы в 12 районах [Рабочий путь, 1932, 20 мая].

Именно в это время областная газета «вспомнила» про политику коренизации. Материал так и назывался: «К новому учебному году. Обеспечить коренизацию национальных школ». На примере работы национальных школ Руднянского района (6 ШКМ и 11 школ первой ступени) констатируется: школа становится «подлинно-политехнической». И перечисляются «достижения»: в школах имеются мастерские и комнаты по труду, учеба связывается с производственной практикой, часто организуются экскурсии на предприятия и в колхозы. Любавичская белорусская ШКМ и «ряд других национальных школ» удостоились похвалы за хорошую успеваемость детей по математике, химии и другим предметам. И вот на таком позитивном фоне указываются, казалось бы, совсем «незначительные» для национальных школ недостатки: «Плохо проходит коренизация белорусских школ, несмотря на то, что имеется достаточное количество педагогов-белоруссов (Кочановская ШКМ имеет 11 учителей-белоруссов, Любавичская ШКМ – 4 учителя-белорусса), и все же в этих школах предметы преподаются на русском языке, а белорусский язык введен как предмет» [Рабочий путь, 1932, 29 июня]. «Из рук вон плохо» было организовано и снабжение учебниками и учебными пособиями на родном, в нашем случае белорусском, языке.

В одном из июльских номеров газеты дается материал с неким подведением итогов майско-июньского смотра работы с национальными меньшинствами. Приводятся примеры. Так, в Шумячах «на директиву облисполкома ответили резолюцией: “к сведению” и подшили к делу, похоронив месячник смотра нацменьработы в делах рика» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. Так же отнеслись к проведению месячника и в ряде других районов. Делался вывод: «Партийные и советские организации в районах... не руководят работой среди нацменьшинств (исключение – Хиславичи)» [Рабочий путь, 1932, 23 июля].

Работа в национальных школах характеризовалась на примере Хиславичского района. В районе имелось 13 национальных школ, из них 2 еврейские и 11 белорусских; в том числе по одной ШКМ. Отмечалось, что по еврейским школам качественный и социальный состав педагогических кадров был удовлетворительный, а по белорусским – нет. Из всех учителей белорусских школ 50 процентов недостаточно владели белорусским языком. С базовой учительской подготовкой был только один из 29 педагогов. В ряде белорусских школ национальный язык «был введен лишь как дисциплина, между тем как преподавание ведется на русском языке». С 1 февраля 1932 года все национальные школы стали работать по новым программам Наркомпроса, «но ни одна из школ

не имеет программ на родном языке». Положение с учебниками и учебными пособиями «очень тяжелое», констатировалось в публикации; «еврейские школы обеспечены учебниками плохо, а белорусские школы только на 10 проц.» [Рабочий путь, 1932, 23 июля].

Корреспондент так заканчивал свою публикацию: «Руководство работой национальных школ как со стороны облОНО, так со стороны райОНО, недостаточно. Отдельные работники райОНО заявляли: – Мы русские, в национальных школах разобраться не сможем, а потому пускай там работают, как хотят» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. И ставились задачи: обеспечить национальные школы программами, учебниками, журналами и методическим руководством на родном языке; «крайне необходимо укомплектовать белорусские школы кадрами, хорошо владеющими белорусским языком» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. Как мы видели раньше, такого рода реляции принимались неоднократно и до того, но дальше заявлений и пожеланий дело не двигалось.

Перед местными руководителями районов одновременно стояло столько первоочередных задач, что вопросы белорусизации как бы сами собой отодвигались в сторону. Вот, к примеру, обращение к исполнительной власти всех низовых структур лично председателя ВЦИК М.И. Калинина по вопросу подготовки школ к новому учебному году. Адресованное всем председателям райисполкомов, горсоветов и сельсоветов, оно гласило: «В целях успешной подготовки к новому 1932–1933 учебному году предлагаю под личную ответственность председателей райисполкомов, горсоветов, сельсоветов до 1 сентября 1932 года, т.е. до начала учебных занятий в школах:

Отремонтировать все школы, учительские помещения, общежития и интернаты для учащихся.

Закончить постройку школ.

Снабдить каждую школу необходимым ей на весь учебный год топливом.

Провести починку и изготовление школьной мебели. Обеспечить средствами закупку и своевременную доставку в школу учебников.

Обеспечить школьников горячими завтраками, организовать столовые, районным, городским органам РКИ установить систематический контроль над работой райисполкомов, горсоветов и сельсоветов в деле подготовки к новому учебному году» [Рабочий путь, 1932, 20 июля].

Очевидно, что выполнение хотя бы одной из перечисленных задач было сопряжено с огромными трудностями (финансовыми, материальными, кадровыми...). А в своей совокупности они создавали такую обстановку, что властям точно было не до коренизации, и белорусизации в частности. За недоработку в национальном вопросе никаких наказаний, кроме возможных нареканий, не следовало, а по всеобучу спрос был строгий, поскольку то были вопросы постановлений ЦК ВКП(б), ВЦИК и СНК СССР.

Определенные надежды на активизацию работы с национальными меньшинствами возлагались на 1-й съезд национальных меньшинств Запад-

ной области. В большом тематическом материале «Рабочего пути» одновременно провозглашалась важность «правильного проведения» национальной политики партии «при пограничном положении области» и признавалось, что в национальных школах так ничего и не поменялось – работа ведется на русском языке [Рабочий путь, 1932, 1 августа].

Об этом даже вынужден был говорить в своем полуторачасовом докладе заведующий областным отделом народного образования Н.С. Резников. На фоне «огромного роста» культурного строительства среди национальных меньшинств Западной области, расширения сети национальных школ и политпросветучреждений качество учебы в национальных школах, отмечал Резников, не стояло еще на должной высоте, преподавание велось «не на родном, а на русском языке из-за отсутствия национал-педагогов» [Рабочий путь, 1932, 3 августа]. В очередной раз с высокой трибуны констатировалось, что со стороны «многих районных и ряда др. организаций не чувствуется заботы о национальной школе, о ее своевременном ремонте, о предоставлении под национальную школу лучшего помещения, нет чуткой заботы об учителе национальной школы...» [Рабочий путь, 1932, 3 августа].

В прениях по докладу заведующего облоно представитель Шумячского района заявлял, что из 10 белорусских школ района «почти все ведут занятия на русском языке». Учебники устарели, а новыми национальные школы не снабжались с 1927 года. Школьных программ на родном языке не было ни в еврейских, ни в белорусских школах. Имело место урезание средств на национальные школы, а выделенные «трудно выдавались» [Рабочий путь, 1932, 4 августа].

Последний раз белорусская тематика будет затронута на страницах «Рабочего пути» в самом начале 1933 года, но не на уровне Смоленщины или Западной области в целом, а в контексте положения белорусов на землях «под владычеством Польши». Констатировалось, что белорусские школы и культурно-просветительные организации в Западной Белоруссии «почти совершенно уничтожены». Приводились цифры: из 400 народных школ, имевшихся там в 1928 году, «на сегодняшний день осталось только 15». Количество же польских школ выросло до 3280. Шел процесс ликвидации «двух последних белорусских гимназий» [Рабочий путь, 1933, 10 января].

Все это, конечно, резко контрастировало с тем, что было достигнуто в культурном развитии советской Белоруссии с начала 1920-х годов, а также в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения.

Но после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 года «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» тема белорусизации «тихо уйдет» со страниц главной партийной газеты области.

Формальным поводом для данного постановления центрального комитета правящей партии послужило письмо в газету «Правда» белорусского учителя физики и математики в г. Бобре Крупского района БССР Г.П. Степура. Он писал: «На работе я говорю только по-белорусски. Если увлекаюсь скажу что-

нибудь по-русски, то сейчас же поправляюсь, слежу за собой. Но в личной семейной жизни я говорю по-русски просто потому, что на этом языке мне легче говорить». Далее он описывает, что одну записку на имя председателя сельского совета написал по-русски. За это его обвинили в «махровом великодержавном шовинизме». Ему предписали и дома с женой «употреблять исключительно белорусский язык». Встал вопрос об увольнении с работы. Ограничились строгим выговором. Но у учителя остались вопросы: неужели он своим общением на русском языке в кругу семьи обманывает тем самым партию? Нет ли «здесь некоторого перегиба в обратную сторону?» [ЦК РКП(б), 2005, 702–703].

Политбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении признавало: «Факты из практики белорусизации, опубликованные в “Правде”, свидетельствуют о том, что белорусские партийные и советские организации не ведут большевистской борьбы за основные принципы интернационализма и в ряде случаев потворствуют буржуазно-кулацким националистическим тенденциям». Факты «прямого запрещения пользования русским языком в обращениях к государственным или иным органам в Белоруссии, точно так же, как и факты преследований за русскую речь даже в частной обстановке, являются... прямым извращением национальной политики партии, выгодным только классовым врагам» [ЦК РКП(б), 2005, 702]. Белорусские власти ошибки признали. Политика белорусизации достаточно быстро будет трансформирована в практику всемерной поддержки русского языка, особенно в части качества его преподавания.

На Смоленщине по инерции областные власти еще почти на протяжении двух лет будут в своей работе возвращаться к теме коренизации и непосредственно белорусизации. Только с 1935 года национальные школы пропадают из повестки дня областного отдела народного образования.

***

Материалы газеты «Рабочий путь» за 1920 – первую половину 1930-х годов не формируют у читателя целостного восприятия политики белорусизации на Смоленщине как в одном из российских регионов с компактным проживанием белорусского населения. В губернии не было ни белорусских колхозов, ни белорусских сельских советов, как это имело место, к примеру, у латышей и евреев. Поэтому основным, по сути единственным, направлением белорусизации стала система образования, то есть введение в отдельных школах белорусского языка и курса белорусоведения, а также попытки перевода ряда школ на белорусский язык.

Но даже отрывочные данные разного рода газетных материалов свидетельствуют, что ни власти губернии и уездов, а затем и районов в территориальных границах Западной области с компактным проживанием белорусов, ни само белорусское население не поддерживали такую практику белорусизации, лишь формально участвуя в этом процессе как в одной из составляющих государственной национальной политики.

Само белорусское население относилось к школе на родном языке «безразлично, а нередко и враждебно». Объяснение следовало такое: родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, частью которой и являлась Смоленщина, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык.

Руководителям же всех уровней власти – от губернского до уездного, волостного и даже сельских советов, перед которыми ежедневно стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития региона, а также постоянного политического реагирования на разного рода кампании (нэп, борьба с правым уклоном и меньшевизмом, коллективизация, раскулачивание, сельхозналог, хлебозаготовки, ликвидация неграмотности, всеобуч и др.), было не до белорусизации.

Белорусизация, по сути, стала такой же политической кампанией, как и многие другие действия властей того времени с присущими им чертами формализма и административного давления для получения нужных показателей в отчетности.

После мартовского 1933 года постановления ЦК ВКП(б) по белорусизации образовательным и культурно-просветительским учреждениям Смоленщины не потребуется много времени для перестройки своей работы в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-13. Оп. 3. Д. 184.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.

ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2182

Карский Е.Ф. Белоруссы. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 478 с.

Кобец О.В., Кодин Е.В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка. 2019а. № 8. С. 85–91.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Смоленщина, 1921–1925 годы: белорусизация сверху? // Известия Смоленского государственного университета. 2019б. № 2(46). С. 164–177.

Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I: Белорусизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. 151 с.

Рабочий путь (орган Смоленского Губкома Р.К.П. и Губисполкома С. Р., К. и К. Д.; с 6 марта 1929 г., с № 52 – орган Областного бюро Ц.К. В.К.П. (б) и Оргкомитета Западной области, Смоленского Губкома В.К.П. (б), Губисполкома и Губпрофсовета). 1922. 30 марта.

Рабочий путь. 1922. 25 мая.

Рабочий путь. 1922. 10 декабря.

Рабочий путь. 1923. 10 января.

Рабочий путь. 1923. 19 января.

Рабочий путь. 1924. 1 января.

Рабочий путь. 1924. 21 февраля.

Рабочий путь. 1924. 10 июня.

Рабочий путь. 1925. 4 января.

Рабочий путь. 1926. 13 января.
Рабочий путь. 1926. 18 июня.
Рабочий путь. 1926. 6 июля.
Рабочий путь. 1926. 7 ноября.
Рабочий путь. 1927. 21 мая.
Рабочий путь. 1927. 3 июля.
Рабочий путь. 1927. 12 августа.
Рабочий путь. 1927. 14 августа.
Рабочий путь. 1927. 19 августа.
Рабочий путь. 1927. 2 ноября.
Рабочий путь. 1929. 9 июня.
Рабочий путь. 1929. 22 июня.
Рабочий путь. 1929. 6 июля.
Рабочий путь. 1929. 20 июля.
Рабочий путь. 1929. 29 августа.
Рабочий путь. 1930. 12 февраля.
Рабочий путь. 1930. 18 июня.
Рабочий путь. 1930. 29 июля.
Рабочий путь. 1930. 14 октября.
Рабочий путь. 1932. 20 мая.
Рабочий путь. 1932. 29 июня.
Рабочий путь. 1932. 20 июля.
Рабочий путь. 1932. 23 июля.
Рабочий путь. 1932. 1 августа.
Рабочий путь. 1932. 3 августа.
Рабочий путь. 1932. 4 августа.
Рабочий путь. 1933. 10 января.

Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: Иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 782 с.

O.V. Kobets

*PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Postgraduate Studies,
Smolensk State University of Sports
Smolensk, Russia*

E.V. Kodin

*PhD in History, Doctor, professor,
the Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Belarusization in the Smolensk Region from the Pages of the Newspaper «Rabochiy Put'», 1920–1930s

The article presents the practice of Belarusization in the Smolensk region in the 1920s – the first half of the 1930s in the format of its reflection on the pages

of the newspaper «Rabochiy Put'», as the press organ of the Smolensk Gubernatorial Committee of the RCP (b) – the CPSU (b) and the Gubernatorial Executive Committee, and since 1929 – the main printing body of the Western region with the administrative center in Smolensk.

The materials of the «Rabochiy Put'» do not form the reader's holistic perception of the policy of Belarusization in the Smolensk region, as in one of the Russian regions with a compact Belarusian population. There were no Belarusian collective farms or Belarusian village councils in the province, as was the case, for example, among Latvians and Jews. Therefore, the main direction of Belarusization has become the education system, i.e. the introduction of the Belarusian language and the course of Belarusian studies in individual schools, as well as attempts to transmit a number of schools into the Belarusian language.

At the same time, even fragmentary data from newspaper materials of different genres and volumes indicate that neither the provincial authorities (virtually at all levels up to village councils), nor the titular and even the Belarusian population itself have become active supporters of the policy of Belarusization, only formally participating in this process, as in one of the many socio-political campaigns of that period.

Key words: Soviet national policy; korenization; belarusization; Russian regions; Smolensk region.

REFERENCES

«Rabochij put'» (organ of the Smolensk Provincial Committee of the R.K.P. and the Gubernia Executive Committee of the S.R., K. and K.D.; from March 6, 1929, from No. 52 – the organ of the Regional Bureau of the Central Committee of the V.K.P (b) and the Organizing Committee of the Western Region, the Smolensk Provincial Committee of the VKP (b), the Gubernia Executive Committee and the Provincial Council). 1922. March 30 [Rabochij put' (organ Smolenskogo Gubkoma R.K.P. i Gubispolkoma S. R., K. i K. D.; s 6 marta 1929 g., s № 52 – organ Oblastnogo byuro C.K. V.K.P. (b) i Orgkomiteta Zapadnoj oblasti, Smolenskogo Gubkoma V.K.P. (b), Gubispolkoma i Gubpofsovetu). 1922. 30 marta] (all in Russian).

Agricultural statistics of the Smolensk province [Sel'skohozyajstvennaya statistika Smolenskoy gubernii]. Compiled by Yakov Solovyov, the commander of Smolensk squad of the state equation of peasants in money fees, on the basis of information, collected by this squad. M.: dependent Uchen. com. M-va state. property, 1855. 486 p. (Quoted from the publication: Agricultural statistics of the Smolensk province. Smolensk: Universum, 2011. 503 p.) (in Russian).

Borisenok Yu.A. On the sharp turns of Belarusian history: Society and the state between Poland and Russia in the first half of the 20th century [Na krutyh povorotah belorusskoj istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shej i Rossiej v pervoj polovine XX veka]. Moscow: Rodina MEDIA, 2013. 352 p. (in Russian). Central Committee of the RCP (b) – VKP (b) and the national question [CK RKP(b) – VKP(b) i nacional'nyj vopros]. Compiled by L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. 1918–1933. Moscow: ROSSPEN, 2005. 782 p. (in Russian).

GASO, f. R-161, op. 1, d. 2182 (in Russian).

GASO, f. R-19, op. 1, d. 4748 (in Russian).

Karsky E.F. Belarusians. Vol. 1: Introduction to the study of language and folk literature [Belorussiy. T. 1: Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoj slovesnosti]. Warsaw, 1903. 478 p. (in Russian).

Kobets O.V., Kodin E.V. Belarusization in the Smolensk region, 1920s. [Belorusizaciya na Smolenshhine, 1920-e gody']. Smolensk: Smolensk State University, 2021. 165 p. (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusianization in the Russian-Belarusian borderland: Smolensk region, 1924–1929 [Belorusizaciya v rossijsko-beloruskom prigranich'ii: Smolenshhina, 1924-1929 gg.]. *Belorusskaya dumka*, 2019, no. 8, pp. 85–91 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Smolensk Region, 1921–1925: Belarusianization from above? [Smolenshhina, 1921–1925 gody': belorusizaciya sverxu?]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2019, no. 2(46), pp. 164–177 (in Russian).

Practical resolution of the national question in the Byelorussian Socialist Soviet Republic. P I: Belarusization. According to the materials of the Central National Commission of the CEC of the BSSR [Prakticheskoe razreshenie nacional'nogo voprosa v Belorusskoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respublike. Ch I: Belorusizaciya. Po materialam Central'noj Nacional'noj Komissii CIK BSSR. Minsk: Izdanie Central'noj Nacional'noj Komissii CIK BSSR]. 1927. 151 p. (in Russian).

Rabochij put'. 1922. December 10.

Rabochij put'. 1922. May 25.

Rabochij put'. 1923. January 10.

Rabochij put'. 1923. January 19.

Rabochij put'. 1924. February 21.

Rabochij put'. 1924. January 1.

Rabochij put'. 1924. January 10.

Rabochij put'. 1925. January 4.

Rabochij put'. 1926. January 13.

Rabochij put'. 1926. July 6.

Rabochij put'. 1926. June 18.

Rabochij put'. 1926. November 7.

Rabochij put'. 1927. August 14.

Rabochij put'. 1927. August 19.

Rabochij put'. 1927. July 3.

Rabochij put'. 1927. May 21.

Rabochij put'. 1927. November 2.

Rabochij put'. 1927. August 12.

Rabochij put'. 1929. August 29.

Rabochij put'. 1929. July 20.

Rabochij put'. 1929. July 6.

Rabochij put'. 1929. June 22.

Rabochij put'. 1929. June 9.

Rabochij put'. 1930. February 12.

Rabochij put'. 1930. July 29.

Rabochij put'. 1930. June 18.

Rabochij put'. 1930. October 14.

Rabochij put'. 1932. August 1.

Rabochij put'. 1932. August 3.

Rabochij put'. 1932. August 4.

Rabochij put'. 1932. July 20.

Rabochij put'. 1932. July 23.

Rabochij put'. 1932. June 29.

Rabochij put'. 1932. May 20.

Rabochij put'. 1933. January 10.

State Archive of the Smolensk Region (GASO) [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (dalee GASO)], f. R-13, op. 3, d. 184 (in Russian).

А.М. Штацкая

Псковский государственный университет
Псков, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-170-183

**ЖИЗНЬ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**
(по материалам автобиографий выпускников гуманитарных
факультетов Псковского государственного педагогического института
1948–1953 годов)

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; немецко-фашистская оккупация; Псковская область; автобиографии; эго-документы; комплексный анализ источников.*

Статья представляет собой обзор автобиографий из личных дел первых послевоенных выпускников исторического и литературного факультетов Псковского государственного педагогического института с точки зрения наличия в них сведений о событиях, происходящих на территориях, оккупированных гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. Исходя из субъективности такого исторического источника, как автобиография, мы строим исследование на методе комплексного анализа разных источников и на методе контекстуального анализа. Производится сравнение информации, представленной студентами, пережившими в годы войны тяготы оккупационного режима, и информации, найденной в документальных и литературных исторических источниках.

В делопроизводственной практике приемных кампаний советских вузов обязательной и повсеместной мерой был сбор и включение в личное дело автобиографий каждого абитуриента: все молодые люди, подающие заявления в приемную комиссию выбранного учебного заведения, составляли небольшую хронику своей жизни и жизни своей семьи в стиле, приближенном к официально-деловому. Эти материалы представляют собой примечательные исторические источники, относящиеся, пожалуй, к категории эго-документов, но очень редко используемые в исторической науке. Особого внимания заслуживают автобиографии абитуриентов, которые поступали в вузы в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Если для молодого человека, родившегося, например, после 40-х годов XX века, структура автобиографии выглядела как «родился – пошел в школу – поступил в вуз», то для послевоенного абитуриента типичной структурой жизненной хроники была «родился – пошел в школу – пережил Великую Отечественную войну – поступил в вуз». Следовательно, каждая такая автобиография становится источником сведений из первых уст о событиях 1941–1945 годов.

Обзор студенческих автобиографий произведен с использованием методов контекстного анализа и комплексного анализа источников. Информация об оккупационном режиме в годы Великой Отечественной войны, которая содержится в обозреваемых документах, была сопоставлена со сведениями из других опубликованных и неопубликованных исторических источников. Таким образом решалось две задачи: во-первых, подтверждалась достоверность описанных студентами фактов, во-вторых, производилась интерпретация этих фактов благодаря их включению в исторический контекст.

В целом, основной темой нашего исследования является составление коллективного социально-исторического портрета послевоенного студенчества на примере выпускников гуманитарных факультетов Псковского государственного педагогического института 1948–1953 годов. Исследование построено на подробном изучении личных дел учащихся. За обозреваемый период в архиве Псковского государственного университета – правопреемника Псковского пединститута – хранятся личные дела 279 выпускников исторического и литературного факультетов. В 248 делах (89%) сохранились автобиографии, написанные молодыми людьми при подаче документов в приемную комиссию вуза. В свою очередь, из 248 исследуемых автобиографий в 201 имеются сведения о судьбах абитуриентов и/или членов их семей в годы Великой Отечественной войны. Конечно, мы не могли оставить без внимания это обстоятельство и не вывести его из основной темы исследования в статус темы для отдельного анализа.

Если посмотреть на географию поступления абитуриентов, то становится видно, что многие из них приехали в Псков из тех регионов СССР, которые в годы войны находились в немецко-фашистской оккупации. Автобиографии молодых людей свидетельствуют о десятках случаев успешной эвакуации в советский тыл. Но уехать за линию фронта удалось далеко не всем. В 72 автобиографиях имеются прямые указания на вынужденное проживание будущих студентов и членов их семей на оккупированных территориях. В первую очередь это территория Псковской области в ее современных границах, во вторую – территория Смоленщины, а также Новгородской, Калининской (ныне Тверской), Калужской, Брянской, Ростовской, Орловской, Московской областей, Краснодарского края, Украинской ССР и Белорусской ССР. Еще шесть автобиографий свидетельствуют о том, что их авторы вели партизанскую деятельность на оккупированных территориях или скрывались от фашистов у партизан, а также в другой местности, не занятой врагом.

Из-за множественных случаев не только военного, но и административного коллаборационизма на территориях, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, студенты, чтобы отвести от себя любые подозрения в связях с оккупантами, зачастую отдельно подчеркивали в своих автобиографиях, что они не занимались наемным трудом и выживали исключительно благодаря занятию сельским хозяйством, либо писали, что не работали вовсе.

Из автобиографий¹:

–«Отец был мобилизован в РККА и мне пришлось работать исключительно в сельском хозяйстве²» [Архив ПсковГУ, д. 77, 46];

–«В период немецкой оккупации находилась в с. Велье³ и вместе с родителями занималась сельским хозяйством» [Архив ПсковГУ, д. 105, 36];

–«Во время оккупации проживала в г. Пскове. Ни моя мать, ни я сама нигде не работали. Жили на средства родственников отца, занимающихся сельским хозяйством» [Там же, 156];

–«С 1941 г. по июль 1944 г. находилась с матерью в оккупации в г. Пскове. В период оккупации нигде не работала. Во время отступления немцев угнаны не были» [Архив ПсковГУ, д. 136, 110];

–«В 1942 году я поступила в Абренскую среднюю школу⁴, где училась до 1945 года. Я не работала ни в каком учреждении. Летние каникулы я работала в сельском хозяйстве у матери. Во время немецкой оккупации не состояла ни в какой организации» [Там же, 132];

–«Два года жила в оккупации⁵, во время которой училась в 6 классе. При немецкой власти должности никакой не занимала, а также и родственники ни в каких органах не работали» [Там же, 158];

–«В оккупации⁶ пробыл два года вместе со своей семьей, кроме отца. Во время оккупации никто из родных не служил у немцев» [Архив ПсковГУ, д. 185, 26];

–«В 1941–44 гг. находился в немецкой оккупации⁷. Отец работал в сельском хозяйстве. Мать педагогической работой не занималась» [Архив ПсковГУ, д. 187, 17];

–«Во время немецкой оккупации я вместе с семьей занимался земледелием⁸. Никто из моих родных не был немецким работником» [Там же, 168];

–«Во время войны была в Демидове⁹, не училась, не работала» [Архив ПсковГУ, д. 226, 148].

Некоторые студенты вспоминали о том, что они или их родственники все-таки трудились на наемных работах, но подчеркивали вынужденность этих работ из-за возможных наказаний или из-за крайней нужды. Упоминали о своей работе в период оккупации даже те, кто в эти годы был еще ребенком. Имеются

¹Здесь и далее цитаты из автобиографий приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

² Бежаницкий р-н Псковской обл. (здесь и далее принадлежность населенных пунктов к региону приведена по современным границам).

³ Пушкиногорский р-н Псковской обл.

⁴ Пыталовский р-н Псковской обл.

⁵ п. Монастырщина Смоленской обл.

⁶ д. Пузачево Спас-Деменского р-на Калужской обл.

⁷ д. Голубово Дновского р-на Псковской обл.

⁸ д. Барсуки Монастырщинского р-на Смоленской обл.

⁹ Смоленская обл.

документальные свидетельства о том, что за отказ от работы могло последовать жестокое наказание вплоть до расстрела [БСД: Псковская область, 46, 203, 354]. Например, в городе Пскове оккупационные власти создали так называемую «биржу труда» и ввели обязательные для населения «рабочие паспорта». Такие паспорта должны были получить все жители города в возрасте от 14 до 65 лет. В противном случае они считались «дезертирами с трудового фронта» и подлежали заключению в тюрьму. С помощью «биржи труда» гитлеровцы насильно отправляли население на строительство дорог, лесозаготовки, торфоразработки и другие работы. За плохо выполненную работу или отказ от нее рабочие подвергались избиению или заключению в концентрационные лагеря. За саботирование работы людей расстреливали [Псков: очерки истории, 281–282].

Из автобиографий:

–«Во время оккупации жила с родными в Опочке¹⁰. В 1942 г. не работала, т.к. был грудной ребенок. Отец работал кладовщиком на зерновых складах. Брат работал чернорабочим, мать домохозяйка. В 1943 г. отца немцы заключили в тюрьму, а я была вынуждена работать на кухню, где проработала 2 месяца» [Архив ПсковГУ, д. 77, 79];

–«В начале войны, несмотря на неоднократные попытки, эвакуироваться в тыл не удалось, так как отец оставался на работе до последней возможности. [...] Материальные затруднения и угроза отправки на работы в Германию заставили меня пойти работать в киоск, где я работала до мая 1943 г. в качестве продавщицы газет. В июле 1943 г. я поступила учиться на педагогические курсы. После их окончания работала учительницей в одной из школ района» [Там же, 93];

–«В период оккупации работала на лесозаготовке в Великопольском с/совете¹¹» [Там же, 104];

–«Во время оккупации 1941–44 гг. проживала на территории Дновского р-на Псковской обл. Занималась сельским хозяйством, а потом у немцев уборщицей, потом опять работала на земле» [Архив ПсковГУ, д. 105, 22];

–«Наша местность была оккупирована немецкими варварами, и я, не имея возможности эвакуироваться, вынуждена была остаться. Три года жила в оккупации, испытывая моральный, нравственный и материальный гнет, год работала на торфу, два – в деревне¹², выполняя сельскохозяйственные работы» [Там же, 57];

–«В июне 1941 г. после экзаменов я, мать и брат поехали в дер. Черноречье Порховского р-на на лето в гости, где нас и захватила война. Вскоре

---

¹⁰ Псковская обл.

¹¹ Псковский р-н Псковской обл.

¹² д. Пуршево Опочецкого р-на Псковской обл.

наш район был оккупирован, эвакуироваться мы не успели. Чтобы не умереть с голоду, пришлось браться за черную работу, позднее я устроилась учительницей сначала в дер. Малая Каменка Боровичского с/совета Порховского р-на¹³, а потом в самом городе» [Там же, 62];

–«Во время войны находилась вместе с родителями в г. Пскове. Работала в подсобном хозяйстве чернорабочей, училась в 5–6 классах» [Архив ПсковГУ, д. 187, 43];

–«При оккупации были в Кременчуге¹⁴. [...] Чтобы не попасть в Германию, поступила на железную дорогу чернорабочей» [Там же, 219].

Четыре человека упомянули о своей работе учителем в школах при оккупационной власти. Профессиональный путь таких педагогов в первые послевоенные годы мог быть непростым, так как относились к ним с подозрением, несмотря на наличие положительных характеристик [Филимонов, 2008, 206]. В 1942 году, когда немецкое командование приняло решение о необходимости обязательного посещения на всей оккупированной советской территории детьми в возрасте с 8 до 12 лет четырехкласной начальной школы, например, в городе Пскове оккупационные власти открыли несколько школ, изъяв при этом все советские учебники и отменив преподавание социально-экономических дисциплин [Псков. Очерки истории, 1971, 284]. Более того, прием на работу учителей на оккупированных территориях осуществлялся после их проверки на лояльность в полиции или в немецкой комендатуре [Ковалев, 2011, 24; Кринко, 2015, 44]. Учебные планы и учебные пособия составлялись с учетом требований проведения гитлеровской пропаганды среди населения. Например, в немецкой инструкции школам Кавминводской группы задачи преподавателей формулировались так: «Все преподавание в школе должно быть проникнуто духом уважения к германской армии – избавительнице и благодарности освободителю-фюреру Гитлеру» [Кринко, 2015, 47].

Одиннадцать выпускниц были жертвами событий, когда в период отступления гитлеровских войск в 1944 году оккупанты осуществили массовый насильственный угон населения Псковской области на принудительные работы в Германию, Литву и Латвию. Всего же из районов Псковской области в ее современных границах захватчиками было угнано в неволю более 106 тыс. человек, в том числе почти 13,5 тыс. детей. Вывоз населения сопровождался насилием, угрозами и избиениями. Угоняемым пришлось испытать унижения в пути, и особенно по прибытии на места принудительных работ [Без срока давности, 2020, 46]. В обозреваемых автобиографиях нет подробных описаний этих преступлений, совершаемых гитлеровцами, некоторые девушки даже заменяют слова «угон», «вывоз» на «эвакуацию».

¹³ Псковская обл.

¹⁴ Полтавская обл. Украины.

Сознательное занижение степени эмоциональной окраски описаний пережитых событий – характерная черта многих автобиографий послевоенных абитуриентов.

Из автобиографий:

– «В декабре месяце 1943 г. была угнана немцами в Латвию на принудительные работы в лагерь. 8 мая 1945 г. была освобождена Красной Армией из-под немецко-фашистской оккупации¹⁵» [Архив ПсковГУ, д. 77, 2];

– «Во время оккупации немцами жила во Пскове, работала учительницей в 5-й начальной школе г. Пскова. [...] была эвакуирована в Литву, в Виленскую область, деревня Жиловщина, где работала у крестьян на сельскохозяйственных работах. В 1944 г. Красная Армия освободила меня от немецкого ига, и я снова вернулась в родной город» [Там же, 32];

– «В Пскове до февраля 1944 г. работала учительницей начальной школы № 3. При эвакуации 4 марта 1944 г. была вывезена в Восточную Пруссию, работала на хозяйстве, 8 марта 1945 г. была освобождена Красной Армией» [Там же, 64];

– «В феврале 1944 г. я вместе с семьей и всеми учителями была выслана немцами в Латвию, где работала у хуторянина. После освобождения местечка Рауна, где я жила, частями Красной Армии я уехала на родину¹⁶» [Там же, 93];

– «В июле 1944 г. наша семья, как и все /неразборчиво/, была эвакуирована в Эстонию, а затем в Восточную Пруссию в г. Лик. Проживали мы там в железнодорожном лагере. Работала я на станции 5 месяцев, на разгрузке угля. В феврале 1945 г. Победоносная Красная Армия освободила нас от немецкого ига¹⁷» [Архив ПсковГУ, д. 105, 46];

– «В январе 1944 г. немцы угнали нас в Латвию, где я работала батрачкой на хуторе близ Риги. В октябре 1944 г. Красная Армия освободила нас¹⁸» [Там же, 62];

– «Во время оккупации находилась в городе Опочка¹⁹. Отец находился в рядах Советской армии офицером. 8 мая 1944 г. немцы насильно угнали в Германию. Работала там на фабрике рабочей» [Архив ПсковГУ, д. 132, 37];

– «Во время оккупации г. Пскова немцами я жила в нем. В 1944 г. немец выгнал нас из Пскова и отправил в Литву, где мы находились с марта 1944 г. по август 1944 г. В 1944 г., когда Псков был освобожден от немецких захватчиков, мы вернулись в него» [Архив ПсковГУ, д. 136, 154];

– «Во время Отечественной войны, не имея возможности эвакуироваться, вынуждена была остаться вместе с матерью в г. Порхове²⁰. Отец был на фронте. В 1943 г. была насильно угнана немцами в Восточную Пруссию.

¹⁵ д. Буреге Старорусского р-на Новгородской обл.

¹⁶ г. Порхов Псковской обл.

¹⁷ п. Писковичи Псковского р-на Псковской обл.

¹⁸ г. Порхов Псковской обл.

¹⁹ Псковская обл.

²⁰ Псковская обл.

Где в г. Торне в лагере работала на физических работах. В 1945 г. 1 февраля нас освободили части Советской Армии» [Архив ПсковГУ, д. 187, 52];

– «С началом Отечественной войны моя семья находилась в оккупации в г. Пскове, а позднее в Литве. В 1944 г. мы получили возможность возвратиться в г. Псков» [Архив ПсковГУ, д. 225, 206].

Свидетельствуют автобиографии и о других лишениях, жесткостях, карательных мерах фашистов и их пособников в отношении местного населения – о репрессиях, о принудительных и тяжелых работах, о невозможности получать образование и др.

Из автобиографий:

– «В 1943 г. отца немцы заключили в тюрьму, а я была вынуждена работать на кухню, где проработала 2 месяца²¹» [Архив ПсковГУ, д. 77, 79];

– «В сентябре 1941 г. в Порхове²² была организована силами учителей средняя школа, куда я поступила учиться в 10 кл. Немцами школа была закрыта. Материальные затруднения и угроза отправки на работы в Германию заставили меня пойти работать в киоск, где я работала до мая 1943 г. в качестве продавщицы газет» [Там же, 93].

Политика геноцида, проводимая гитлеровцами, выражалась в том числе в разрушении системы здравоохранения. Сильно сократилось число больниц, не хватало медикаментов, врачей, многие медицинские услуги если и оказывались местному населению, то только платно [Карташев, 2020, 22–32]. Тяжелобольной человек, волей судьбы оказавшийся на оккупированной территории, был практически обречен.

Из автобиографии:

«Так как отец был болен брюшным тифом, семья не эвакуировалась. При оккупации были в Кременчуге²³. В марте 1942 г. умер отец от воспаления мозгов. Я с шестилетним братом осталась на иждивении у матери» [Архив ПсковГУ, д. 225, 219].

Следующие цитаты дополняют документальные свидетельства о том, что жители города Порхова и Порховского района Псковской области, заподозренные хотя бы в малейшей степени в лояльности к советской власти и принадлежности к партизанскому движению, могли быть подвергнуты репрессиям. Подозреваемые допрашивались с применением истязаний, пыток и побоев в душевой комнате Порховского льнозавода, на территории которого помещалась городская немецко-фашистская комендатура [Без срока давности, 2020, 277].

Из автобиографий:

– «На время пребывания немцев на территории города²⁴ и района нигде не работала. Вместе с родителями приходилось скрываться в лесу у

²¹ г. Опочка Псковской обл.

²² Псковская обл.

²³ Полтавская обл. Украины.

²⁴ г. Порхов Псковской обл.

партизан, так как два брата и сестра члены ВКП(б) сражались в рядах Советской Армии» [Архив ПсковГУ, д. 132, 85];

– «Войну жила дома²⁵. Отец погиб за связь с партизанами. Брат погиб на фронте» [Архив ПсковГУ, д. 187, 21].

Имеются в автобиографиях и другие свидетельства об убийствах гитлеровцами мирных жителей на оккупированных территориях.

Из автобиографии:

«Седьмого июля 1941 г. немецкие диверсанты убили моего отца. Враг подступал к городу. На руках у убитой горем матери осталось нас двое: шестимесячный братишка и я. Мы были вынуждены бросить все свое имущество и квартиру и уйти в деревню, не занятую врагом. В 1942 г. мы снова вернулись в освобожденный г. Торопец²⁶» [Архив ПсковГУ, д. 132, 42].

По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в Торопецком районе за пять месяцев оккупации немецкая комендатура и карательный отряд при ней расстреляли, замучили и повесили 445 человек [ГАРФ, ф. Р-7021, оп. 20, д. 24, 2].

Также в автобиографиях встречаются сведения о неправомерных действиях коллаборационистов в отношении своих же сограждан.

Из автобиографии:

«Пришлось перетерпеть всевозможных нападков со стороны старосты деревни, который больше всех в деревне²⁷ ненавидел мою семью» [Архив ПсковГУ, д. 77, 39].

Сельские старосты были низовыми представителями оккупационных властей, они давали письменное обязательство исполнять все распоряжения гитлеровцев, но тем не менее им предоставлялось право самостоятельно наказывать местных жителей за маловажные проступки, налагать на них денежные штрафы, заключать под арест или направлять на принудительные работы сроком до 14 дней [Ковалев, 2011, 39–40]. Все это давало коллаборационистам пространство для административного произвола.

Многие студенты ограничивались лишь короткими упоминаниями о том, что были вынуждены проживать на оккупированных территориях. Очевидно, что это не та тема, о которой хотелось подробно рассказывать, – как в силу морально-психологических, так и в силу политических причин.

Из автобиографий:

– «Во время немецкой оккупации жила в д. Мостищи²⁸ и посещала Пыталовскую среднюю школу, когда она была открыта» [Архив ПсковГУ, д. 136, 117];

– «Во время оккупации проживала в г. Пскове» [Там же, 151];

²⁵ д. Александровка Порховского р-на Псковской обл.

²⁶ Тверская обл.

²⁷ д. Турицы Порховского р-на Псковской обл.

²⁸ Пыталовский р-н Псковской обл.

– «Моя учеба прекратилась на 2 года в связи с оккупацией нашей местности²⁹ немецко-фашистскими захватчиками» [Архив ПсковГУ, д. 185, 74];

– «Во время оккупации нашей территории немцами в 1942 г. наша семья, исключая отца, находилась на оккупированной территории³⁰» [Архив ПсковГУ, д. 187, 29];

– «В октябре пришли немцы. Почти два года мы жили в оккупированном Болхове³¹» [Там же, 103];

– «В 1941 году в октябре наше село Погорелое³² было оккупировано немцами. Ввиду того, что мы не сумели эвакуироваться, нашей семье пришлось жить под немцами до января 1942 года» [Архив ПсковГУ, д. 225, 154];

– «В 1941 году началась война, мы не успели эвакуироваться, т.к. к нам на дачу приехала тетка с внуком, которому было 2 года. Мы отъехали больше 100 км от Опочки³³, но вскоре немцы окружили нас и принудили вернуться» [Там же, 179];

– «В Отечественной войне участия не принимал, т.к. инвалид II гр., и находился в оккупации³⁴» [Архив ПсковГУ, д. 226, 87].

Широко известно, что к бывшим жителям оккупированных территорий действительно могли относиться с подозрением. Не стали исключением и студенты Псковского пединститута, пережившие гитлеровскую оккупацию. В протоколах заседаний ученого совета Псковского государственного педагогического института за сентябрь 1946 года и февраль 1950 года есть свидетельства об этом. Встречаются такие цитаты участников заседаний: «Коллектив института не должен забывать об одной задаче, вытекающей из особенностей института, находящегося на территории, бывшей некоторое время в немецкой оккупации. В какой-то степени у какой-то части советских людей, бывших в оккупации, остались какие-то следы чуждой идеологии. Коллектив института должен работать с большей бдительностью, чем, например, институты Восточной территории» [ГАПО, ф. Р-734, оп. 2, д. 25, 2]; «Неблагополучно с идеологическим воспитанием, а оно необходимо, ведь на 3 и 4 курсах есть много бывших в оккупации» [ГАПО, ф. Р-734, оп. 2, д. 66, 42].

По данным обзриваемых автобиографий, части будущих студентов Псковского пединститута, оказавшихся в годы войны на оккупированной территории, удавалось скрываться в местности, не занятой врагом, или у партизан. Некоторые из молодых людей сами брали в руки оружие и становились бойцами партизанских отрядов. Двое из них имели награды – медали «За оборону Ленинграда» и «Партизану отечественной войны».

Из автобиографий:

²⁹ д. Отъезжее Бярятинского р-на Калужской обл.

³⁰ х. Юдин Милютинского р-на Ростовской обл.

³¹ Орловская обл.

³² Тверская обл.

³³ Псковская обл.

³⁴ г. Опочка Псковской обл.

– «В связи с оккупацией нашей территории³⁵ немецкими захватчиками, я прожил на оккупированной территории до 1942 г. и занимался сельским хозяйством. В 1942 г. добровольно вступил в партизанский отряд № 2 первой Ленинградской партизанской бригады. В 1944 г. в бою был тяжело ранен и отправлен для излечения в госпиталь. Возвратился домой на родину в 1945 г.» [Архив ПсковГУ, д. 102, 21];

– «С 1941 г. по 1942 г. жила в деревне Вагостицы³⁶, работая на сельском хозяйстве. В октябре 1942 г. вступила в партизанский отряд № 19, где работала агентурщицей» [Там же, 62];

– «До сентября 1943 г. жила в д. Запроворье³⁷, занималась с/хоз. С сентября 1943 г. по март 1944 г. была в партизанском отряде 8 Л.П.Б.» [Архив ПсковГУ, д. 105,95];

– «В июле 1941 г. отец уходит на фронт, а я с матерью и младшими братьями переезжаем в д. Ямное³⁸. В 1942 г. мать уезжает в лес, в партизанскую зону, где и живем до освобождения нашей местности войсками Советской Армии» [Архив ПсковГУ, д. 226, 157].

Есть автобиографии, в которых факт вынужденного проживания в оккупации, а иногда даже место жительства в годы войны опускаются.

Из автобиографий:

– «С 1941 по 1948 год жила в г. Краснодаре³⁹» [Архив ПсковГУ, д. 185, 39];

– «Я в 1937 г. пошла в Опочецкую школу. В 1945 г. вступила в комсомол⁴⁰» [Архив ПсковГУ, д. 187, 149];

– «В 1935 г. переехала в Псков к родителям. В 1949 году окончила 10 классов средней школы⁴¹» [Архив ПсковГУ, д. 225, 148];

– «В 1941 году переехали в г. Починок, где я поступила в Починковскую среднюю школу и в 1947 г. окончила 10 классов⁴²» [Архив ПсковГУ, д. 226, 126].

Это также может быть связано с нежеланием вспоминать события войны или вызывать к себе подозрительное отношение. Некоторые из тех студентов, которые не проживали на оккупированных территориях, отдельно оговаривали в автобиографиях этот момент, ставя его в один ряд с другими политическими оговорками: «из родственников репрессированных и за границей никого нет, на оккупированной территории не проживала», «ни я, ни мой муж, ни мои родственники во время Великой Отечественной войны в плену или в окружении на временно оккупированной территории не были», «под судом и следствием не

³⁵ с. Выбор Новоржевского р-на Псковской обл.

³⁶ Порховский р-н Псковской обл.

³⁷ Островский р-н Псковской обл.

³⁸ Могилевская обл., Беларусь.

³⁹ Краснодар был оккупирован с 9 августа 1942 года по 12 февраля 1943 года.

⁴⁰ Опочка была оккупирована с 9 июля 1941 года по 15 июля 1944 года.

⁴¹ Псков находился в оккупации с 9 июля 1941 года по 22 июля 1944 года.

⁴² Починок был оккупирован с 17 июля 1941 года по 23 сентября 1943 года.

находилась, родных за границей не имею, на оккупированной территории никто не находился», «в оккупации никто из членов семьи не был», «в плену не был, в оккупации тоже, а также и мои родные», «никого из родственников в оккупации не было», «в оккупации не была, судимых и репрессированных родственников нет», «в оккупации никого не было, за границей связей не имею».

Студенческие автобиографии, которых написаны многие тысячи, практически не введены в оборот отечественной исторической науки, исследователи обращаются к ним довольно редко [Корниенко, 2020, 70–75; Макеев, 2010, 107–110; Ягодкина, 2008, 97–112]. 248 обработанных нами автобиографий – капля в море даже по меркам архива Псковского государственного университета: мы проанализировали только личные дела выпускников гуманитарных факультетов, а ведь есть еще и дела выпускников других факультетов, а также дела не дошедших до выпуска студентов, дела слушателей учительского института, не говоря уже о фондах архивов других регионов, бывших под гнетом немецко-фашистской оккупации. Да, кадровая автобиография – это совсем не то, что автобиография литературная. Ее адресат – администрация конкретного учреждения, а стиль ее написания ограничен, лаконичен и формализован. Но и за сухим изложением фактов ясно просматривается, что события 1941–1945 годов не прошли бесследно для каждого гражданина СССР. Более того, как любой эго-документ, автобиография не рассматривается в отрыве от других источников и научной литературы, она всегда ставится в исторический контекст. И, как видно из результатов нашего исследования, автобиографии легко встают в этот контекст, подтверждают известные исторической науке факты, расширяют диапазон личных свидетельств событий Великой Отечественной войны, обеспечивают многофокусность исследования. Также введение автобиографий в научный оборот способствует укреплению тренда на антропологический поворот в исторической науке, на обращение к идеям гуманизма и внимания к человеку, который сформировался как раз после Второй мировой войны, ставшей беспрецедентной по масштабу совершенных преступлений против человечности.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив ПсковГУ. Д. 102 (1950).
 Архив ПсковГУ. Д. 105 (1950).
 Архив ПсковГУ. Д. 132 (1951).
 Архив ПсковГУ. Д. 136 (1951).
 Архив ПсковГУ. Д. 185 (1952).
 Архив ПсковГУ. Д. 187 (1953).
 Архив ПсковГУ. Д. 225 (1953).
 Архив ПсковГУ. Д. 226 (1953).
 Архив Псковского государственного университета (Архив ПсковГУ). Д. 77 (1949).
 Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. сост. В.Г. Кузьмин [и др.]. М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. 624 с.
 ГАПО. Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 66.
 Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-734. Оп. 2. Д. 25.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 20. Д. 24. Акт Торопецкой районной комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск в г. Торопце и на территории Торопецкого района Великолукской области в период оккупации. 24 декабря 1944 г. Л. 1–2 об.

Карташев И.В. Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 22–32.

Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619[5] с.

Корниенко К.Б. Автобиография как субжанр личного дела // Современные научные исследования: тенденции и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чистополь, 28 февраля 2020 года) / под общ. ред. Е.А. Назарова. Чистополь: Полиграфическая Компания «Астор и Я»; Научно-исследовательский и образовательный центр, 2020. С. 70–75.

Кринко Е.В. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2(23). С. 40–50.

Лямина Е.Э. Своими словами: что такое эго-документы и как они помогают изучать историю // Интернет-журнал «Постнаука». URL: <https://postnauka.ru/longreads/156363> (дата обращения: 17.12.2022).

Макеев В.В. Автобиографии студентов 1930–1940-х годов Томского государственного педагогического института как исторический источник // XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.). В 6 т. Т. IV: История. Культурология. Философия и социальные науки. Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. С. 107–110.

Псков: очерки истории: сборник / науч. ред. И.П. Шаскольского. Л.: Лениздат, 1971. 367 с.

Филимонов А.В. Поднятый из руин: послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.) / в авт. ред. Псков: Псковская областная типография, 2008. 448 с.

Ягодкина Е.О. Коллективный портрет студентов МГУ послевоенных лет (по материалам личных дел студентов) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 3. С. 97–112.

A.M. Shtatskaya
*Junior Research Fellow,
Scientific and Educational Laboratory for Studying the Events
of the Second World War and Countering the Falsification of History;
2nd year master student,
History Faculty,
Pskov State University
Pskov, Russia*

**Life in the Occupied Territory during the Great Patriotic War
(Based on Autobiographies of Graduates of the Humanities Faculties
of the Pskov State Pedagogical Institute in 1948–1953)**

This article is a review of the autobiographies of the first post-war graduates of the History and Literary faculties of the Pskov State Pedagogical Institute as a historical source of information about the events taking place in the territories of the USSR occupied by Germany during the Great Patriotic War of 1941–1945. All post-war graduates witnessed and participated in the events of the Great Patriotic War. This is reflected in the autobiographies stored in students' personal

files. The review of these autobiographies is based on the method of complex analysis of various sources and on the method of contextual analysis. A comparison is made between the information provided by students who survived the hardships of the occupation regime during the war and the information presented in documentary and literary historical sources.

Key words: Great Patriotic War; the Nazi occupation; Pskov region; autobiographies; ego documents; complex analysis of sources.

REFERENCES

- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [ArkhivPskovskogogosudarstvennogouniversiteta (ArkhivPskovGU)]. Case 77 (1949). 118 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [ArkhivPskovskogogosudarstvennogouniversiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 102 (1950). 123 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 105 (1950). 125 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 132 (1951). 156 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 136 (1951). 167 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 185 (1952). 151 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 187 (1953). 188 p. (in Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 225 (1953). 241 p. (In Russian).
- Archive of the Pskov State University (Archive of the PskovSU) [Arkhiv Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv PskovGU)]. Case 226 (1953). 160 p. (in Russian).
- Kartashev I.V. Features of the organization of medical care for the population in the occupied territories of the USSR during the Great Patriotic War [Osobennosti organizatsii meditsinskogo obsluzhivaniya naseleniya na okkupirovannykh territoriyakh SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 2020, no. 1, pp. 22–32 (in Russian).
- Kovalev B.N. Daily life of the population of Russia during the Nazi occupation [Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 619 [5] p. (in Russian).
- Kornienko K.B. Autobiography as a subgenre of a personal file [Avtobiografiya kak subzhanr lichnogo dela]. *Modern scientific research: trends and prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Chistopol: February 28, 2020, pp. 70–75. (in Russian).
- Krinko E.V. Soviet school under Nazi occupation (1941–1944) [Sovetskayashkola v usloviyakh natsistskoy okkupatsii (1941–1944)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2015, no. 2(23), pp. 40–50 (in Russian).
- Makeev V.V. Autobiographies of students of the 1930s–1940s of the Tomsk State Pedagogical Institute as a historical source [Avtobiografiistudentov 1930–1940-kh godov Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta kak istoricheskiy istochnik]. *XIV All-Russian Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists «Science and Education» with international participation* (April 19–23, 2010). In 6 vols. Vol. IV: History. Culturology. Philosophy and social sciences. Tomsk: TSPU Publishing House, 2010, pp. 107–110 (in Russian).

Pskov: essays on history: collection [Pskov: ocherkiistorii: sbornik]. Leningrad: Lenizdat, 1971. 367 p. (in Russian).

State archive of the Pskov region (GAPO) [Gosudarstvennyy arkhiv Pskovskoy oblasti (GAPO)]. Fund R-734. List 2. Case 25. 49 p. (in Russian).

State archive of the Pskov region (GAPO) [Gosudarstvennyy arkhiv Pskovskoy oblasti (GAPO)]. Fund R-734. List 2. Case 66. 63 p. (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GA RF) [Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)]. Fund R-7021. List 20. Case 24. 2 p. (in Russian).

Filimonov A.V. Raised from the ruins: post-war reconstruction and development of Pskov (1944 – early 1950s) [Podnyatyiz ruin: poslevoyennoye vosstanovleniye i razvitiye Pskova (1944 – nachalo 1950-kh gg.)]. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya, 2008. 448 p. (in Russian).

Without a statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Pskov region: Collection of archival documents [Bez srokadavnosti: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Pskovskaya oblast: Sbornik arkhivnykh dokumentov]. Resp. ed. series E.P. Malysheva, E.M. Tsunaeva; resp. comp. V.G. Kuzmin, I.I. Andreeva, O.A. Bobrovskaya, V.P. Volkova, T.I. Vorobieva, E.A. Grigorieva, N.I. Isakova, N.A. Lopatina, Y.G. Panteleeva, T.Y. Saveliev. Moscow: Fond «SvyazEpokh»: Kuchkovo pole Muzeon, 2020. 624 p. (in Russian).

Yagodkina E.O. Collective portrait of students of Moscow State University in the post-war years (based on the personal files of students) [Kollektivnyy portret studentov MGU posle voyennykh let (po materialam lichnykh del studentov)]. *Bulletin of Moscow State University. Series 8. History*, 2008, no. 3, pp. 97–112 (in Russian).

Lyamina E.E. In my own words: what is ego-documents and how they help to study history [Svoimislovami: chto takoye ego-dokumenty i kak oni pomogayut izuchat istoriyu]. *Postnauka Internet Journal*. Available at: <https://postnauka.ru/longreads/156363> (accessed 17 December 2022) (in Russian).

В.И. Кулаков

*Институт археологии РАН
Москва, Россия*

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-183-197

ЛЕГЕНДЫ О ПРУССКИХ ГОРОДИЩАХ

Ключевые слова: юго-восточная Балтия; Самбия; городища; легенды.

Городища пруссов содержат археологическую информацию, которую можно обогатить данными из народных легенд об этих укрепленных поселениях. В предлагаемой статье избраны несколько легенд Самбии (Калининградский полуостров Калининградской области), анализ которых позволил сделать следующие выводы. В наименованиях городищ отмечены рудименты прусского языка, исчезнувшего из местного обихода в начале XVIII века. В массиве легенд о прусских городищах, часть из которых возникла уже в XVII веке, представлены несколько видов / типов текстов. Они

имеют как местное, прусское, так и внешнее, германское происхождение. Часть легенд Самбии является отзвуком находок, сделанных не ранее орденского времени на площадках городищ или рядом с ними (клады, отдельные ценные артефакты, жертвенные камни и проч.). Косвенно это указывает на то, что авторы легенд и их рассказчики отдавали отчет в том, что городища некогда были местами обитания местного населения. Все вышесказанное позволяет полагать легенды о прусских городищах Самбии особым, но тем не менее интересным и важным источником сведений о поселенческой истории центра прусского племенного ареала.

Городища (так русские археологи традиционно называют укрепленные поселения) являются памятниками археологии, содержащими важную хронологическую и культурную информацию как во внешнем виде своей конструкции и в принципах расположения на местности, так и в остатках построек и находках, которые бывают открыты в ходе археологических раскопок. Однако есть и еще один источник, пока мало востребованный археологами Восточной Европы и Балтии. Это народные сказания о городищах.

Проработав несколько полевых сезонов, проводя археологические разведки на территории Брянской и Курской областей, автор этих строк слышал немало народных легенд о городищах, восходящих минимум к XVIII веку. На этот период указывает, в частности, связанная с многими городищами легенда о золотой карете, скатившейся с городища и унесшей с собой в пучину некую прекрасную девуцу. Только в эпоху Просвещения местные крестьяне могли услышать сообщения об экипажах с золочеными деталями, в которых передвигались представители высшей аристократии Российской империи. В послевоенное время городища юго-западной России посещала в основном молодежь для проведения вечерних посиделок. Это было связано с заброшенностью и в ряде случаев труднодоступностью (одна тропинка, ведущая на площадку) городищ. Реже городища использовались для хозяйственной деятельности (распашка площадки, карьеры и проч.). Примерно то же самое можно сказать и о послевоенной судьбе городищ Балтии.

В ареале пруссов, ныне занятом Калининградской областью России, сбор и публикация местных преданий восходят еще к эпохе Реформации. Автор одного из таких сборников – «Прусской хроники» – монах Симон Грунау так пишет о городищах, основанных легендарными князьями-братьями: «Брутен и его брат Видевут построили (замки) Хонеду, Пайлпайлло, Нангаст, Вустоппос и Галлоне...» [Grunau, 1876, 62]. Археологи идентифицируют «замок» Хонед с городищем Бальга-1 [Pawłowski, 1890, 7].

В начале XIX века сбором сказаний в Восточной Пруссии занялись фольклористы. Результаты их работы были в начале XX века собраны Эрихом Полем (погиб в 1941 году под Таллином) и изданы уже в послевоенное время.

В своем собрании легенд Э. Поль собрал лишь несколько сказаний о пропавших / провалившихся замках, но они относились, к сожалению, к территории южнее прусского ареала, к Мазурскому Поозерью [Pohl, 1994, 238–240].

Важнейшая для темы данной статьи работа была проведена летом 1837 года Рудольфом Фридрихом Ройшем. Он собрал 70 легенд жителей Самбии, из которых 14 были связаны с городищами. Через год этот сборник сказаний (рис. 1) увидел свет в Кенигсберге [Reusch, 1838].

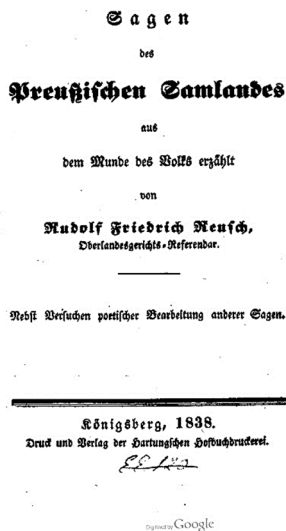

Рис. 1. Шмуцтитул издания Р.Фр. Ройша «Легенды прусской Самбии»

Впоследствии, через столетие, эти легенды были пересказаны (в кратком виде) Гансом Кrome [Crome, 1940, 5–82], известным в предвоенное время исследователем городищ исторической Пруссии, интересовавшимся прежде всего городищами Самбии (рис. 2).

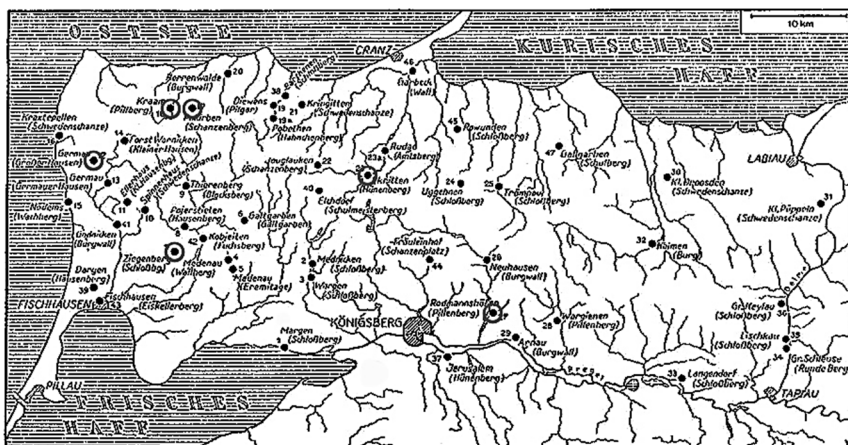

Рис. 2. Городища Самбии. Карта Г. Кrome [Crome, 1940, 82].
Городища, упомянутые в статье, обведены кружками

Сопоставлением археологической информации, полученной при изучении этих городищ, с данными легенд (эта работа была начата Г. Кроме), поискам в точках соприкосновения этих данных новой исторической информации посвящена предлагаемая статья. Ниже представлен каталог данных по части городищ Самбии (ныне – Калининградский п-ов, занятый в основном Зеленоградским районом Калининградской обл.), полученных в ходе разведок Балтийской экспедиции ИА АН СССР в 1977–1991 годах и сопоставленных с текстами народных легенд в записи Р.Фр. Ройша. Данные городища, сопровождающиеся легендарными сведениями, представлены в соответствии со списком Ганса Кроме [Crome, 1940, 5–82] и фактически являются продолжением его исследования.

Germau / Русское-2 (рис. 3), уроч. Grosse Hausen – городище типа В, место сбора прусского ополчения в XII–XIII веках [Кулаков, 1994, 86, рис. 37].

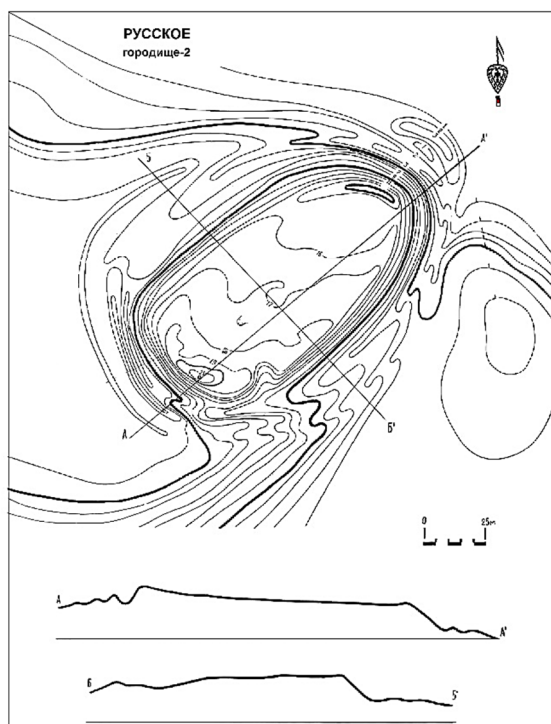

Рис. 3. Germau / Русское-2 [рис. 1–6 – Кулаков, 2005, 38, 45–58]

«Так как (Gr.) Hausen является потрясающим городищем, то (известно, что) на нем лежит клад, возможно – огромный. Это не пустые слова, очень часто его видели. Когда еще была жива бабушка Шульца Л. из Rauschen, она работала служанкой в Germau и была послана с неким парнем собирать грибы на Hausen. В глухой чаще они потеряли друг друга. Вдруг парень увидел большую кучу золота, которое в ясном солнечном свете ярко блистало. При этом в кольцо свился толстый черный червь, однако он вылез

не полностью, но между головой и хвостом оставалось некоторое пространство (?). Червь посмотрел на парня и сказал: “Бери-ка это золото! Бери-ка это золото!” (Platt-Deutsch). Оно не может больше приносить радости, твое лукошко для грибов – на место сокровища, которое червь не окружал на месте и полностью его трогал. Для парня это было слишком много, для клада – слишком мало, ему (парню) не казалось, что он может все забрать, и близко находящийся червь выглядел пугающе. Тут парень недолго думая снял свою рубашку и расправил ее. Все равно он не мог много утащить и подумал: “Бедная девочка ничего не получит, надо ей крикнуть, чтобы она тоже что-либо погрузила”. Он начал кричать своей спутнице, но голос его оказался слаб и от толстых стволов возвращался к нему: “Иди к золоту! Иди к золоту!” (Platt-Deutsch). При этом парень был полностью поражен, после того как он собрал свое золото, вскоре деревья стали светиться, он перепугался и запихал золото в корзину и в рубашку и побежал прочь из Hausen. Моментально началась буря, червь пропал с горы со своим сокровищем, и над ним городище сомкнуло свой грунт. Солнце вновь ярко засветило, и девочка рассеяла страх парня. Больше ему ничего не грозило, клад пропал, и лишь несколько монет, которые находились вне кольца свернутого червя, лежали на месте. Парень был рад тому, что остался жив.

Позже многие копали в поисках клада, но никто ничего не нашел. Только один парень нашел там какой-то золотой предмет. Он понял, что Hausen создал из можжевелевой ветви нечто выглядывшее как дорогой охотничий рог, который использовали древние язычники, с тонкими ответвлениями. Он взял его и побежал в государственную контору, откуда его (рог) послали в Берлин» [Reusch, 1838, 4, 5]. «Курганы цепью окружали Hausen, высота их была разнообразна. Она были покрыты кустарником, частично уничтоженными зерновыми полями. Под одним из хорошо сохранившихся курганов был похоронен древний князь, при котором находились его золотые скипетр и корона. Правда, неизвестно, под каким конкретно курганом...» Так Р.Фр. Ройш начинает следующую легенду о городище Grosse Hausen, правда, к самому городищу прямого отношения не имеющую [Reusch, 1838, 5]. Следующая легенда рассказывала о жертвенном камне, находившемся на болоте, окружавшем городище Grosse Hausen.

Pokirben-Pokalstein / Горбатово (рис. 4), уроч. Schwedenschanze – городище типа Б, место проведения народных собраний и/или культовых церемоний в XII–XIII веках [Кулаков, 1994, 85, рис. 37].

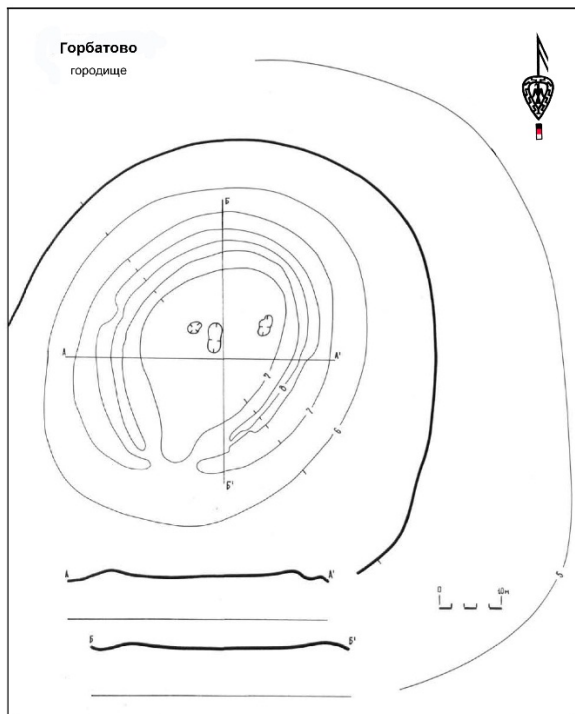

Рис. 4. Pokirben-Pokalstein / Горбатово

«Примерно в 80 шагах от дороги, которая ведет от Sct. Lorenz (ныне – Лазовское) до Krahm (ныне – Грачевка) у Pokirben, лежит Schanzenberg. Он представляет собой [пространство], окруженное валом поперечником 160 шагов, который окружает небольшую углубленную площадку, ныне поросшую мощными дубами, ранее являвшуюся “Шведским укреплением”.

Здесь (недалеко. – В. К.) должна была быть построена кирха Sct. Lorenz, однако дьявол ночами крал строительные камни и закидывал на четверть мили от Lorenz. Так как Великий (т.е. дьявол) таким образом воспрепятствовал ходу строительства, он не остался единственным со своей властью, а церковь Sct. Lorenz тем не менее была построена.

Другие рассказывают эту легенду так, что строительство кирхи шло без вмешательства злых сил, но, действительно, Schwedenschanze и вся округа Pokirben были наполнены привидениями» [Reusch, 1838, 16, 17]. Далее излагается новая легенда о духе Schanzenberge (вместо Schwedenschanze), коим является лошадь без головы.

Сраам / Грачевка, уроч. Pillberg (рис. 5) – городище типа Г, гипотетическое место обитания представителей местной власти (gospóda) в XII–XIII веках [Кулаков, 1994, 85, рис. 37].

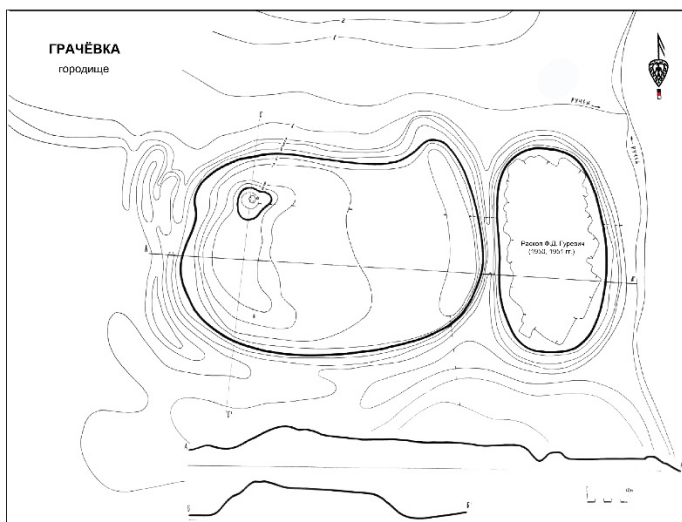

Рис. 5. Стаам / Грачевка

«Большой овраг между Krahm и Plinken называется Hölle (нем. “Ад”). Из него поднимаются большой и малый Pillberg. Так как здесь овраг порос высокими деревьями и густыми кустами, то неизвестный курган (то есть городище. – В. К.) без сопровождающего найти трудно, и в этой ситуации валы, которыми окружено большое (городище) Pillberg, совершенно не видны. Отдельные всхолмления похожи на творения природы, обработанные человеческими руками. На Pillberg они не найдены, при том что его верхняя плоскость имеет в поперечнике лишь 6 шагов (?). Однако наибольшую трудность представляет сказание.

Pillberg – потрясающее городище. В тяжелые часы между 11 и 12 пополудни являлась ранее (в прежние времена) женщина, расчесывавшая свои волосы в солнечных лучах. Она часто предлагала пастухам посидеть вместе с ней, гарантируя, что никакого вреда им от этого не будет. Когда они сажались, она садилась рядом и не произносила ни слова.

Тридцатилетний юноша (!), пасший коров, однажды собрал все свое мужество и взял за руку замковую женщину. Тут ему посыпались предметы из латуни. Потом его стали то ли кусать собаки, то ли лягать лошади. Поэтому он держался (рядом) с женщиной, но стал с большим страхом извергать из своей груди крики: “Господь Бог, Господь Иисус!” Тут же его руки опустели, он заплакал и жаловался, что все пропало и (женщина) исчезла. С тех пор она никогда не являлась, но холм был населен своими существами (духами?)» [Reusch, 1838, 8–10]. Далее следует легенда «Дух Pillberg’a», в которой юный пастух со своими коровами попадает на городище, где встречает лошадь без головы, которая скачет вокруг (площадки) городища и останавливается в его центре. Следующая легенда – «Клад Pillberg’a» – повествует о сокровище, которое опять же было обнаружено между 11 и 12 часами пополудни. Еще одна легенда – «Камень Pillberg’a». Этот камень лежал у

склона городища в овраге Hölle и выглядел как стол с гладкой поверхностью. На одной из его сторон был изображен мальчик с картами в руке. В камне было два отверстия (углубления), куда можно было класть деньги [Reusch, 1838, 13].

Ekritten / Ветрово / Сиренево (рис. 6), уроч. Hünenberg, прусск. *Nogympte* (русск. «оборонительный пункт») – городище типа В, место сбора прусского ополчения в XII–XIII веках [Кулаков, 1994, 86, рис. 37]. Здесь зимой 1254 года произошла последняя в центре прусского племенного ареала крупная битва орденских воинов 2-го крестового похода на Самбию и прусского ополчения [Кулаков, 2002, 204].

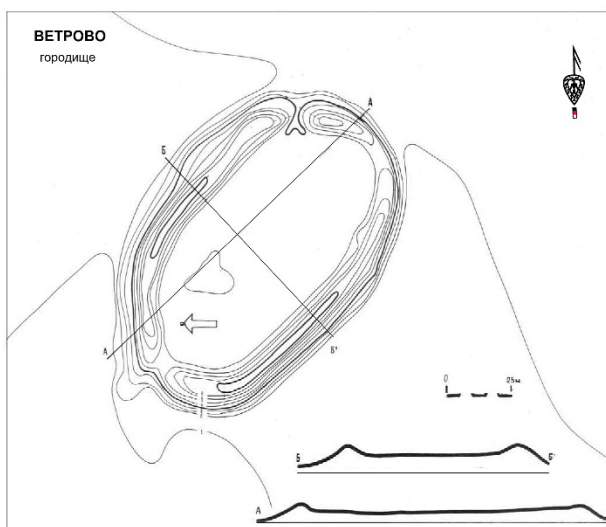

Рис. 6. Ekrittem / Ветрово / Сиренево

«Hünenbergу Ekritten ранее относилось к Святым Горам, на которых древние пруссы приносили жертвы своим Богам. Ныне там много привидений и явлений непознанного, среди них – некая женщина.

Один крестьянин много об этом слышал и отправился на возвышенность, чтобы ее (то есть упомянутую женщину. – *В. К.*) увидеть. Он действительно ее увидел, когда она расчесывала волосы, однако тут же повернулся и, несмотря на ее просьбы, собрался ринуться прочь. Она с ним дружелюбно заговорила и дала нечто, что вычесала из своих волос. Наконец крестьянин очнулся, положил подарок в карман и отправился прочь, но как только скрылся с глаз (женщины), то все из кармана выбросил. Он сохранил, добравшись до дома, лишь одно золотое зерно, которое оказалось в углу его кармана» [Reusch, 1838, 14].

«Другой крестьянин увидел на Hünenberg’е большой котел, наполненный золотом. Когда он попробовал взять этот клад, издали прибежали

две черные собаки. Сначала они были маленькие, затем, приближаясь, становились все больше и больше до тех пор, пока крестьянин в страхе не убежал» [Reusch, 1838, 14, 15].

Rodmannshöfen / Заозерье (рис. 7), уроч. Pill(en)berg – городище типа А, место обитания прусской общины предорденского времени и/или городище-убежище [Кулаков, 1994, 85, рис. 37].

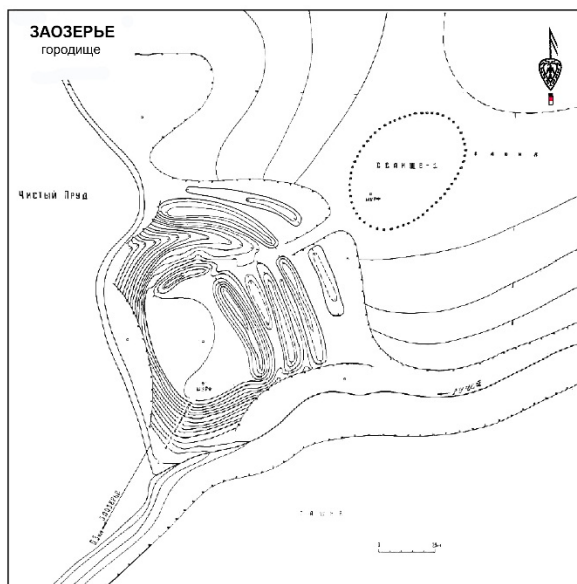

Рис. 7. Rodmannshöfen / Заозерье

В пересказе Ганса Кромпе легенда о Rodmannshöfen выглядит так: «На Pillberg в прежние времена находился замок и рядом с замком – маленькая капелла. Однако тогда люди были лишены Бога и во время богослужения всегда смеялись. Так длилось недолго, как-то в 12 часов ночи произошло землетрясение и замок исчез. На следующее утро гора была пуста и не было возможности увидеть замок. Лишь была слышна игра органа, когда кто-либо посещал гору в 12 часов. Однако что-нибудь там увидеть было невозможно до тех пор, пока наконец некий сын пастуха не стал пасти здесь своих свиней. Одна (из них) упала при этом в глубокую яму. Он за ней полез и благополучно вынул (наружу). При этом он нашел вход в гору и хотел рассказать людям, что видел лошадь в пропавшем замке, выглядевшую как плотоядная собака, стоящую на большом блоке (камне?), на котором лежало мясо. Люди были (одеты) в черное» [Crome, 1940, 60].

Ziegenberg / Подгорное / Нива (рис. 8) – городище типа А, место обитания прусской общины предорденского времени и/или городище-убежище [Кулаков, 1994, 85, рис. 37]. Народное наименование у данного городища отсутствует.

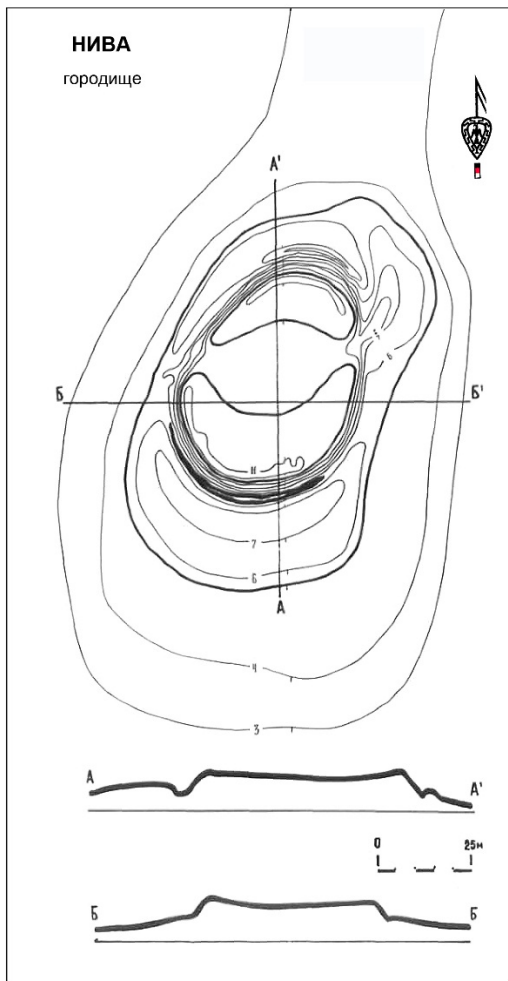

Рис. 8. Ziegenberg / Подгорное / Нива

В пересказе Ганса Кроме легенда о Ziegenberg выглядит так: «Близ деревеньки Ziegenberg находится одноименный холм, сначала – длинный, затем – расширяющийся и в конечном итоге возвышенный. На этом всхолмлении лежит огромный камень, большой и гладкий, как стол, выглядящий настолько круглым, будто вокруг него (должны) сидеть мужчины и курить табак. Что за обстоятельства связаны с этим камнем, никто не знает, при этом известно, что на горе Ziegenberg когда-то находился прекрасный замок и каждую пасху в первые священные дни некая прекрасная девушка спускалась из него (замка), дабы помыться в Мельничном пруду.

Однажды шла крестьянка прямо на Fischhausen на ярмарку и приветствовала замковую девушку, когда с трепетом шла мимо Ziegenberg. Однако девушка ее встретила не холодно, дружелюбно приветила и попросила отнести на ярмарку в Fischhausen отрез холста, которого во всем свете не было

ценней. Крестьянка пообещала это сделать и пошла дальше, пока не оказалась в центре ярмарки. Тогда она вспомнила о заказе. “Ей! – подумала она, – это настоящее благородное наваждение, на это только и будут выброшены деньги”, или она подумала не так и захотела получить какую-то выгоду за свои труды. Короче, она выставила отрез полотна и получила за него несколько грошей. Когда она вновь проходила мимо Ziegenberg, встретила ее замковая девушка с ангельской дружественностью, однако когда она увидела плату за холст, то с тревогой вскричала: “На веки, на веки проклята!” и пропала» [Crome, 1940, 8].

Городища, которым сопутствуют легенды, территориально (кроме Craam и Pokirben-Pokalstein) между собой не связаны, что следует из их расположения на карте Самбии (рис. 2). При этом важно отметить: далеко не все многочисленные на Самбии прусские городища упомянуты в легендах.

Прежде всего стоит отметить, что в Новое время появлялись легенды о прусских городищах разных типов, хотя народная память, казалось бы, должна быть связана прежде всего с городищами типа А, основными пунктами борьбы пруссов с орденскими войсками в XIII веке [Кулаков, 2020, 46]. Интересно рассмотреть народные названия городищ Самбии. Заметное место среди них занимает имя Schwedenschanze (русск. «Шведское укрепление»). Это народное название широко распространено как в основной части Германии, так и в бывшей Восточной Пруссии, преимущественно в Мазурском Поозерье, далеко от Самбии. В частности, о городище с таким именем у пос. Diwitten (К. Allenstein / Olsztyn) рассказывали, что на нем в урнах погребен прах шведов [Strunk, 1930, 35]. Очевидно, такие названия урочищ, в которых расположены городища, восходят к эпохе военных действий Пруссии против Швеции (оконч. в 1657 году). Аналоги упомянутому имени урочищ можно увидеть в фольклоре юго-западных областей России, где курганы древнерусского времени местные жители именуют «шведскими могилками». Корни появления этого названия восходят к эпохе Северной войны.

Наиболее популярным именем для городищ Самбии Нового времени было Pill(en)berg. Это прусско-немецкий народный термин, который довольно условно переводится как «округлая (обработанная) гора», то есть «городище». Это не имя собственное конкретного поселения, а общий для остатков местного прусского населения и перешедший в традицию немецких и прочих переселенцев термин. Единственное в корпусе легенд, собранных Р.Фр. Ройшем, собственно прусское имя Galtgarben (прусск. «Гора (некоего) Galta» [Топоров, 1979, 147] сохранилось у городища рядом с Kumehnen / Кумачево. Приведенные выше данные об ономастике прусских городищ позволяют полагать, что в Новое время остатки автохтонного балтского населения Самбии сохранялись, как и рудименты их языкового наследия. Известна глубокая историческая память пруссов, простирающаяся, судя по данным археологии, на многие столетия [Кулаков, 2018, 245].

Из одиннадцати легенд, пересказанных Г. Кроме, четыре относятся к одному типу, который условно можно обозначить как «дарение сокровища». При этом городища, к которым привязаны легенды, относятся к разным типам, что не влияет на схему легенды. Важно отметить, что в большинстве сказок и легенд европейских народов самые мрачные события происходят в полночь, традиционное время максимальной силы злых духов. В то же время все фантастические события прусских легенд, связанные с дарением от некоей женщины, происходят между 11 и 12 часами пополудни. Именно в это время летом лучи находящегося в зените солнца почти вертикально пронизывают листья деревьев, которыми заросли площадки городищ, и дрожь этих листьев, вызванная ветром, могла в глазах наивных селян вызывать некие волшебные образы. Характерно, что никто из персонажей легенд подаренное сокровище не сохранил. Легенды и сказания, повествующие о находках на городищах и рядом с ними неких ценных предметов, являются, возможно, отзвуком реальных находок, сделанных в орденское время и после него на площадках городищ. Все эти легенды прямо свидетельствуют: их авторы и рассказчики знали о том, что городища некогда являлись поселениями (в отличие от упоминавшихся выше легенд о городищах северо-западной России).

Если сюжет о «дарении сокровища» по своему оформлению вполне сказочен, то легенды о больших жертвенных (?) камнях могут иметь в своей основе реальные исторические факты. Миф о безголовой лошади, являвшейся на площадках некоторых городищ, может быть отголоском прусских дохристианских ритуалов с жертвоприношением коня (ср. с индийским ведическим обрядом *Ashvamedha*). Наконец, интереснейшая легенда о капелле на городище *Rodmannshöfen* содержит информацию о том, что ее прихожане (для нагнетания ужаса одетые в черное) молились, смеясь (см. выше). Эта информация может являться реминисценцией прусских культовых традиций. В легендарных «Семнадцати заповедях Видевута» третий закон содержит слова: «Для здоровья будем мы смеяться и прыгать» [Кулаков, 1994, 150].

Легенды о духах, населявших городища, малоинформативны, но в любом случае указывают на память крестьян Пруссии XVII–XIX веков о том, что некогда городища населялись их далекими предшественниками.

Отметим, что среди творцов легенд присутствовали потомки переселенцев, большая часть которых оказалась в Пруссии после эпохи Реформации. Так, например, легенда о черве из *Germau* по своей схеме напоминает часть «Песни о Нибелунгах», в которой повествуется о змее, охранявшем богатства. В остальных легендах о прусских городищах также могут звучать отголоски немецких народных сказаний, принесенных переселенцами с запада в историческую Пруссию.

Анализ части легенд о городищах Самбии позволяет сделать следующие выводы.

1. В наименованиях городищ отмечены рудименты прусского языка, свидетельствующие о том, что в процессе создания этих названий принимали участие потомки автохтонного населения Самбии, основной зоны расселения раннесредневековых пруссов.

2. В массиве легенд о прусских городищах, часть из которых возникла уже в XVII веке, представлены несколько видов / типов текстов. Они имеют как местное, прусское, так и внешнее, германское происхождение. Имеется рудимент сказания о Нибелунгах, восходящего в Западной Германии к V веку н.э.

3. Часть легенд Самбии является отзвуком находок, сделанных не ранее орденского времени на площадках городищ или рядом с ними (клады, отдельные ценные артефакты, жертвенные камни и проч.). Косвенно это указывает на то, что авторы легенд и их рассказчики отдавали себе отчет в том, что городища некогда были местами обитания населения. Правда, связь с рассказчиками легенд, судя по их тексту, потомками пруссов, и тем более немецкими переселенцами, не ощущалась.

4. Все вышесказанное позволяет считать легенды о прусских городищах Самбии специфическим, но тем не менее интересным и важным источником сведений о поселенческой истории центра прусского племенного ареала.

ЛИТЕРАТУРА

- Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.
- Кулаков В.И. От Восточной Пруссии до Калининградской области. Калининград: Бизнес-Контакт, 2002. 287 с.
- Кулаков В.И. Памятники археологии Калининградской области // Памятники истории и культуры. Калининградская область. Т. 2. М.: Научно-информационный издательский центр, 2005. С. 6–98.
- Кулаков В.И. Меморативная традиция у эстиев и пруссов // Археологические вести. 2018. № 27. С. 241–249.
- Кулаков В.И. Прусские городища в истории Янтарного края // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. 2020. № 2(44). С. 45–53.
- Смирнова М.Е. Культовые камни раннесредневековых пруссов // Гістарычна-археалагічны зборнік. 2001. № 16. С. 98–110.
- Топоров В.Н. Прусский язык: словарь. Е-Н. М.: Наука, 1979. 351 с.
- Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwällen Samlands // Prussia. Bd. 34. Königsberg // Kommission bei Gräfe und Unzer. 1940. S. 5–82.
- Grunau S. Preussische Chronik. Bd. I. Leipzig: Duncker&Humblot, 1876. 437 S.
- Reusch R.Fr. Sagen des Preussisches Samlandes aus dem Munde des Volkserzählt. Königsberg: Druck und Verlag der Hartungschens Hofbuchdruckerei, 1838. 108 S.
- Pawlowski I.R. Historisch-geographische von Alten Preussen. Glogau, 1890. 45 S.
- Pohl E. Die Volkssagen Ostpreussens. Hildesheim – New York: Georg Olms Verlag, 1994. 299 S.
- Strunk H. Flurnamen und Vorgeschichte // Altpreussische Monatschrift. Jg. 7. Königsberg: Verlag von Thomas&Oppermann, 1930. S. 17–32.

V.I. Kulakov

PhD in History, Doctor, Leading Research Scientist,
Department of Archeology of the Migration Period
and the Early Middle Ages,
Institute of Archeology RAS
Moscow, Russia

Legends about Prusian Cities

The Prussian settlements contain archaeological information that can be enriched with data from folk legends about these fortified settlements. In the proposed article, several legends of Sambia (the Kaliningrad peninsula of the Kaliningrad region) are selected, the analysis of which allowed us to draw the following conclusions: in the names of the settlements there are rudiments of the Prussian language, which disappeared from local use in the beginning of the 18th century. In the array of legends about the Prussian settlements, some of which arose already in the 17th century, there are several sorts / types of texts. They have both local, Prussian, and external, Germanic origin. Some of the legends of Sambia are an echo of finds made not earlier than the time of the order on the sites of settlements or near them (treasures, individual valuable artifacts, sacrificial stones, etc.). Indirectly, this indicates that the authors of the legends and their narrators reported that the settlements were once the habitats of the local population. All of the above allows us to consider the legends about the Prussian settlements of Sambia as a special, but, nevertheless, interesting and important source of the settlement history of the center of the Prussian tribal area.

Key words: *southeastern Baltic; Sambia; settlements; legends.*

REFERENCES

- Kulakov V.I. Prussians (V–XIII centuries) [Prussy (V–XIII vv)]. Moscow: Geoeko, 1994. 214 p. (in Russian).
- Kulakov V.I. From East Prussia to the Kaliningrad Region [*Ot Vostochnoy Prussii do Kaliningradskoy oblasti*]. Kaliningrad: Biznes-Kontakt, 2002. 287 p. (in Russian).
- Kulakov V.I. Monuments of archeology of the Kaliningrad region [*Pamyatniki istorii i kul'tury. Kaliningradskaya oblast'*]. *Monuments of history and culture. Kaliningrad region*. Vol. 2., Moscow: Scientific and information publishing center, 2005, pp. 6–98 (in Russian).
- Kulakov V.I. Memorative tradition among the Aestians and Prussians [*Memorativnaya traditsiya u estiyev i prussov*]. *Archaeological News*, 2018, no. 27, pp. 241–249 (in Russian).
- Kulakov V.I. Prussian settlements in the history of the Amber Territory [*Prusskiye gorodishcha v istorii Yantarnogo kraya*]. *Bulletin of Bryansk State University. Historical Sciences and Archeology*, 2020, no. 2(44), pp. 45–53 (in Russian).
- Smirnova M.E. Cult stones of the early medieval Prussians [*Kul'tovyye kamni rannesrednevekovykh prussov*]. *Historical-archaeal collection*, 2001, no. 16, pp. 98–110 (in Russian).
- Toporov V.N. *Prussian language* [*Prusskiy yazyk. Slovar'*]. Dictionary. E-N. Moscow: Nauka, 1979. 351 p. (in Russian).
- Crome H. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwälle Samlands. *Prussia*. Bd. 34. Königberg: In Kommission bei Gräfe und Unzer, 1940. S. 5–82 (in German).

Grunau S. Preussische Chronik. Bd. I, Leipzig: Duncker&Humblot, 1876. 437 s. (in German).
Reusch R. Fr. *Sagen des Preussisches Samlandes aus dem Munde des Volkserzählt*. Königsberg: Druck und Verlag der Hartungschens Hofbuchdruckerei, 1838. 108 s. (in German).

Pawlowski I.R. *Historisch-geographische von Alten Preussen*. Glogau, 1890. 45 s. (in German).

Pohl E. *Die Volkssagen Ostpreussens*. Hildesheim – New York: Georg Olms Verlag, 1994. 299 s. (in German).

Strunk H., Flurnamen und Vorgeschichte. *Altpreussische Monatschrift*. Jg. 7. Königsberg: Verlag von Thomas &Oppermann, 1930. S. 17–32 (in German).

Е.О. Величко

*Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 94(41)«1858/60»+ 94(71)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-197-210

**К СТАНОВЛЕНИЮ ПРАКТИКИ КОРОЛЕВСКИХ ВИЗИТОВ
В КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ПРЕДЫСТОРИЯ ПЕРВОГО ОФИЦИАЛЬНОГО ТУРА ПРИНЦА
УЭЛЬСКОГО В КАНАДУ В 1860 ГОДУ**

Ключевые слова: визит принца Уэльского в Канаду в 1860 году; имперская политика Великобритании в 60-е годы XIX века; официальные королевские визиты; Британская Северная Америка.

В статье рассматривается предыстория первого официального визита члена королевской семьи в колониальные владения Британской империи – тура принца Уэльского по Канаде в 1860 году. Цель осуществленного анализа – проследить, как история появления и развития идеи путешествия наследника британского престола в Канаду отразила эволюцию взглядов британского и колониального политикума на предмет содержания и перспектив имперского строительства. Доказывается, что инициатива королевского путешествия, исходившая от канадской администрации и поддержанная британским правительством, была направлена на укрепление связей между метрополией и колонией и решение обеими сторонами прагматических задач. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что проект первого официального королевского визита в заокеанские территории Британии, будучи продуктом мысли колониального общества, продемонстрировал обоюдное стремление администрации Британии и Канады к поиску баланса интересов метрополии и колонии в процессе обновления форм и методов колониального взаимодействия и шире – конструирования курса имперской политики.

С конца 40-х годов XIX века в переселенческих колониях Британской империи был проведен ряд реформ [Дронова, 1998, 12], ставший поворотным моментом в имперской политике Великобритании, когда «английские либералы предпочли проявить не силу, а дальновидность» [Грудзинский, 1996, 20]. Эти преобразования придали импульс делу дальнейшей разработки правительственными кругами Лондона новой доктрины имперского строительства [Дронова, 1998, 25, 23; Грудзинский, 1996, 21, 24, 60; 2015; Айзенштат, Гелла, 1999] и модернизации его механизмов. В исследованиях, посвященных этой проблеме истории Британской империи, внимание авторов более всего привлекали инициативы и действия со стороны Лондона. Однако для понимания характера имперской политики Великобритании принципиально важно принимать во внимание вопрос о «движении со стороны колоний» в ходе укрепления уз со страной-матерью, который изучен существенно меньше. На этом фоне особый смысл приобретает исследование обновления метрополией и колониями инструментов имперской политики в целях достижения баланса интересов по мере сложного процесса выстраивания качественно новых взаимоотношений. Это позволяет обратить особое внимание на практику официальных королевских визитов во владения Британской империи, которая в 60–70-е годы XIX века зарекомендовала себя как административная и пропагандистская новация в имперском строительстве [Величко, 2015]. Предыстория первого официального королевского визита в заокеанские территории империи – тура принца Уэльского по Канаде в 1860 году – представляет значимый материал для понимания логики развития имперской мысли как правительства метрополии, так и колонии. Ввиду этого цель данной статьи – проанализировать историю появления и становления идеи первого официального королевского визита во владения империи в контексте эволюции взглядов британских и колониальных политических кругов на формы, методы и перспективы имперского строительства.

Впервые мысль о королевском туре в отдаленные пределы империи была обозначена не в кабинете правительства метрополии, а в среде политиков, предпринимателей и интеллектуалов одной из главнейших ее переселенческих колоний – Канады. Эта идея была выражена в 1858 году в форме петиции, в которой «все, кто ценил британские связи» обращались к ее величеству «с выражением своей преданности и привязанности» и приглашали посетить Канадские владения [Norris, 1876, 6, 25]. Инициатива принадлежала Г.Дж. Норрису, эсквайру, жителю Торонто, сочувствовавшему либерально-реформистскому движению Верхней Канады, но не занимавшему ни в партии, ни во властных структурах официальных постов [Norris, 1876, 13; Radforth, 2004, 18]. Норрис не только активно распространял «Канадскую петицию королеве», подписанную «всеми ведущими людьми провинции» (180 человек), но и лично за свой счет отвез ее в Лондон [Norris, 1876, 3, 6–9, 24].

До момента создания «Петиции» члены королевской семьи уже посещали канадскую землю. В 1787 году третий сын Георга III, будущий король

Вильгельм IV, находясь на службе в должности капитана фрегата «Пегас», посетил Квебек [The Dictionary of National Biography, 1900, LXI, 326–327]. А в 1791 году герцог Кентский – отец королевы Виктории – был отправлен по линии военного ведомства в Канаду, где прослужил в общей сложности с 1791 по 1798 год с перерывом на экспедицию на Мартинику [The Dictionary of National Biography, 1892, XXXI, 19; Tidridge, 2013, 25; Jackson, 2013, 42]. Однако пребывание в Канаде этих двух военнослужащих королевских особ имело другой статус и преследовало иные цели, нежели торжественный официальный визит венценосного гостя во владение империи. Сама идея такого тура обсуждалась в колонии ранее [Norris, 1876, 5]. Возвращение к ней в 1858 году обозначило особую заинтересованность канадских властей в предлагавшемся проекте и определяло его главное отличие от предыдущих вояжей представителей королевского дома по Канаде: первый официальный королевский визит в колонию Британии был продуктом мысли колониального общества, а не административным шагом властей метрополии.

Повышение престижа Канады в составе Британской империи виделось канадскому политическому классу задачей исключительной важности [The Morning Post. 1858. Sept. 3, 4]. Такая установка имела значение не только для прагматичных интересов колониальных властей в административной и экономической сферах. Она носила еще и духовный смысл для канадского самосознания, тесно связанного с «имперским» статусом Канады [Нохрин, 2016, 11, 12, 19, 77]. Торжественная встреча ее величества или наследника британского престола на канадской земле как нельзя лучше подходила для этой цели. Амбициозные устремления колониальных верхов явно прослеживались и в самом поводе для приглашения королевы. Им стало открытие организованной по образцу Всемирных выставок Большой выставки промышленности и искусства в Торонто, для которой, как и в Лондоне в 1851 году, был построен Хрустальный дворец [Norris, 1876, 6, 13]. Оказанное метрополией внимание служило бы также доказательством того, что Канада обоснованно претендует [Norris, 1876, 19] на место в одном ряду с ведущими мировыми державами на международной арене [Нохрин, 2012, 40]. Поэтому с целью подчеркнуть престиж колонии в «Петиции» Норриса был четко оговорен статус приглашенной особы из правящего дома Великобритании: это должна была быть сама королева, а если не она, что было объяснимо ввиду «множества трудностей» дальнего путешествия, то «как ее представитель и будущий король» – принц Уэльский [The Daily News. 1858. Sept. 7, 4; цит. по: Norris, 1876, 5; The Morning Post. 1858. Aug. 31, 6]. Однако именно визит наследника престола представлялся, в первую очередь британской стороне, наиболее реальным [Norris, 1876, 13, 14, 16].

Желание канадских властей усилить свои позиции в системе империи и на международной арене сочеталось со стремлением продемонстрировать собственные достижения в хозяйственном развитии колонии и ее

экономический потенциал [Norris, 1876, 5]. Это напрямую влияло на перспективы торговых отношений Канады с метрополией и европейскими государствами [Norris, 1876, 20, 11; The Morning Post. 1858. Sept. 3, 4]. Экономические мотивы в разработке канадскими верхами плана по приезду королевского гостя играли существенную роль не только в 1858 году, но и в 1859 году при повторной попытке политиков колонии «одолжить» представителя короны [Norris, 1876, 16, Thompson's Mirror of the Parliament, 1860, Feb. 29, 8, 13; The Morning Post. 1859. Aug. 3, 6; 1860. Jan. 19, 6; Oct. 12, 4; June 18, 3; Aug. 2, 6; The Illustrated London News. 1860. June 9, 546; The Standard. 1860. March 21, 3].

На первое приглашение королеве британские власти ответили отказом [Adelaide, 1898, 21]. Но принципиальная важность задач, возложенных канадцами на визит, подвигла их вернуться к идее тура члена правящего дома Британии спустя год после представления «Петиции». Подобная настойчивость канадских политиков была вполне осознана британской общественностью, увидевшей в ней стремление Канады «показать свое расположение к метрополии» [The Standard. 1859. Sept. 2, 4] и продемонстрировать возможности для экономического сотрудничества [The Morning Post. 1859. Aug. 3, 6; 1860. Oct. 12, 4; June 18, 3; Aug. 2, 6; The Illustrated London News. 1860. June 9, 546; The Standard. 1860. March 21, 3]. Такая мотивация придавала проекту королевского вояжа, задуманного канадскими подданными королевы, «непреходящее значение». И осознание его достоинств как колониальными, так и британскими властями внесло свой вклад в трансформацию идеи в дело «серьезнейшей политики» [The Illustrated London News. 1860. June 9, 545–546].

Однако особый вес для перспективы развития и реализации замысла королевского путешествия в Британскую Северную Америку имела реакция на него в Лондоне. В 1858 году – еще на первых порах обсуждения возможности посещения Канады членом правящего дома Великобритании (главным образом принца Уэльского) – в британской прессе были высказаны оценки политической составляющей этого мероприятия. Суждения как либеральной, так и консервативной печати были однородно положительны, и вопрос путешествия представителя королевской семьи за океан не стал полем для партийной борьбы. Так, в редакционной статье лондонской газеты либерального толка «The Daily News» было отмечено, что визит «принес бы реальные выгоды в увеличении лояльности колонистов к Короне» [The Daily News. 1858. Sept. 7, 4]. А в консервативной «The Morning Post» была выражена надежда, что «в будущем не только принц Уэльский, но и “Ее Величество королева Канады” сможет снизить до поездки в самое великолепное владение своей обширной колониальной империи» [The Morning Post. 1858. Sept. 18, 4].

Подобное единодушие в суждениях ведущих лондонских изданий было понятно. В момент поиска новых механизмов консолидации империи идея визита, исходившая от канадских подданных королевы Виктории,

стала находкой для британского истеблишмента. Философия классического либерализма, пришедшая на смену жестким методам управления переселенческими колониями [Дронова, 1998, 10–11; Грудзинский, 2015, 94], к середине XIX века [Грудзинский, 2015, 113] стала основой имперской мысли и определяла вектор реформирования колониальных взаимоотношений [Дронова, 1998, 10–11; Грудзинский, 2015, 11, 32] как консервативными, так и либеральными кабинетами. Потенциальный визит представителя короны в трансатлантические владения империи был событием в духе торжества либерального мировоззрения и виделся дельным методом для развития связей между метрополией и колониями Британской Северной Америки в рамках доктрины «добровольных уз». Королевский визит, посредством которого возможно было продемонстрировать исключительность и единение англосаксонской семьи, должен был усилить идеи лоялизма в канадском обществе и, как итог, укрепить имперские связи, стать воплощением либеральных ценностей [Грудзинский, 2015, 112–113]. Инициатива канадских властей, сделавших первый шаг на пути к упрочению колониальных отношений, доказывала современникам пусть пока не конструктивность доктрины «добровольных уз», но, по крайней мере, ее жизнеспособность и, соответственно, отвечала бытовавшему в тот период образу имперского мышления британских политических кругов. Так, в «The Morning Post» отмечалось, что «Канада – владение с самоуправлением, соединенное с Англией только узами нежной привязанности к британской короне» [The Morning Post. 1858. Sept. 3, 4]. А «The Evening Standard» накануне визита Альберта Эдуарда заключила, что власти Великобритании «избавились от сумасшедшей идеи, что узы между метрополией и колонией должны быть укреплены только подчинением» [The Evening Standard. 1860. July 11, 4].

Консервативное правительство графа Дерби [Cart-Gomm, 1901, 161–162], находившееся у власти на момент подачи «Петиции» королеве, в лице лорда Литтона и лорда Карнарвона (в ту пору соответственно министра [Cart-Gomm, 1901, 162] и заместителя министра по делам колоний [The Dictionary of National Biography, 1891, XXVI, 195]) оказало содействие Норрису в его стремлении организовать королевский визит в Канаду [Norris, 1876, 3, 9, 24]. Такая реакция кабинета не только играла принципиальную роль для поддержки идеи канадских подданных британской печатью, но и в целом отразила более глубокое понимание проблематики имперского строительства политиками метрополии. Важным аспектом этого процесса было усиление внимания британских интеллектуалов к канадским владениям. Так, в британской прессе в ходе дискуссии о «Петиции» Норриса было отмечено, что Канада – «самая важная часть империи Ее Величества» [The Morning Post. 1858. Sept. 3, 4]. В редакционной статье «The Daily News» признавалась ошибочность пренебрежительного отношения Лондона к североамериканским владениям. Следовательно, все яснее становилась фундаментальная для будущего империи мысль об их

значимости для Британии. Проблема взаимоотношения метрополии с переселенческими колониями получила и более широкое осмысление: в газете утверждалось, что «наши колонии для нас значат гораздо больше, нежели любой другой чужой народ!» [The Daily News. 1858. Sept. 7, 4]. В ситуации неоднозначности мнений представителей британской общественности по вопросу ценности колоний [Дронова, 1998, 11–32; Грудзинский, 2015, 92–94; 1996, 13–16] такие отклики в прессе и позиция правительства метрополии в отношении королевского тура в Канаду имели существенное значение для судьбы империи. Становится очевидным, что задача канадских властей привлечь как минимум внимание Лондона к трансатлантическим владениям посредством визита соотносилась на тот момент с логикой политического мышления консерваторов, направленного на укрепление имперских связей и поиск новых путей реформирования империи. «Петиция» уже сама по себе символизировала стабильность взаимоотношений Великобритании и Канады и была значительным доводом в поддержку взглядов кабинета графа Дерби на необходимость развития более тесных уз с колониями. Это и нашло проявление в одобрении правительством Великобритании инициативы канадских подданных королевы [Norris, 1876, 20, 3].

Однако консервативному кабинету в силу значимых обстоятельств, в числе которых особо отметим острое межпартийное противостояние по ряду принципиальных вопросов, а также требовавшее неотложных действий восстание сипаев в Индии, не удалось осуществить идею королевского визита. Поэтому на данном – первом – этапе развития проекта королевского тура по Британской Северной Америке британские власти восприняли его благосклонно, но дальнейших действий с их стороны не последовало. Более активное участие в реализации идеи путешествия представителя короны по Канаде принял уже либеральный кабинет лорда Палмерстона. Замысел канадских подданных, будучи оцененным консерваторами, что имело особое значение для его дальнейшего воплощения, был подхвачен либералами. Потенциальный визит имел существенное преимущество для усиления позиций правительства Палмерстона: укрепление имперских уз беспрецедентным событием – королевским туром, каких еще не было в имперской истории Британии [The Illustrated London News. 1860. June 9, 545], могло бы доказать конструктивность курса колониальной политики Палмерстона. Прямым следствием этого стали бы рост популярности его политической линии и упрочение положения во властных структурах.

Подчеркнем значимый факт: конкретные шаги во время второй попытки организации королевского визита в Британскую Северную Америку в 1859 году были инициированы снова представителями Канады [The Morning Post. 1859. June 27, 6]. В момент смены правительства в метрополии (либералы пришли к власти 13 июня 1859 года [Carr-Gomm, 1901, 167–168]) делегация от канадских властей без отлагательств, 25 июня, предстала перед королевой с

просьбой посетить североамериканские владения [The Morning Post. 1859. June 27, 6]. Это вновь дает основания предположить: именно канадские правящие круги были более заинтересованы в осуществлении вояжа высокопоставленной особы, нежели британские. С течением времени актуальность вопросов, так или иначе связанных для обеих сторон с перспективой королевского тура, не только сохранялась, но становилась еще острее. В 1859 году британская пресса все увереннее муссировала тему визита принца Уэльского в Канаду [The Morning Post. 1859. April 20, 2; The Daily News. 1859. Aug. 22, 4; The Standard. 1859. Sept. 2, 4]. Более активное, чем в 1858 году, обсуждение этого события в печати наводит на мысль о том, что повторную попытку канадской стороны организовать королевскую поездку либеральное правительство метрополии восприняло с большим энтузиазмом не только из-за внутривнутриполитических мотивов, связанных с партийной борьбой, но и ввиду обострения внутримперской и международной ситуаций.

Цепь событий конца 50-х годов XIX века заставила британские власти особо беспокоиться положением Британской Северной Америки. Развитие внутривнутриполитического кризиса в США – главном поставщике хлопка для Британии [The Cotton Manufacture, 1861, April, Vol. 75, 433; Грудзинский, 2015, 44] – напрямую влияло на многие аспекты имперского благополучия. Восстание Джона Брауна в Америке вызвало тревогу британского правительства по поводу обеспечения хлопком. Неопределенность ситуации подвигала власть метрополии обратить взор на свои владения (Индию, Австралию) [The Daily News. 1860. Oct. 18, 4] в поисках сырья. В целом стала более очевидной необходимость развивать торговые и экономические связи с колониями, в частности с Канадскими провинциями. Требовали внимания Лондона и экономические интересы самой Британской Северной Америки. Введение в 1859 году торговых пошлин в Канаде по отношению к Великобритании [Дронова, 1998, 25; Грудзинский, 1996, 22] повлекло за собой недовольство «многих лиц в Англии» [HC Deb. 24 Feb. 1860. Vol. 156, Col. 1736], занятых в торгово-промышленной сфере [Грудзинский, 2015, 187]. Вместе с тем неудовлетворенность некоторых представителей канадских деловых кругов экономической политикой Британии по отношению к Канаде обращала их взгляды на более выгодное торговое сотрудничество с США. Такие перспективы вызывали в верхах британской общественности опасения по поводу повторного проявления [The Standard. 1860. June 16, 4] среди части канадской элиты настроений сродни идеям аннекционистов конца 40-х годов XIX века [Тишков, 1978, 1977].

Ход этих мыслей «строителей империи» применительно к положению Канады и перспективам политики относительно нее тесно переплетался с неоднозначным развитием англо-американских отношений, выразившимся в обострении конкуренции между США и Британией за утверждение права влияния на североамериканский континент. Одним из

проявлений соперничества стал конфликт 1859 года между двумя державами за остров Сан-Хуан [Gough, 60]. Конфронтация, получившая название «война из-за свиньи» [Gough, 1971; Fulton, 1993; Howard, 1955, 19], чуть было не дошла до военного столкновения [HC Deb. 24 Jan. 1860. Vol. 156, Col. 82]. Проблемным был и вопрос пограничного с США поселения Рэд Ривер, которое находилось под контролем компании Гудзонова залива, что, однако, не мешало представителям соседней республики совершать активное проникновение в эту местность посредством торговли спиртными напитками [HL Deb. 13 Feb. 1860. Vol. 156, Cols. 902–907; Тишков, Кошелев, 1982, 93]. В контексте данных событий еще актуальнее становился вопрос о безопасности границ между США и Канадой [HC Deb. 31 May 1860. Vol. 158, Cols. 1834]. В Канаде активно воплощался проект общеимперского военного реформирования [Борисенко, Строганов, 2018; Шендыгаев, 2018; Барсов, 2013; Симоненко, 2010]: из колонии выводились британские гарнизоны и развивалось волонтерское движение [Симоненко, 2010, 8–25; Дронова, 1998, 26–27; The Daily News. 1859. Jan. 12, 4; The Morning Post. 1860. May 24, 3; HC Deb. 25 July 1859. Vol. 155, Cols. 403–410, 31 May 1860. Vol. 158, Cols. 1834, 1838–1841]. В этой ситуации моральная поддержка колонии со стороны метрополии была вовсе не лишней [Radforth, 2004, 141]. Отягощала весь комплекс проблем и память о канадском восстании 1837–1838 годов [The Daily News. 1860. Sept. 17, 4; The Morning Post. 1858. Sept. 3, 4; HL Deb. 4 May 1860. Vol. 158, Col. 671; The Morning Chronicle. 1860. Feb. 23, 5] и недавнем мятеже сипаев в Индии [Дронова, Величко, 2014, 272–282; The Morning Post. 1860. Feb. 18, 5; June 11, 2; The Daily News. 1860. July 3, 3; Aug. 11, 6; The Examiner. 1860. June 16, 6], что делало еще своевременнее необходимость выстраивания правильного политического курса имперской политики, от которого зависела «окончательная судьба Британской Северной Америки» [HL Deb. 13 Feb. 1860. Vol. 156, Col. 904].

Предполагавшийся визит принца Уэльского в Канаду, как следует из материалов прессы Лондона, активно продолжал обсуждаться в конце 1859 года и вплоть до начала визита в июле 1860 года. Многие положения, высказанные в ходе этой дискуссии, были уже знакомы, некоторые новы. Так, повторялась мысль, что визит должен был «укрепить сердечный союз, который уже существует» между колонией и метрополией [The Evening Standard. 1860. July 11, 4]. Предполагалось, что внимание, оказанное, в частности, волонтерам со стороны принца Уэльского, усилит их патриотический дух и преданность стране-матери [The Morning Post. 1859. Jan. 12, 4; Radforth, 2004, 141]. Королевское путешествие во взглядах «строителей империи» выполняло роль «разведывательной миссии», посредством которой наследник престола смог бы научиться тонкостям правления, а британский кабинет благодаря профессиональным политикам, сопровождавшим Аль-

берта Эдуарда, выявить особенности канадской жизни в целях выстраивания оптимальных взаимоотношений с владением [The Illustrated London News. 1860. June 9, 546]. Не сомневаясь в том, что настоящая форма правления была самой подходящей для Канады [The Morning Post. 1859. May 26, 4; 1860. June 8, 5; The Evening Standard. 1860. July 11, 4; The Illustrated London News. 1860. June 9, 546], британская общественность тем не менее предполагала, что визит должен был «увеличить симпатии» к короне и ее престиж [The Illustrated Times. 1859. Sept. 10, 173]. Но главное – в воздухе витала идея предотвращения поездкой старшего сына королевы Виктории событий сродни Войне за независимость США [The Illustrated London News. 1860. July 14, 26].

В целом в процессе размышлений о различных аспектах предстоявшего тура принца Уэльского по Канаде еще прочнее, нежели в 1858 году, была обозначена позиция британского истеблишмента относительно значимости колоний для империи. Так, «The Morning Post» писала, что «ценность и важность» Канады «сейчас однозначно ясна» [The Morning Post. 1859. May 26, 4]. В британской прессе, особенно на контрасте с недавно восставшей Индией, достоинства Канады были оценены в полной мере [The Morning Post. 1859. June 14, 2; Jan. 12, 4; The Evening Standard. 1860. July 11, 4; The Times. 1860. July 9, 8], ее признавали «самым ярким бриллиантом в британской Короне на сегодняшний день» [The Morning Post. 1859. May 26, 4]. Под влиянием появившегося беспокойства за целостность империи британскими политиками и интеллектуалами снова признавалось недостаточное внимание к Канаде [HC Deb. 20 April 1860. Vol. 157, Col. 2108], а также то, что она заслуживала «каждый знак благосклонности» [The Morning Post. 1859. Jan. 12, 4] Великобритании. Одним из них как раз и планировалось сделать королевский визит. Идея канадских верхов, получившая одобрение властей Британии и принятая к воплощению также с их стороны, должна была стать «красивым жестом» Лондона, способным компенсировать «промах» метрополии и «прочнее заложить фундамент британской силы» [The Times. 1860. July 9, 8]. В непростых внешнеполитических и внутриимперских обстоятельствах все более ясно звучала мысль правящих и интеллектуальных кругов матери-Англии о том, что нельзя упускать момент, когда канадцы «все больше готовы отнести себя к британскому правлению» [The Daily News. 1860. Sept. 3, 4] и «не хотят ослаблять узы с метрополией» [The Standard. 1860. April. 11, 4].

Таким образом, в быстро менявшейся и усложнившейся для Британской империи ситуации значение визита было оценено изначально консервативным, а после либеральным правительством вполне одобрительно. Это привело к тому, что 30 января 1860 года герцог Ньюкасл, министр по делам колоний в кабинете Палмерстона [Carr-Gomm, 1901, 168], от имени ее величества дал ответ генерал-губернатору Канады на повторное приглашение

королеве. В нем сообщалось, что Ее Величество не может надолго оставить Англию и в колонию с вояжем в качестве ее представителя поедет принц Уэльский [Hopkins, 1910, 48; Thompson's Mirror of the Parliament, 1860. Feb. 28, 2]. Символическое значение имели официальный повод для приглашения высокого гостя и сопутствовавшие ему события. Ими послужили открытие моста Виктории в Торонто [Cornwallis, 1860, 5], ставшего знаком общих имперских усилий [Radforth, 2004, 21], церемония закладки здания парламента в новой столице – Оттаве [Atlay, 1903, 264; The Morning Post. 1859. Apr. 20, 2] и годовщина завоевания Канады англичанами [The Morning Post. 1859. Sept. 2, 4]. Они олицетворяли характер предстоявшего визита, направленного на конструирование позитивного образа империи и усиление британского влияния в Канаде.

Подводя итоги, отметим, что проект королевского визита продемонстрировал стремление администрации Британии и Канады к поиску баланса интересов метрополии и колонии в процессе конструирования курса имперской политики. Этот замысел канадских политиков и интеллектуалов оказался своевременным для властей Великобритании. В свою очередь, канадская сторона посредством визита стремилась упрочить связи с метрополией и решить свои прагматичные задачи. Идея тура отразила эволюцию взглядов как правящего класса страны-матери, так и колонии на предмет содержания и перспектив имперского строительства. В ситуации необходимости обновления имперских скреп правящий класс Британии рационально воспринял возможности, которые предоставлял в этом процессе королевский тур. Инициатива верхов канадского общества органично соответствовала линии имперской политики Лондона. В детальном освещении британской прессой еще не состоявшийся, но уже запланированный визит оценивался не иначе как «мудрая политическая мера» [The Era. 1860. July 15, 9]. Общность взглядов консервативных и либеральных политиков на трансатлантическое путешествие принца Уэльского показала более четкое осознание правительственными кругами метрополии ценности Британской Северной Америки, что еще больше усилило понимание ими необходимости укрепления имперских связей и обновления механизмов имперского строительства. В свою очередь, сам факт инициативы и предложенная канадской стороной концепция визита обозначили видение конструктивных перспектив имперского сотрудничества и политическим классом переселенческой колонии.

ЛИТЕРАТУРА

Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – середина 1870-х гг.). М.: ИВИ РАН, 1999. 217 с.

Барсов К.В. Проблема преемственности в выработке теоретических основ британских военных реформ 60–70-х гг. XIX в. в трудах Чарльза и Джорджа Тревельянов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 31–36.

Борисенко В.Н., Строганов А.В. К вопросу о реформах армии Эдварда Кардуэлла 1868–1872 // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2018. № 18(2). С. 131–146.

Величко Е.О. Визиты членов правящего дома Великобритании в практике предотвращения внутриимперских конфликтов (60–70-е гг. XIX в.) // Британия: история, культура, образование: материалы международной научной конференции, 1–2 октября 2015 г. Вып. 3 / отв. ред. А.Б. Соколов. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2015. С. 83–85.

Грудзинский В.В. Великобритания и ее империя в сер. XIX в.: либерализм и проблема модернизации. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 219 с.

Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1996. 312 с.

Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е гг. XIX в.). Тамбов, 1998. 180 с.

Дронова Н.В., Величко Е.О. От «права силы» к «силе справедливости»: память об индийском восстании 1857–1859 гг. в общественном сознании Великобритании в 60–70-х гг. XIX в. (к оценке опыта преодоления конфликта) // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарная серия. 2014. № 11(139). С. 272–282.

Нохрин И.М. Межэтнические отношения и национальная идеология в Канаде в новое время: уч. пособие. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 156 с.

Нохрин И.М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания (последняя треть XIX – начало XX вв.). Хантсвилл: Altaspera Publishing&Literary Agency Inc., 2012. 232 с.

Симоненко Е.С. Канада и Великобритания: опыт имперской оборонной интеграции (конец XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2010. 236 с.

Тишков В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978. 384 с.

Тишков В.А. Страна кленового листа: начало истории. М.: Наука, 1977. 176 с.

Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады. М.: Мысль, 1982. 268 с.

Шендыгаев Д.И. Военные реформы Кардуэлла и отмена патентов в британской армии // Вестник Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. 2018. № 1. С. 164–171.

Adelaide (Belloc) M. H.R.H. the Prince of Wales. An Account of His Career, including His Birth, Education, Travels, Marriage and Home Life; and Philanthropic, Social and Public Work. N-Y: D. Appleton and Company, 1898. 216 p.

Atlay J.B. Sir Henry Wentworth Acland, Bart. K.C.B., F.R.S. Regius Professor of Medicine in the University of Oxford. London: Smith, Elder & Co., 1903. 516 p.

Carr-Gomm F.C. Handbook of the Administration of Great Britain during the Nineteenth Century 1801–1900. London: Smith, Elder & Co., 1901. 353 p.

Cornwallis K. Royalty in the New World; or, the Prince of Wales in America. N-Y: M. Doolady, 1860. 287 p.

Fulton R.D. «Consistent with Honor»: the Anglo-American Press War over San Juan Island, 1859 // American Periodicals. 1993. Vol. 3. P. 11–31.

Gough B.M. British Policy in the San Juan Boundary Dispute, 1854–72 // The Pacific Northwest Quarterly. Apr., 1971. Vol. 62, № 2. P. 59–68.

Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd Series. 1859–1860. Vol. 155–158. London: Hansard, 1803–2005. URL: <http://hansard.millbanksystems.com> (дата обращения: 07.05.2023).

Hopkins J.C. The Life of King Edward VII with a Sketch of the Career of King George V. 1910. 473 p.

Howard J.K. Manifest Destiny and the British Empire's Pig // Montana the Magazine of Western History. Autumn, 1955. Vol. 5, № 4. P. 19–23.

Jackson D.M. The Crown and the Canadian Federalism. Toronto: Dundurn, 2013. 336 p.

Norris J.G. Mr. Norris and the Visit to Canada of H.R.H. the Prince of Wales. Ottawa: C.W. Mitchell, 1876. 26 p.

Radforth I. Royal Spectacle: The 1860 Visit of the Prince of Wales to Canada and the United States. Toronto: University of Toronto Press, 2004. 340 p.

The Cotton Manufacture // Westminster and Foreign Quarterly Review. Apr., 1861. Vol. 75. London: Baldwin, Cradock, and Joy, 1861. P. 419–457.

The Daily News. 1858–1860.

The Dictionary of National Biography / ed. by Sir Sidney Lee. In LXIII vols. London: Smith, Elder & Co. Vol. XXVI. 1891. 448 p.; Vol. XXXI. 1892. 448 p; Vol. LXI. 1900. 476 p.

The Era. 1860.

The Evening Standard. 1860.

The Examiner. 1860.

The Illustrated London News. 1860.

The Illustrated Times. 1859.

The Morning Chronicle. 1860.

The Morning Post. 1858–1860.

The Standard. 1859–1860.

The Times. 1860.

Thompson's Mirror of the Parliament, being a Report of the Debates in Both Houses of the Canadian Legislature. 3rd Session 6th Parliament / ed. S. Thompson. Quebec: Samuel Thompson, 1860. 424 p.

Tidridge N. Prince Edward, Duke of Kent: Father of the Canadian Crown. Toronto: Dundurn, 2013. 288 p.

E.O. Velichko

*The Independent Researcher
Saint Petersburg, Russia*

**To the Establishment of the Practice of Royal Visits to the Colonies
of Great Britain: Background for the First Official Tour
of the Prince of Wales to Canada in 1860**

The article regards the background of the first official visit of a member of the royal family to the colonial possessions of the British Empire – the tour of the Prince of Wales to Canada in 1860. The purpose of the analysis is to trace how the history of the emergence and development of the idea of traveling the heir to the British throne to Canada reflected the evolution of the views of the British and colonial politicians of the Empire building and its perspectives. It is proved that the initiative of the royal journey, coming from the Canadian administration and supported by the British government, was aimed at strengthening ties between the mother country and the colony and solving pragmatic problems on both sides. The obtained results allow us to conclude that the project of the first official royal tour to overseas territories of Britain, being a product of the thought of the colonial society, indicated the mutual desire of the administration of Britain and Canada to find a balance of interests between the mother country and the colony in the process of updating forms and methods of colonial interaction and constructing the course of imperial policy.

Key words: *the Visit of the Prince of Wales to Canada in 1860; Imperial Policy of Great Britain in the 1860s; Official Royal Visits; British North America.*

REFERENCES

Ajzenshtat M.P., Gella T.N. English parties and the British colonial empire in the 19th century. (1815 – mid-1870s) [Anglijskie partii i kolonial'naja imperija Velikobritanii v XIX v. (1815 – seredina 1870-h gg.)]. Moscow: IVI RAN, 1999. 217 p. (in Russian).

Barsov K.V. The problem of continuity in the development of the theoretical foundations of British military reforms in the 1960s and 1970s. of the 19th century in the writings of Charles and George Trevelyan [Problema preemstvennosti v vyrabotke teoreticheskikh osnov britanskih voennyh reform 60–70-h gg. XIX v. v trudah Charl'zai Dzhordzha Trevel'janov]. *Bulletin of Herzen Pedagogical University of Russia*, 2013, no. 161, pp. 31–36 (in Russian).

Borisenko V.N., Stroganov A.V. On the issue of reforms in the army of Edward Cardwell 1868–1872 [K voprosu o reformah armii Jedvarda Kardujella 1868–1872]. *Issues of the Department of History of Modern and the Latest Times*, 2018, no. 18(2), pp. 131–146 (in Russian).

Velichko E.O. Visits of members of the ruling house of Great Britain in the practice of preventing intra-imperial conflicts (60–70s of the XIX century) [Vizity chlenov pravjashhego doma Velikobritanii v praktike predotvrashhenija vnutriimperskih konfliktov (60–70-e gg. XIX v.)]. *Britain: history, culture, education: materials of the international scientific conference, October 1–2, 2015*, no. 3. Jaroslavl: JaGPU, 2015, pp. 83–85 (in Russian).

Grudzinskij V.V. Great Britain and its empire in ser. XIX century: liberalism and the problem of modernization [Velikobritanija I ee imperija v ser. XIX v: liberalism I problema modernizacii]. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2015. 219 p. (in Russian).

Grudzinskij V.V. At the Turn of Fate: Great Britain and Imperial Federalism (Last Third of the 19th – First Quarter of the 20th Centuries) [Na povorote sud'by: Velikaja Britanija I imperskij federalizm (poslednjaja tret' XIX – pervaja chetvert' XX vv.)]. Cheljabinsk: Cheljabinsk State University, 1996. 312 p. (in Russian).

Dronova N.V. People and ideas: the fate of the British Empire in the assessment of contemporaries (70s of the XIX century) [Ljudi i idei: sud'by Britanskoj imperii v ocenke sovremennikov (70-e gg. XIX v.)]. Tambov, 1998. 180 p. (in Russian).

Dronova N.V., Velichko E.O. From the «right of force» to the «force of justice»: the memory of the Indian rebellion of 1857–1859. in the public mind of Great Britain in the 1960s and 1970s. 19th century (to the assessment of the experience of overcoming the conflict) [Ot «prava sily» k «sile spravedlivosti»: pamjat' ob indijskom vosstanii 1857–1859 gg. v obshhestvennom soznanii Velikobritanii v 60–70-h gg. XIX v. (k ocenke opyta preodolenija konflikta)]. *Bulletin of Tambov Humanitarian University*, 2014, no. 11(139), pp. 272–282 (in Russian).

Nohrin I.M. Interethnic relations and national ideology in Canada in modern times. [Mezhjetnicheskie otnoshenija i nacional'naja ideologija v Kanade v novoe vremja]. Textbook. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2016. 156 p. (in Russian).

Nohrin I.M. Socio-political thought of Canada and the formation of national identity (the last third of the 19th – early 20th centuries) [Obshhestvenno-politicheskaja mysl' Kanady i stanovlenie nacional'nogo samosoznaniya (poslednjaja tret' XIX – nachalo XX vv.)]. Hantsvill: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2012. 232 p. (in Russian).

Simonenko E.S. Canada and Great Britain: the experience of imperial defense integration (late 19th – early 20th centuries) [Kanada i Velikobritanija: opyt imperskoj oboronnoj integracii (konec XIX – nachalo XX vv.)]. Vladivostok: Dal'nevostoch State University, 2010. 236 p. (in Russian).

Tishkov V.A. Liberation movement in colonial Canada [Osvoboditel'noe dvizhenie v kolonial'noj Kanade]. Moscow: Nauka, 1978. 384 p. (in Russian).

Tishkov V.A. Maple Leaf Country: The Beginning of History [Strana klenovogo lista: nachalo istorii]. Moscow: Nauka, 1977. 176 p. (in Russian).

Tishkov V.A., Koshelev L.V. History of Canada [Istorija Kanady]. Moscow: Mysl', 1982. 268 p. (in Russian).

Shendygayev D.I. Cardwell's military reforms and the abolition of patents in the British Army [Voennye reform Kardujella I otnena patentov v britanskoj armii]. *Bulletin of Bransk State University of academician I.G. Petrovskii*, 2018, no 1, pp. 164–171 (in Russian).

Adelaide (Belloc) M. H.R.H. the Prince of Wales. An Account of His Career, including His Birth, Education, Travels, Marriage and Home Life; and Philanthropic, Social and Public Work. N-Y.: D. Appleton and Company, 1898. 216 p. (in English).

Atlay J.B. Sir Henry Wentworth Acland, Bart. K.C.B., F.R.S. Regius Professor of Medicine in the University of Oxford. London.: Smith, Elder & Co., 1903. 516 p. (in English).

Carr-Gomm F.C. Handbook of the Administration of Great Britain during the Nineteenth Century 1801–1900. London.: Smith, Elder & Co., 1901. 353 p. (in English).

Cornwallis K. Royalty in the New World; or, the Prince of Wales in America. N-Y.: M. Doolady, 1860. 287 p. (in English).

Fulton R.D. «Consistent with Honor»: the Anglo-American Press War over San Juan Island, 1859. *American Periodicals*, 1993, vol. 3, pp. 11–31 (in English).

Gough B.M. British Policy in the San Juan Boundary Dispute, 1854–72. *The Pacific Northwest Quarterly*, 1971, vol. 62, no. 2, pp. 59–68 (in English).

Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3rd Series. 1859–1860. Vol. 155–158 (in English).

London, Hansard: 1803–2005. Available at: <http://hansard.millbanksystems.com> (accessed on May 7, 2023).

Hopkins J.C. The Life of King Edward VII with a Sketch of the Career of King George V. 1910. 473 p. (in English).

Howard J.K. Manifest Destiny and the British Empire's Pig. *Montana the Magazine of Western History*, Autumn, 1955, vol. 5, no. 4, pp. 19–23 (in English).

Jackson D.M. The Crown and the Canadian Federalism. Toronto: Dundurn, 2013. 336 p. (in English).

Norris J.G. Mr. Norris and the Visit to Canada of H.R.H. the Prince of Wales. Ottawa C.W. Mitchell, 1876. 26 p. (in English).

Radforth I. Royal Spectacle: The 1860 Visit of the Prince of Wales to Canada and the United States. Toronto: University of Toronto Press, 2004. 340 p. (in English).

The Cotton Manufacture. *Westminster and Foreign Quarterly Review*, Apr., 1861, Vol. 75, pp. 419–457 (in English).

The Daily News. 1858–1860 (in English).

The Dictionary of National Biography. Ed. by Sir Sidney Lee. In LXIII vols. London: Smith, Elder & Co. Vol. XXVI. 1891. 448 p.; Vol. XXXI. 1892. 448 p.; Vol. LXI. 1900. 476 p. (all in English).

The Era. 1860.

The Evening Standard. 1860.

The Examiner. 1860.

The Illustrated London News. 1860.

The Illustrated Times. 1859.

The Morning Chronicle. 1860.

The Morning Post. 1858–1860.

The Standard. 1859–1860.

The Times. 1860.

Thompson's Mirror of the Parliament, being a Report of the Debates in Both Houses of the Canadian Legislature. 3rd Session 6th Parliament. Ed. by S. Thompson. Quebec: Samuel Thompson, 1860. 424 p. (in English).

Tidridge N. Prince Edward, Duke of Kent: Father of the Canadian Crown. Toronto: Dundurn, 2013. 288 p. (in English).

О.О. Бойко

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-211-222

**ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА И ДИСКУССИИ О ЕВРОПЕЙСКИХ
СОЮЗАХ: ОСОБЕННОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКО-
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЛИДЕРОВ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ ОТ У. ГЛАДСТОНА ДО Г. АСКВИТА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Ключевые слова: *Великобритания; либеральная партия; У. Гладстон; Г. Асквит; германская угроза; военно-политический союз; империалистическая политика.*

Предметом исследования является внешняя политика Великобритании конца XIX – начала XX века и преемственность внешнеполитического курса. Целью анализа являются взгляды и деятельность весомых политиков-либералов Великобритании по вопросам внешней политики на фоне трансформации философии либерализма и беспрецедентной конкуренции в колониальной экспансии среди крупных европейских держав. Демонстрируется ряд тенденций в развитии политико-идеологического курса Либеральной партии Великобритании – быстрый отказ от политики «Блестящей изоляции», переход к поиску дружественных держав на европейском континенте и непосредственное влияние либерал-империалистических кругов на смену внешнеполитической стратегии. Исследование источников подтверждает, что в рамках эволюции философии либерализма в конце XIX века также изменилось представление о внешнеполитическом курсе Великобритании в кругах либеральных политиков страны. Автор приходит к выводу, что после ухода от власти У. Гладстона либералы поспешили отойти от политики «Блестящей изоляции». А. Розбери старался соблюдать баланс сил, но, как приверженец либерал-империализма, активно использовал военную силу, не стремясь первым налаживать дружбу с кем-либо в Европе. В период оппозиции 1896–1905 годов не только либерал-империалисты, такие как Э. Грей, Г. Асквит, Р. Халдейн, но и пацифисты, такие как Г. Кэмпбелл-Баннерман, пришли к выводу о неизбежности мирового конфликта на фоне усиливающихся разногласий с Германией и о необходимости выбора союзника в Европе.

В конце XIX века Либеральная партия Великобритании находилась на этапе трансформации. Ускорение социальных изменений в стране, экономическое и военное противостояние в Европе и колониях породили разногласия по вопросам внутренней и внешней политики среди различных

партийных фракций и отдельных политических деятелей и привели к внутреннему расколу. Исследование базируется на анализе мемуаров участников событий, политических памфлетов, материалов парламентских дебатов Великобритании. Источниками выступают произведения представителей британской политической и военной элиты: У. Гладстона, Э. Грея, Г. Асквита, Д. Керзона, А. Розбери, Г. Кэмпбелл-Баннермана, У. Пикеринга, Д. Кимберли и др. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – начало XX века (период изменений в идеологической подоплеке либерализма и раскол в либеральной партии на фоне необходимости смены внешнеполитического курса державы). Историография проблемы представлена англоязычными трудами британских и американских авторов XX века. Исследованию особенностей политики У. Гладстона в период 1880–1885, 1892–1894 годов и эволюции либеральной партии Великобритании посвящены работы П. Станского [Stansky, 1981], Д. Хаммонда [Hammond, 1952] и К. Кука [Cook, 1976]. Историки Д. Сингейзен [Singeisen, 2011], Р. Шеннон [Shannon, 1976], В. Богданор [Bogdanor, 1983] изучали общие тенденции и разногласия внутри либеральной партии Британии касательно экономических и внешнеполитических вопросов в колониях в начале XX века, уделяя внимание внутрипартийной борьбе среди фракций. К. Дейк [Dijk, 2015] и Р. Скалли [Scally, 1975] рассматривали тенденции в философии либерализма и социал-империализма в Британии XIX–XX веков, а также влияние новых тенденций на внешнеполитический курс в Европе, рекомендуемый различными фракциями либеральной партии. Целью статьи является изучение взглядов и деятельности либеральных политических фигур Великобритании по вопросам внешней политики на фоне трансформации философии либерализма и беспрецедентной конкуренции в колониальной экспансии среди крупных европейских держав.

Часть либеральной элиты Великобритании, придерживающаяся концепта «Малой Англии» вслед за У. Гладстоном, была против агрессивной и империалистической политики в отношении других держав [Stansky, 1981]. Курс на мирное решение внешнеполитических вопросов был задан У. Гладстоном еще в период Мидлотианской кампании в середине 1880 годов: «Мир, сокращение государственных расходов, реформа... все эти слова связаны с содействием человеческому счастью. Подумайте о событиях, солдатах которые залили кровью многие холмы и многие долины...» [Gladstone, 1879, 115]. Таким образом, опираясь на высказывания У. Гладстона, можно сделать вывод, что миролюбивой позиции политик придерживался длительное время и не отступил от нее и после прихода к власти в 1892 году, когда в Англии эволюционировала философия либерализма [Singeisen, 2011, 6].

Необходимо обратить внимание на то, что в период второго министерства У. Гладстона Британии пришлось пойти на военное столкновение в

Египте. В результате Англо-египетской войны 1882 года Британия оккупировала Египет. Франция была недовольна, что осталась в стороне, так как считала Египет зоной своего влияния [Hammond, 1952, 173]. Британский либеральный политик Э. Фицморис в работе «Жизнь Грэнвиля Джорджа Левесона» пишет о том, что «...немецкие колониальные амбиции поначалу были встречены британской общественностью с циничным безразличием, но позже и британское правительство, и народ выказали неэффективную оппозицию немецкой экспансии» [Fitzmaurice, 1905, 329]. Хотя У. Гладстон и не стремился к образованию военно-политических союзов в Европе, он четко осознавал, что колониальные интересы Германии в значительной мере пересекаются с Британскими как в Африке, так и на Востоке. Конфликт на Самоа в 1887–1889 стал импульсом для Берлина к созданию флота, который мог бы конкурировать с британским, и, таким образом, дал резкий толчок англо-германской военной и морской гонке [Dijk, 2015, 25]. Таким образом, несмотря на то что У. Гладстон и близкие ему либеральные политики выглядели противниками империалистической политики и старались избегать военных конфликтов, им приходилось использовать военную силу под лозунгом обеспечения безопасности своих зарубежных территорий. Хотя У. Гладстон и старался предвидеть результаты влияния своей политики на общее положение дел в Европе, военные действия в Египте создали почву для быстрого франко-русского сближения, изменив баланс сил в регионе в пользу Великобритании.

В период работы четвертого кабинета У. Гладстона в 1893 году вопрос касательно увеличения военно-морских расходов оказался в центре политических дискуссий либералов. А. Розбери хотя и являлся учеником У. Гладстона, однако, вернувшись в Министерство иностранных дел, продемонстрировал независимость от своего премьер-министра. Он придерживался значительно более империалистической точки зрения, в частности в споре с Францией в 1893 году о границах Сиама [Stansky, 1981]. В результате упор на империалистическую повестку во внешней политике Великобритании еще раз привел к франко-российскому сближению, что поставило во главу угла вопрос необходимости превосходства британского флота над любой возможной враждебной комбинацией. В октябре 1893 года секретарь по делам Индии лорд Д. Кимберли, столкнувшись с проблемой недопущения французов в Таиланд, жаловался на «...огромное увеличение ответственности Британии, которое распространяется на четверть мира...» [Wodehouse, 1997, 84]. Аналогичное замечание было сделано по поводу защиты сфер влияния в Китае английским политиком и адмиралом Ч. Бересфордом [Beresford, 1899]. Таким образом, следует заключить, что либеральное правительство во главе с У. Гладстоном пыталось создать систему буферных территорий, удерживающих армии потенциальных врагов – Россию и Францию. В рамках данной проблемы необходимо обратить внимание на высказывание консервативного политика Д. Керзона в его труде

«Проблемы Дальнего Востока», в котором он указывал на тот факт, что будущее Великобритании будет решаться не в Европе, а в Азии [Curzon, 1892]. Либеральный государственный деятель В. Пикеринг, заведовавший Британским протекторатом в Сингапуре, видел в России и Франции реальную угрозу английским интересам в этом регионе: «На Дальнем Востоке Великобритания столкнулась с мощной оппозицией России и Франции в сочетании с завистью немцев...» [Pickering, 1898, 132].

К 1893 году масштабная программа строительства кораблей класса дредноут была практически завершена. У. Гладстон выступил за отмену финансирования флота. Неоднократно он называл военно-морские предложения «пьяными и безумными» [Gladstone, 1971, 268]. Анализ высказываний У. Гладстона позволяет заключить, что политик в еще середине 1890-х годов фактически не хотел признавать существования какой-либо серьезной опасности для Великобритании из-за океана и считал большие расходы на вооружение ошибкой. В отличие от А. Розбери и близких ему политиков вроде Э. Грея, Р. Халдейна, У. Гладстон вместе с большинством пацифистских и нейтралистских либералов выступал против воинственного и иррационального аспектов империализма, называя его «исчадием урапатриотизма» [Bogdanor, 1983]. В политической речи в Ливерпуле 1896 года, которая была посвящена англо-афганской войне, У. Гладстон обращал внимание на чрезмерную агрессию империалистических кругов Британии в Африке: «...Деревня была сожжена. Вы обдумывали значение этих слов? Смысл в том, что женщины и дети были изгнаны, чтобы погибнуть в зимних снегах...» [Gladstone, 1971, 194].

В конце XIX века в Британии набирают популярность идеи нового либерализма, которые нашли отклик среди членов либеральной партии. Такие политики, как А. Розбери, Р. Халдейн, Э. Грей, пытались совместить старые и новые либеральные принципы. Будучи министром иностранных дел в четвертом правительстве У. Гладстона, А. Розбери не стремился заручиться поддержкой Франции или Германии. В первую очередь он хотел реализовать свои империалистические идеи. Данный факт отражает в своем памфлете либеральный политик Д. Китсон: «Либеральное правительство, находясь у власти, пыталось урегулировать трудности с Францией путем создания буферного государства. Однако либеральное правительство А. Розбери не только не отказалось от своих притязаний на территорию обеих берегов р. Меконг, но и пошло на военное столкновение с Францией» [Pamphlets and leaflets, 1896, 66]. Стоит подчеркнуть, что такие действия А. Розбери были вызваны не ненавистью к Франции, а необходимостью защитить имперский престиж Британии и честь великой державы в глазах мирового сообщества [Hammond, 1952]. Важным для исследования является положение о том, что либеральное правительство А. Розбери в период Армянских кризисов 1894–1895 годов отказалось в одиночку вмешиваться в конфликт, учитывая оказываемую помощь и интересы Германии в Турции. В своем памфлете 1896 года А. Розбери выражает мнение

либерал-империалистов касательно угрозы со стороны Германии и возможных союзников, делая акцент на необходимости концентрации во внешней политике: «...Говорят, что Франция и Россия враждебно настроены по отношению к нам. Совершенно верно, что мы, похоже, отказались от “великолепной изоляции”, и говорят, что мы обрели благорасположение Тройственного союза. Что касается этого, то можно сказать, что Австрия и Италия всегда были нашими искренними и бескорыстными друзьями, а что касается Германии, я рад слышать, что мы снова приобретаем ее дружбу...» [Pamphlets and leaflets, 1896, 94]. Эти косвенные факты и мнение политика дают возможность сделать вывод, что А. Розбери не стремился к налаживанию дружественных отношений с Францией и, в отличие от У. Гладстона, уже не хотел использовать какие-либо буферы. Также необходимо подчеркнуть тот факт, что А. Розбери скорее видел преимущество в дружбе с Италией и Германией даже ценой уступок в англо-германских отношениях, так как Германия могла стать союзником в борьбе против России, учитывая усиливающийся франко-русский союз.

Представить его позицию в отношении европейского баланса сил позволяют следующие заявления, сформулированные им в памфлете 1896 года после ухода с поста лидера партии. Политик подчеркивает непоследовательность пришедшего к власти в 1895 году консервативного правительства лорда Солсбери, которое пытается наладить отношения с Францией, а через несколько недель объявляет военный поход на Судан (1898), возвращая себе лояльность Германии [Pamphlets and leaflets, 1896, 105]. Стало быть, А. Розбери осуждает непоследовательность политики консерваторов и неудачный рейд Джеймсона в Трансваальскую республику (в конце 1895 – начале 1896 года), так как он привел к политической конфронтации с Германией. С точки зрения империалиста он негативно оценивает односторонние территориальные подарки Франции для обретения ее лояльности. Исходя из рассуждений и действий политика, следует четко маркировать, что на момент прихода к власти А. Розбери отклонился от курса своего учителя У. Гладстона и стремился проводить собственную внешнюю политику, основанную на империалистических идеалах, при этом же сохранял нейтралитет Британии на внешнеполитической арене.

Э. Грей в своих высказываниях подчеркивает, что в 1898 году Великобритания «...не может допустить войны в Китае и мира в Европе...» [Grey, 1898, 165]. «Споры между державами из-за Африки не приведут к войне, а в Китае могли бы...» [Grey, 1898, 189]. Таким образом, можно заключить, что он был уверен в невозможности политики изоляции в будущем. Британия должна следовать собственным интересам и выбирать союзников, которые бы не мешали их реализации. Растущую симпатию А. Розбери к Германии отмечает в 1899 году либерал-империалист Р. Халдейн: «...дело Дрейфуса сделало его более антифранцузским, чем когда-либо, при этом он с тревогой относился к

немецкой коммерческой конкуренции и не поддерживал различные предложения об англо-германском союзе...» [Pamphlets and leaflets, 1896, 112]. Опираясь на данные высказывания, мы можем констатировать, что враждебность А. Розбери к французам не делала его «прогерманским» в каком-либо позитивном политическом смысле. Политик признавал отсутствие комплекса сдерживания Германии и опасался серьезных проблем в британской экономике в случае начала войны [Coates, 1900]. В своих мемуарах А. Розбери пишет: «Я осудил почти все соглашения, достигнутые правительством с 1895 года, как “односторонние”. Соглашения с Германией по Самоа, Китаю и Венесуэле были “полностью односторонними”, но никогда не было заключено более одностороннего соглашения между двумя державами, находящимися в мире друг с другом, чем англо-французское соглашение, а именно – уступка в Марокко...» [Coates, 1900, 447]. Следовательно, А. Розбери считал попытки наладить отношения с Францией «односторонними», а англо-французскую Антанту рассматривал как неблагоприятный результат такой политики [Coates, 1900, 483]. В своем более позднем памфлете либерал-империалист А. Розбери открыто поддерживал англо-бурскую войну 1899 года, несмотря на возможное ухудшение отношений с Германией, и заявил: «Мы должны объединить всю энергию и все силы, имеющиеся в нашем распоряжении...» В результате изучения различных высказываний и трудов политика правомерно сделать вывод о том, что для А. Розбери империалистические взгляды были приоритетнее, чем поиск дружественных держав в Европе [Coates, 1900, 515]. Политик был готов применять силу, даже без явной на то необходимости.

С усилением раскола внутри либеральной партии Великобритании наиболее очевидным был антагонизм между А. Розбери и Г. Кэмпбелл-Баннерманом. В своей Честерфилдской речи от 15 декабря 1901 года А. Розбери выступил с призывом к полному пересмотру целей партии, он придерживался концепции «чистого листа» – мнения о том, что Либеральная партия должна отказаться от давней политики, которая оказалась непопулярна среди электората. Г. Кэмпбелл-Баннерман расценил призыв Розбери к «чистому листу» как оскорбление либерализма [Grey, 1898, 193]. Разногласия между либеральными политиками привели к созданию в феврале 1902 года А. Розбери Либеральной лиги. Молодые империалисты рассматривали ее в качестве некоего рычага внутреннего давления в партии, а не как сепаратистский орган [Singeisen, 2011]. Кампания Либеральной лиги Розбери была основана на существовании вездесущей угрозы национального упадка из-за дипломатической изоляции Британии, усиления США в Латинской Америке и критики иностранной прессы в период Англо-бурской войны [Scally, 1975]. Мнения либерал-империалистов насчет германской угрозы и поиска союзника разделились. Важно отметить, что либеральный империалист Г. Асквит не рассматривал Германию как возможного союзника. В труде «Генезис Войны» он отмечает: «Германия успешно “ухаживала за исламом”, создала свою “отдушину” в Малой Азии, а

также являлась экономическим соперником для Британии несмотря на различные мирные договоренности» [Grey, 1898, 219]. Иначе говоря, вслед за А. Розбери он подтверждает, что ни кабинету У. Гладстона, ни консерваторам фактически не удалось «окружить» Германию, политика Британии слишком нерешительна [Cook, 1976]. Следует обратить внимание, что в своих воспоминаниях либерал-империалист Э. Грэй касательно англо-французского соглашения 1904 года, анализируя положение дел во внешней политике, приходит к следующему выводу: «...изоляция была реальной, но она была далека от великолепия до тех пор, пока империи приходилось зависеть от поддержки Германии, чтобы пережить свои кризисы...» [Cook, 1976]. Э. Грей, будучи либерал-империалистом, поддерживал политику консерваторов в отношении урегулирования постоянных споров с Францией. И он откровенно признавал: «Я в свое время не видел ничего плохого в том, чтобы гавань на северо-западном побережье Африки оказалась в руках немцев. Это было до появления эффективной боевой подводной лодки в Германии...» [Grey, 1925, 169].

Либеральный политик Г. Кэмпбелл-Баннерман сформировал министерство 5 декабря 1905 года. Несмотря на то что он сам был приверженцем пацифистских взглядов и скорее находился в идейном русле гладстоновской политики, он все-таки не смог преодолеть влияния либерал-империалистического течения. В письме к Либеральной партии в начале 1906 Кэмпбелл-Баннерман подчеркивал: «Мы не можем пойти на войну, потому что у нас нет армии, но для либерализма нехорошо защищать статус-кво...» [Campbell-Bannerman, 1906, 4]. Обращаясь к министру иностранных дел Э. Грею, Г. Кэмпбелл-Баннерман наметил следующий политический курс: «...остаемся друзьями с Францией и сердечно сотрудничаем с Рузвельтом. Не впутывайте нас в войну...» [Campbell-Bannerman, 1906, 6]. Важно обратить внимание на позицию лидера партии в отношении организации военного дела в Великобритании. В своем обращении к мистеру Халдейну как представителю военного министерства Г. Кэмпбелл-Баннерман требует восстановления боеспособности армии [Campbell-Bannerman, 1906, 7]. Исходя из этого, опираясь на высказывания политика Г. Кэмпбелл-Баннермана, можно заключить, что к 1905 году фактически сохранилась лишь незначительная политико-идеологическая преемственность от У. Гладстона во внешнеполитических вопросах. Г. Кэмпбелл-Баннерман, несмотря на свои либеральные взгляды, видел необходимость усиления армии Британии в связи с реальными угрозами Британским позициям в Европе. В отличие от либерал-империалистов А. Розбери и Э. Грея, он не стремился разрывать отношения с Францией на фоне зависимости Британии от Германии. Тем не менее политик был уверен, что Британии нужен более надежный союзник в Европе, чем Германия, и с менее амбициозными колониальными планами. В 1905 году к поддержке данного политического концепта присоединился и

министр иностранных дел Э. Грей, который изначально приветствовал налаживание отношений с Германией и Италией вслед за А. Розбери. После прихода к власти в 1906 году Э. Грей меняет свою позицию и по указанию Г. Кэмпбелл-Баннермана оказывает поддержку Франции в Марокканском кризисе (остром международном конфликте между Германией и Францией относительно султаната Марокко). В частности, политик подчеркивал: «...я был согласен, что союз с Германией не защитит Британию от войны...» [Grey, 1925, 202]. В контексте данного вопроса следует обратиться к высказываниям Э. Грея в его работе «25 лет политики»: «...в 1905 году как член правительства догадываюсь для себя, что в конце концов произойдет европейская война, спровоцированная Германией, и что Англия должна немедленно к ней подготовиться» [Grey, 1925, 217]. Опираясь на труд Э. Грея, можно констатировать, что к 1906 году в либеральной политической элите начался процесс трансформации мнений. Вслед за Г. Асквитом и Г. Кэмпбелл-Баннерманом Э. Грей обратил внимание на необходимость скорейшего налаживания отношений с Францией в противовес быстрорастущей мощи Германии. При этом создатель Либеральной лиги А. Розбери в памфлетах отмечает: «...Я не был сумасшедшим, когда сказал, что англо-французское соглашение с гораздо большей вероятностью приведет к осложнениям, чем к миру. Вы опираетесь на трость, а у германского императора четыре миллиона солдат и второй по силе флот в мире...» [Pamphlets and leaflets, 1896, 94]. Отсюда можно сделать вывод, что взгляд А. Розбери на европейскую политику основывался на его страхе перед силой Германии и одновременном недоверии к французскому правительству. Политик был убежден, что союз с наиболее сильной военной державой на континенте способен обезопасить Великобританию. Следует сделать акцент на том, что, несмотря на сближение с Францией, либеральный кабинет, пришедший к власти в 1905 году, все же стремился снизить напряженность в англо-германских отношениях. Подтверждением этому служит активная работа в 1907 году Англо-германского комитета дружбы Великобритании, который направил дружественное обращение принцу Генриху Прусскому по случаю визита принца в Англию [Asquith, 1923]. Таким образом, действующие политики либерального кабинета четко понимали возможность прямого военного столкновения с быстро растущей военной машиной Германии. Либерал-империалисты осознавали, что политика изоляции не имеет права на жизнь. По оценке британского историка Р. Шеннона, либералы пришли к выводу о невозможности защиты империи без какого-либо дружественного договора с крупной иностранной державой [Shannon, 1976].

В заключение можно сделать вывод, что в результате обновления либеральной идеологии в конце XIX века произошла трансформация взглядов правящей либеральной элиты Великобритании. В период своего правления

У. Гладстон не стремился вступать в военно-политические альянсы и придерживался курса изоляции вплоть до окончания политической карьеры, но, несмотря на свои пацифистские взгляды, при необходимости применял военную силу. А Розбери расходился во взглядах с У. Гладстоном и в период пребывания у власти в 1894–1895 годы. Политик стремился защитить честь Британии на международной арене. А. Розбери не хотел налаживать дружеские отношения с Францией, но также не был полностью прогерманским. Он осуждал агрессивные действия, которые могли привести к конфронтации и ухудшению отношений с Германией, так как знал об отсутствии реального комплекса сдерживания и видел определенные преимущества от дружбы с ней. В период оппозиции мнения либералов неоднократно менялись. К моменту прихода к власти в 1906 году Г. Кэмпбелл-Баннерман, невзирая на приверженность к радикальной фракции, поддерживал мнения либерал-империалистов Э. Грея, Г. Асквита и Р. Халдейна о необходимости ориентации на Францию как потенциального союзника на континенте для усиления своей безопасности. Несмотря на некоторые разногласия и непоследовательные шаги со стороны Франции, консервативный, а далее и либеральный кабинеты шли на односторонние уступки для достижения ее лояльности и дружеских отношений в противовес Германии.

ЛИТЕРАТУРА

Asquith H. The genesis of the war. London: Cassell, 1923. 304 p. URL: <https://archive.org/details/genesisofwar00asquoft> (дата обращения: 11.02.2023).

Beresford C. The break-up of China. With an account of its present commerce, currency, waterways, armies, railways, politics, and future prospects. London: Harpe, 1899. 541 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.92289> (дата обращения: 11.02.2023).

Bogdanor V. Liberal Party politics. New York: Oxford University Press, 1983. 328 p. URL: <https://archive.org/details/liberalpartypoli0000unse> (дата обращения: 11.02.2023).

Campbell-Bannerman H. The Liberal Cabinet: an intercepted letter. London, 1906. 10 p. URL: <https://archive.org/details/liberalcabinetin00camp> (дата обращения: 11.02.2023).

Coates T. Lord Rosebery, his life and speeches. London: Hutchinson and co., 1900. 544 p. URL: <https://archive.org/details/cu31924088010503> (дата обращения: 11.02.2023).

Cook C. A short history of the Liberal Party 1900–1970. New York: St. Martin Press, 1976. 183 p. URL: <https://archive.org/details/shorthistoryofli0000cook> (дата обращения: 11.02.2023).

Curzon G. Persia and the Persian Question. London: Longmans, 1892. 706 p. URL: https://archive.org/details/bub_gb_luxtAAAAMAAJ (дата обращения: 11.02.2023).

Dijk K. Pacific Strife. Amsterdam: University Press, 2015. 568 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt15nmjw8> (дата обращения: 11.02.2023).

Fitzmaurice E. The life of Granville George Leveson Gower, second earl Granville, K.G., 1815–1891. London: Longmans, 1905. 566 p. URL: <https://archive.org/details/lifeofgranvilleg02fitzuoft> (дата обращения: 11.02.2023).

Gladstone W.E. Autobiographical memoranda, 1868–1894. London: H.M. Stationery Off, 1971. 322 p. URL: <https://archive.org/details/wegladstone0000glad> (дата обращения: 11.02.2023).

Gladstone W.E. Political speeches in Scotland. Edinburgh: A. Elliot, 1879. 255 p. URL: <https://archive.org/details/politicalspeeche00gladiala> (дата обращения: 11.02.2023).

Grey E. Grey Edwart in House of Commons. Address in answer to her majesty's most gracious speech. London: Parliament.uk, 1898. P. 152–220. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/sittings/1898/feb/09> (дата обращения: 05.02.2023).

Grey E. Twenty-five years, 1892–1916. New York: Frederick A. Stokes Co, 1925. 353 p. URL: <https://archive.org/details/twentyfiveyears100grey> (дата обращения: 05.02.2023).

Hammond J. Gladstone and liberalism. London: English Universities Press, 1952. 223 p. URL: <https://archive.org/details/gladstoneliberal0000hamm> (дата обращения: 05.02.2023).

Pamphlets and leaflets: being the publications for the year of the Liberal Publication Department. London: Liberal Publication Dept, 1896. 133 p. URL: <https://archive.org/details/pamphletsleaflet1896libe> (дата обращения: 05.02.2023).

Pickering W.A. Pioneering in Formosa: Recollections of adventures among mandarins, wreckers, head-hunting savages. London: Hurst and Blackett, 1898. 364 p. URL: <https://archive.org/details/pioneeringinform00pickrich> (дата обращения: 05.02.2023).

Scally R. The origins of the Lloyd George coalition: the politics of social-imperialism, 1900–1918. N.J. Princeton: Princeton University Press, 1975. 423 p. URL: <https://archive.org/details/originsoflloydge0000scal> (дата обращения: 05.02.2023).

Shannon R. The Crisis of Imperialism: 1865–1915. London: Paladin Press, 1976. 516 p. URL: <https://archive.org/details/crisisofimperial0000unse> (дата обращения: 05.02.2023).

Singeisen D. Liberals and armaments 1900–1918. Paris: Les Cahiers du МИМОС, № 8, 2011. 26 p. URL: <https://journals.openedition.org/mimmoc/734> (дата обращения: 05.02.2023).

Stansky P. Gladstone, a progress in politics. New York: W.W. Norton, 1981. 201 p. URL: <https://archive.org/details/gladstoneprogres00stan> (дата обращения: 05.02.2023).

Wodehouse J. The journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, for 1862–1902. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1997. 560 p. URL: <https://archive.org/details/journalofjohnwod0000wode> (дата обращения: 05.02.2023).

О.О. Boyko

*Postgraduate Student,
Department of Foreign History
and International Relations ИМО,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia*

**The German Threat and Discussions about European Unions:
Features of the Liberal Political and Ideological Continuity
of the Leaders of the Liberal Party from W. Gladstone to G. Asquith
in the Late XIX – Early XX Centuries**

The subject of the research is the foreign policy of Great Britain in the late 19th – early 20th centuries and the continuity of the foreign policy course of liberal political figures. The purpose of the analysis is the views and activities of significant British liberal politicians on foreign policy issues against the background of the transformation of the philosophy of liberalism and unprecedented competition in colonial expansion among major European powers. A number of trends in the development of the political and ideological course of the Liberal Party of Great Britain are demonstrated - a quick rejection of the policy of «Splendid Isolation» to the search for friendly powers on the European continent

and the direct influence of liberal-imperialist circles on changing the foreign policy strategy. The study of sources confirms that as part of the evolution of the philosophy of liberalism at the end of the 19th century, the idea of the foreign policy of Great Britain in the circles of liberal politicians of the country also changed. The author comes to the conclusion that after W. Gladstone left power, the liberals hastened to move away from the policy of «Splendid Isolation». A. Rosebery tried to maintain a balance of power, but, as an adherent of liberal imperialism, he actively used military force, not striving to be the first to establish friendship with anyone in Europe. During the period of opposition 1896-1905 not only liberal-imperialists such as E. Grey, H. Asquith, R. Haldane, but also pacifists such as H. Campbell-Bannerman came to the conclusion that a world conflict was inevitable against the backdrop of growing disagreements with Germany and the need to choose an ally in Europe.

Key words: *Great Britain; Liberal Party; W. Gladstone; G. Asquith; German threat; military-political alliance; imperialist policy.*

REFERENCES

Asquith H. The genesis of the war. London: Cassell, 1923. 304 p. Available at: <https://archive.org/details/genesisofwar00asquoft> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Beresford C. The break-up of China. With an account of its present commerce, currency, waterways, armies, railways, politics, and future prospects. London: Harpe, 1899. 541 p. Available at: <https://archive.org/details/dli.granth.92289> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Bogdanor V. Liberal Party politics. New York: Oxford University Press, 1983. 328 p. Available at: <https://archive.org/details/liberalpartypoli0000unse> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Campbell-Bannerman H. The Liberal Cabinet: an intercepted letter. London, 1906. 10 p. Available at: <https://archive.org/details/liberalcabinetin00camp> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Coates T. Lord Rosebery, his life and speeches. London: Hutchinson and co., 1900. 544 p. Available at: <https://archive.org/details/cu31924088010503> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Cook C. A short history of the Liberal Party 1900–1970. New York: St. Martin Press, 1976. 183 p. Available at: <https://archive.org/details/shorthistoryofli0000cook> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Curzon G. Persia and the Persian Question. London: Longmans, 1892. 706 p. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_luxtAAAAMAAJ (accessed on February 11, 2023) (in English).

Dijk K. Pacific Strife. Amsterdam: University Press, 2015. 568 p. Available at: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt15nmjw8> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Fitzmaurice E. The life of Granville George Leveson Gower, second earl Granville, K.G., 1815–1891. London: Longmans, 1905. 566 p. Available at: <https://archive.org/details/lifeofgranvilleg02fitzuoft> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Gladstone W.E. Autobiographical memoranda, 1868–1894. London: H.M. Stationery Off, 1971. 322 p. Available at: <https://archive.org/details/wegladstone0000glad> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Gladstone W.E. Political speeches in Scotland. Edinburgh: A. Elliot, 1879. 255 p. Available at: <https://archive.org/details/politicalspeech00gladiala> (accessed on February 11, 2023) (in English).

Grey E. Grey Edwart in House of Commons. Address in answer to her majesty's most gracious speech. London: Parliament.uk, 1898, pp. 152–220. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/sittings/1898/feb/09> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Grey E. Twenty-five years, 1892–1916. New York: Frederick A. Stokes Co, 1925. 353 p. Available at: <https://archive.org/details/twentyfiveyears100grey> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Hammond J. Gladstone and liberalism. London: English Universities Press, 1952. 223 p. Available at: <https://archive.org/details/gladstoneliberal0000hamm> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Pamphlets and leaflets: being the publications for the year of the Liberal Publication Department. London: Liberal Publication Dept, 1896. 133p. Available at: <https://archive.org/details/pamphletsleaflet1896libe> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Pickering W.A. Pioneering in Formosa: Recollections of adventures among mandarins, wreckers, head-hunting savages. London: Hurst and Blackett, 1898. 364 p. Available at: <https://archive.org/details/pioneeringinform00pickrich> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Scally R. The origins of the Lloyd George coalition: the politics of social-imperialism, 1900–1918. N.J. Princeton: Princeton University Press, 1975. 423 p. Available at: <https://archive.org/details/originsoflloydge0000scal> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Shannon R. The Crisis of Imperialism: 1865–1915. London: Paladin Press, 1976. 516 p. Available at: <https://archive.org/details/crisisofimperial0000unse> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Singeisen D. Liberals and armaments 1900–1918. Paris: Les Cahiers du MIMMOC, No.8, 2011. 26 p. Available at: <https://journals.openedition.org/mimmoc/734> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Stansky P. Gladstone, a progress in politics. New York: W.W. Norton, 1981. 201 p. Available at: <https://archive.org/details/gladstoneprogres00stan> (accessed on February 5, 2023) (in English).

Wodehouse J. The journal of John Wodehouse, first Earl of Kimberley, for 1862–1902. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1997. 560 p. Available at: <https://archive.org/details/journalofjohnwod0000wode> (accessed on February 11, 2023) (in English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru.

Балакина Лилия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: lvbalakina@mail.ru.

Белютин Роман Вячеславович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@mail.ru.

Бойко Олег Олегович – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений ИИМО Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: boykooleg9059@gmail.com.

Величко Екатерина Олеговна – независимый исследователь (г. Санкт-Петербург). E-mail: catherina.velichko@gmail.com.

Воронцова Анна Алексеевна – докторант Потсдамского университета (Германия). E-mail: vorontsova.anna@yahoo.de.

Воронцова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, президент Института иностранных языков, почетный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. E-mail: vti2005@yandex.ru.

Гришаева Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета. E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru.

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом аспирантуры Смоленского государственного университета спорта. E-mail: cobets.olga@yandex.ru.

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: EVKodin@yandex.ru.

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Краснова Ольга Николаевна – аспирант кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Гуманитарного института Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: olg.isupowa@yandex.ru.

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (г. Москва). E-mail: drkulakov@mail.ru.

Кудрицкая Софья Владимировна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: carezzo@ya.ru. ORCID ID: 0000-0003-3294-9547.

Ли Лин – аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: lily-lit@mail.ru.

Николина Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета. E-mail: admin@riash.ru.

Петрова Зоя Юрьевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва). E-mail: zoyp@mail.ru.

Познахирев Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Университета «Реавиз» (г. Санкт-Петербург). E-mail: vvkr@list.ru.

Суменкова Мария Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета. E-mail: sumenkova77@bk.ru.

Фатеева Наталья Александровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва). E-mail: nafata@rambler.ru.

Штацкая Ангелина Михайловна – младший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории изучения событий Второй мировой войны и противодействия фальсификации истории, магистрант II курса исторического факультета Псковского государственного университета. E-mail: lina.shtatskaya@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander Borisovich Kamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)

Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg Yevgenyevich Pokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailovich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)

L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2022 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета»**.

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.
Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс – **ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Смоленский государственный университет

Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157

E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия
Смоленского государственного
университета

Выходит 4 раза в год
2023, № 2(62)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *К.Н. Апазиди, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 26. 07. 2023. Формат 70x100¹/₁₆.
Усл. п. л. 18,75. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная